

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ВЕСТНИК
ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 4 (61)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2010

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.agrk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандрo-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 4 (61). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 133 с.
Chita State University Journal. № 4 (61). – Chita St. Univ. Pr. 2010.

Философские науки

УДК 1(091)

Бурмистров Сергей Леонидович
Sergey Burmistrov

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА И ПОИСК РЕАЛЬНОСТИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С. ДАСГУПТЫ

PHILOSOPHY AS PRACTICE AND SEARCH FOR REALITY IN HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPTION DEVELOPED BY S. DASGUPTA

Анализируется понимание природы философии Сурендранатхом Дасгуптой. Исследуется связь историко-философского процесса с высшей Реальностью (Брахманом) и практический характер философии. Рассматриваются связи историко-философской концепции Дасгупты с таковой же С. Радхакришнана и с западными философскими течениями (неогегельянство, прагматизм). Демонстрируется понимание Дасгуптой философии как религиозной практики по преимуществу

Ключевые слова: *Дасгупта, веданта, адвайта-веданта, неоведантизм, история философии, историко-философские концепции*

Essence of philosophy developed by Surendranath Dasgupta is analyzed. Relation between the process of philosophical evolution and the highest Reality (Brahman) as well as practical character of philosophy are researched. Association of conception developed by Dasgupta with conception developed by S. Radhakrishnan and Western philosophical trends (neo-hegelianism, pragmatism) is considered. Interpretation of philosophy mainly as a religious practice is demonstrated

Key words: *Dasgupta, Vedānta, Advaita-Vedānta, neovedāntism, history of philosophy, historical-philosophical conceptions*

Сурендранатх Дасгупта (1885-1952) по праву считается одним из крупнейших историков индийской философии, и нелегко найти сколько-нибудь серьезную работу по этой теме, в которой не было бы ссылок на его труды – прежде всего пятитомную «Историю индийской философии» [1], дело всей его жизни. Однако его историко-философская концепция до сих пор не привлекала внимания исследователей. Настоящая статья призвана хотя бы частично заполнить этот пробел. Мы предполагаем здесь наметить некоторые особенности понимания С. Дасгуптой самого понятия философии, ее характерных особенностей, отличающих ее от других форм культуры, и понимание им природы *индийской* философии (прежде

всего ее преимущественно практический, с его точки зрения, характер).

Прежде всего, обращает на себя внимание понимание Дасгуптой сущности философского знания вообще. Как замечает Т.И. Ойзерман, невозможно выделить какой-то один, универсальный вопрос, который бы делал философию философией: для Ф. Энгельса таковым был вопрос об отношении мышления к бытию, для А. Камю – о ценности жизни, для Руссо – о социальном неравенстве, для Гельвеция – о счастье, для К. Поппера – о понимании мира и т.д. [2]. Для Дасгупты основной темой философии является тема религиозного спасения – точнее, освобождения от неведения, преодоления «посюстороннего», неистинного бытия

и проникновение «на тот берег», как сказали бы буддисты, — к бытию действительно реальному, не иллюзорному. Особенно хорошо это заметно при сравнении его взглядов с таковыми, например, Д.П. Чаттопадхьяи, который главной темой индийской философии называл проблему реальности мира — она была для него критерием для отнесения того или иного мыслителя к классу идеалистов или материалистов, причем последних, по его мнению, в истории индийской философской мысли было большинство [3]. Дасгупта же уделяет больше внимания тому, к каким *религиозным* последствиям ведет принятие той или иной философской системы, и веданта, а также связанные с нею в той или иной мере чисто религиозные течения в индийской культуре (бхакти, шайвизм и т. п.), оказывается у него центром, ядром культуры, поэтому недаром именно им посвящена большая часть его фундаментального труда.

Историко-философский процесс у Дасгупты изображается как процесс, направляемый по преимуществу религиозными интересами, причем важно заметить, что в его концепции они имеют врожденный характер, имманентный человеческой психике. Аналогичных взглядов придерживался и другой историк-ведантист — Сарвепалли Радхакришнан. В его концепции движущая сила исторического процесса в целом — это божество, Брахман, а так как он имманентен человеческой личности, то именно человек выступает основной движущей силой истории [4]. Более подробно эти вопросы освещены в работе [5]. Суть исторического процесса этим философом рассматривается как имеющая ценностный характер, т.к. сама деятельность божества — это осуществление вневременных ценностей в плоскости времени [6].

О весьма сходных вещах говорит и Дасгупта — с тем немаловажным отличием, что у него гораздо большее значение придается именно *практическим* результатам философского знания. Выше мы уже видели, что в его философии акцент делается на реальном опыте, на переживаниях человека, и в

этом Дасгупта существенно отличается от своих европейских наставников, в первую очередь неогегельянцев. Из итальянских неогегельянцев, пожалуй, только Бенедетто Кроче придавал определенное значение практической стороне человеческой жизни, включая в свою категориальную сетку понятие полезного и соответствующую ему сферу экономики. Однако и у него, равно как и, например, у Джованни Джентиле, развитие человечества все же детерминировано закономерностями Духа, имманентными ему и независимыми ни от каких внеположных ему факторов. В британском неогегельянстве также подлинно реальным (по крайней мере, у Дж. Стерлинга) является лишь мыслимое, чувственно же воспринимаемое возводится в ранг реального посредством определения его на основе универсальных принципов [7].

Для Дасгупты абстрактные понятия — лишь нечто вторичное или, во всяком случае, не единственное средство познания мира, которое возможно лишь при соединении на равных правах практического опыта и абстрактных философских спекуляций. Именно здесь он видит разницу между западным и индийским типами философии: для Запада философия была всегда в основном теоретическим, сугубо рациональным исследованием, тогда как от индийского философа требовалось еще и продемонстрировать связь его умозрений с реальным жизненным опытом [8]. Отсюда следует и содержательное отличие историко-философской концепции Дасгупты от таковых же, выдвинутых другими индологами (Радхакришнаном, Ф. Максом Мюллером, П. Дойссеном и др.). Дасгупта гораздо большее внимание уделяет тем течениям и концепциям, которые, может быть, и не очень богаты собственно *философским* в узком смысле слова содержанием, но прямо и непосредственно связаны с религиозными практиками и являются системами приемов для работы с самыми разнообразными формами опыта, включая и трансперсональный опыт. Индийская даршана — это, как замечает проф. В.И. Рудой, система, состо-

ящая из трех уровней — доктринального, психотехнического и собственно философского (логико-дискурсивного), поэтому, с точки зрения Дасгупты, если мы ограничимся только последним из них, то получим в лучшем случае «усеченную» философскую систему, из которой вырваны многие существенно важные для нее компоненты и которая поэтому кажется человеку, не знакомому с общим культурным контекстом, в котором она формировалась и функционировала, вычурной и бессмысленной. Поэтому неудивительно, что он включил в свою историю философии не только логико-дискурсивные построения индийских мыслителей, но и религиозные учения и даже медицинские концепции. Исследование им таких течений, как шайвизм или тантризм, в рамках именно истории философии выглядит в этом случае совершенно естественно, т.к. они были религиозно-практическим выражением и воплощением определенных философских положений, их, так сказать, религиозным измерением, так что по отношению к собственно религиозным практикам философия оказывалась только фоном [9].

Это важное замечание, т.к. в тантре или шайвизме это фоновое знание уже не становилось предметом специальной рефлексии, а выступало в виде системы опорных, самоочевидных положений, которые, возможно, даже не всегда четко формулировались, но тем более глубоко влияли на поведение адептов соответствующих религиозных школ — именно потому, что не были объектами рефлексии. То, что в философии было предметом логического дискурса, здесь становилось элементом религиозной прагматики. Это хорошо видно на примере той же тантры или медицинских школ, которые исходили из неявного допущения, что человек (его тело и сознание) как микрокосм изоморфен макрокосму [9; Р. 168]. Этот тезис был принципиален для веданты, в которой Атман тождествен Брахману, для йоги, в которой пуруша (индивидуальная душа) изначально столь же свободна, как Ишвара, и должна лишь осознать это; осоз-

нание здесь и будет освобождением.

История философии — это в значительной мере история метафизики, высшая задача которой, с точки зрения Дасгупты, — поиск Реальности (именно так, с заглавной буквы, пишет индийский философ это слово, чтобы отличить Реальность как то, что подлинно, поистине существует, от реальности как множества воспринимаемых нами вещей или вещей, которые, как нам кажется, мы воспринимаем) [8; Р. 63]. Понятие подлинной Реальности он иллюстрирует примером из музыки: в хорошо продуманном музыкальном произведении разные ноты, не теряя своего качества и оставаясь самими собой, определенным образом сочетаются, образуя гармонию.

Но такой же гармонии ищет и человек в своем познании мира, пытаясь гармонично сочетать самые разные свои интересы, знания, убеждения и т. п. Здесь Дасгупта обращается к понятию опыта (как *experience* — переживания, отличного от всех других переживаний), указывая, что человек ищет в познании именно гармонии разных своих переживаний, единства всего своего опыта — житейского, логико-дискурсивного, эмоционального, волевитивного, нравственного, эстетического и т. д. [8; Р. 68]. Невозможно свести разные формы опыта к какой-то одной (религиозной, научной и т.д.), но необходимо так организовать их, чтобы разные сферы опыта не противоречили друг другу, а, напротив, дополняли друг друга, и это будет, с точки зрения Дасгупты, подлинной целью метафизики [8; Р. 75]. В учении Дасгупты трудно не заметить определенного влияния философии американского прагматиста У. Джеймса, для которого немаловажным моментом процесса познания является взаимное согласование разных переживаний (поток сознания (основное понятие философии Джеймса; под «поток сознания» понимается у него непрерывный поток элементарных переживаний, который подвергается концептуализации в нашем сознании) совершенно хаотичен, в нем нет никаких имманентно присущих ему закономерностей, никакого

порядка, и всякий порядок, который можно там найти, мы привносим туда сами. Опыт хаотичен и бессвязен, а одной из высших потребностей человека является потребность в связности, предсказуемости мироздания, породившая и позитивную науку, и магию, и астрологию, и другие формы культуры. «После желаний свободно дышать величайшим желанием человека... является желание *последовательности*, т. е. ощущения того, что все мыслимое человеком в настоящее время согласуется с его идеями, возникшими в других ситуациях». Из этого желания и возникает сознание как инструмент, позволяющий человеку прогнозировать будущее и устанавливать между событиями разнообразные связи) [10]. Однако такое согласование у Джеймса понимается как дело, в общем, достаточно произвольное или, во всяком случае, зависящее только от самого субъекта, но не от структуры познаваемого мира. Дасгупта же не допускает такого радикального субъективизма, и у него постулируется существование некоторой глубинной, бессознательной связи, соединяющей между собой разные «регионы» опыта [8; Р. 73], и это означает, что в сферу метафизики включаются не только интеллектуальные абстракции, но и самые практические наши потребности, реальный человеческий опыт [8; Р. 76]. Под словом «опыт» (experience) Дасгупта понимает самые разнообразные переживания, в том числе и трансперсональные, не укладывающиеся в рамки обыденных представлений человека о мире, и опыт чисто религиозный, и эстетические переживания, и, может быть, даже опыт безумия, поэтому понятие опыта у него значительно шире, чем то, что принято в большинстве западных метафизических концепций, и весь этот опыт центрирован вокруг одной оси — Атмана, подлинного «Я» человека. Более понятным будет представление Дасгупты об опыте, если сказать несколько слов о практике йоги.

Говоря о йоге, Дасгупта подчеркивает один немаловажный момент: философия йоги Патанджали строится на определен-

ном метафизическом базисе, суть которого составляет учение о причинности. Оно в системе йога аналогично таковому же в веданте: следствие уже имплицитно содержится в причине, так что переход от второй к первой — это не появление чего-то нового, а раскрытие, манифестация того, что скрыто присутствовало в причине [11]. Если говорить об отдельной личности, то здесь этот метафизический постулат выглядит как представление о том, что все ментальные состояния уже существуют на подсознательном уровне в психике [12]. Естественно, все эти состояния требуют контроля над собой; человек не может двигаться по пути самосовершенствования, ведущему к освобождению, если не научится управлять ими, и это особенно хорошо видно, например, в кундалини-йоге, которая ведет к быстрому и драматическому преобразованию личности адепта и дает весьма впечатляющие результаты, но именно по этой причине может быть также чрезвычайно опасной для психики и должна осуществляться поэтому под внимательным наблюдением опытного наставника [13].

Суть философии йоги будет лучше понятна, если учесть: «Достижение Патанджали заключалось в том, что в тексте констатируются *не позиции, а практики* (курсив мой. — С.Б.), цели которых запрещены философским спекуляциям, поэтому только единство опыта, превосходящее разумный синтез, и удерживает отдельные сутры вместе» [14]. Иными словами, йога предполагает не только принятие человеком определенных взглядов на мир, но и осуществление им определенных практик, как психотехнических, так и сугубо телесных (асаны, аскетизм и т. п.). Лишь таким способом можно подчинить хаос индивидуальной психики определенному порядку, придать ему организацию, которая и послужит средством раскрытия подлинного «Я». Таким образом, в йоге, как и, например, в шайвизме, личность человека оказывается изоморфной Вселенной, а вселенский порядок выступает во взаимосвязи с порядком собственной человеческой души.

Ṛta — вселенская гармония, мировой порядок, о котором говорилось еще в Ведах, обретает личностное измерение, становясь частью личности, так что у идеального человека (jīvanmukta — букв. «освобожденная душа», тот, кто сумел еще при жизни обрести освобождение от мирских горестей и иллюзий и осознать свое изначальное единство с Брахманом, исполнив, таким образом, высшую цель веданты как практики) и психика организована так же, как и Вселенная. Если исходить из сказанного, становится более понятной и логика историко-философской концепции Дасгупты. В историю философии, согласно этой логике, нельзя включать только те учения, которые имеют лишь дискурсивное измерение, но не имеют психотехнического, практического, связанного с упорядочением внутреннего мира человека — не только его ума, убеждений, представлений о мире, но и эмоций, воли, чувства прекрасного и т. п. Разумеется, невозможно отрицать и богатую, развитую традицию индийской логики, и Дасгупта уделяет достаточное внимание чисто логическим концепциям в индийской философии [15]. Однако в первую очередь философия призвана помочь изменению всей личности человека, а не только его взглядов на мир. Естественно, учения типа шайвизма или тантры гораздо более радикальны в этом отношении, чем, скажем, прагматизм, позитивизм или большинство других систем Запада, поэтому Дасгупта и включает их в свою историю философии. То, о чем он на абстрактном уровне писал в «Dogmas of Indian philosophy» [16], реализуется в «Истории индийской философии»: программное утверждение о преимущественной «практичности» индийской философской мысли преломляется в виде исследования концепций, имеющих то или иное практическое измерение, приложимых к техникам радикального изменения личности адепта.

Содержательно историко-философская концепция Дасгупты отличается от таковых же у других индологов тем, что Дасгупта никогда не выпускает из внимания прагматику индийской философии, понимая

ее как средство упорядочения внутреннего мира человека, ибо лишь при этом условии в человеке может раскрыться его подлинное «Я». Если рассмотреть нарисованную индийским историком схему историко-философского процесса, то можно увидеть, что та метафизическая предпосылка, которая лежит в основе философии йоги и веданты (satkāryavāda — учение о предсуществовании следствия в причине), служит основой и историко-философского учения Дасгупты. Он исходит из предположения, что существует лишь одна, высшая и окончательная истина, которая раскрывается так или иначе в разные эпохи в зависимости от того, кому и в каких условиях она возвещается. Суть же ее остается неизменной и транслируется равно через чистую философию, религиозные практики и искусство — все эти формы культуры при всем их различии имеют одну и ту же цель и передают одно и то же содержание: знание о Высшей Истине, впервые зафиксированное в Ведах и Упанишадах. В этом смысле показательно, что Дасгупта внимательнейшим образом исследует концептуальные связи, например, буддизма с идеологией Упанишад, не обращая внимания на неарийское происхождение целого ряда базисных для буддийской философии и религии представлений, но при этом утверждает, что учения локайтиков заимствованы индийской культурой откуда-то извне. В самом деле, если считать представление об Атмане и Брахмане, о мокше и мировом порядке ключевыми для индийской философии, то совершенно естественно будет казаться предположение, что представления, столь радикально расходящиеся с основоположениями индийской культуры, были заимствованы.

Как видим, одним из ключевых моментов в историко-философской концепции Дасгупты является понимание философии не просто как практики, но как *религиозной* практики — усилия, направленного на освобождение от неведения (avidyā). Это не то неведение, о котором говорится также и в западной философии и под которым понимается просто неосведомлен-

ность человека о каких-то существенных особенностях или закономерностях мира. Под неведением понимается здесь особое состояние самообмана, в котором живое существо воспринимает себя лишь как свое «малое», эмпирическое «я», не осознавая, что его истинной природой является великое «Я» — Атман-Брахман, Абсолют, раскрыть который в себе — это и есть высшая задача адепта веданты. В этом смысле вся историко-философская концепция Дасгупты представляет собой анализ связи религиозных практик и ценностей с чисто

интеллектуальными, рациональными практиками работы с абстрактными понятиями. Индийский философ, с точки зрения Дасгупты, пытается не только понять, как устроен мир и что в нем действительно ценно, но и осуществить эти ценности на практике или, по крайней мере, помочь другим людям сделать это. Единство доктринального, логико-дискурсивного и психотехнического уровней, характерное вообще для индийских философских систем, находит в учении Дасгупты свое полное и гармоничное отражение.

Литература

1. Dasgupta S.N. A history of Indian philosophy. 5 vols. Cambridge: Cambridge University press, 1951 – 1962.
  2. Ойзерман Т.И. Основные вопросы философии // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 37-47.
  3. Чаттопадхьяя Д.П. Живое и мертвое в индийской философии: пер. с англ. / под ред. Н.П. Аникеева. – М.: Прогресс, 1981. – С. 22.
  4. Бурмистров С.Л. О проблеме движущих сил истории в философии С. Радхакришнана // Философия XX века: школы и концепции: материалы научной конференции 23-25 ноября 2000 г. – СПб., 2000. – С. 5-6.
  5. Бурмистров С. Л. Движущие силы историко-философского процесса в философии неоведантизма // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 153-162.
  6. Radhakrishnan S., Muirhead J.H. The spirit in man // Contemporary Indian philosophy / 2nd edition. – L.: George Allen & Unwin, 1952. – P. 496.
  7. Никоненко С.В. Английская философия XX века. – СПб.: Наука, 2003. – С. 22.
  8. Dasgupta S.N. Approach to metaphysics // Philosophical essays. Calcutta: Calcutta University press, 1941. – P. 64.
  9. Dasgupta S.N. General introduction to Tantra philosophy // Philosophical essays. – P. 156.
  10. Джеймс У. Воля к вере: пер. с англ. – М.: Республика, 1997. – С. 356.
  11. Dasgupta S.N. An interpretation of the Yoga theory of the relation of mind and body // Philosophical essays. – P. 277.
  12. Dasgupta S.N. Yoga psychology // Philosophical essays. – P. 186.
  13. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – С. 215.
  14. Николаева М.В. Основные школы хатха-йоги. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. – С. 300.
  15. Dasgupta S.N. An analysis of the epistemology of the new school of logic of Bengal // Philosophical essays. – P. 321-331.
  16. Dasgupta S.N. Dogmas of Indian philosophy // Philosophical essays. – P. 208-233.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Бурмистров С.Л., канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры истории философии, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)
Служ. тел.: (812) 328-9421

S. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy, Department of History of Philosophy

Научные интересы: индийская философия, философия США, философская компаративистика

Areas of expertise: Indian philosophy, philosophy of the USA, comparative philosophy

---

УДК 101.1.:316

Буянов Константин Сергеевич
Konstantin Buyanov

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ КИТАЙСКОГО
РЕГИОНАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА
РОССИИ И КИТАЯ КАК ФАКТОР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ**

**ENERGY PARAMETERS OF GLOBALIZING
CHINESE REGIONALISM WITHIN THE CONTEXT
OF STRATEGIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND CHINA AS A FACTOR PROVIDING
REGIONAL STABILITY AND SECURITY**

Представлены особенности и характеристики энергетического вектора политики китайского регионализма и его значение в стратегическом взаимодействии России и Китая. Рассмотрено влияние глобализирующегося китайского регионализма на развитие регионов КНР и РФ

In the article the features and main characteristics of energy orientation in the Chinese regionalism policy and its significance in the strategic cooperation between Russia and China are analyzed

Ключевые слова: регионализация, энергетическая безопасность, архитектура международных отношений, национальная безопасность

Key words: regionalization, energy security, architectonics of foreign affairs, national security

---

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» № 02.740.11.0363.

Определяя главный вектор продвижения Китая к тем горизонтам, которые обозначены в программных партийных документах, в заявлениях высших руководителей страны, следует подчеркнуть стремление КНР к мирному и гармоничному развитию, укреплению международной стабильности и безопасности посредством реализации политики глобального китайского регионализма, обеспечивающего становление новой мультиполярной архитектуры международных отношений.

Категория «архитектура международных отношений» трактуется китайскими политологами как «определенная конструкция, которая сформировалась в результате взаимодействия и взаимовлияния на международной арене в определенный период времени определенных политических сил» [10]. Трансформации данной конструкции неизбежно ведут к усилению взаимозависимости стран и возникновению новой формы организации социального пространства — регионализации, связанной с выделением на карте мира отдельных регионов. Происходящие сдвиги на современной карте мира выявили новых «региональных игроков», которые определяют вектор мирового развития. Среди них стратегические партнеры — Россия и Китай, вступившие в XXI в. как

две великие державы и во многом оказавшиеся в сходных условиях глобализации и регионализации, определяющих динамику их развития.

Процесс возвышения и рост международного влияния Китая, движение в сторону превращения его в новую сверхдержаву совпадает с процессом перемещения центра силы в мировой системе с Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион [7; С. 156]. Становится ясно, что транснациональные вызовы достаточно отчетливо проявляются в экспансивно формирующемся «китайском регионе», где не только концентрируется значительный экономический потенциал XXI в., но и проходят интеграционные процессы, значение которых выходит далеко за пределы региона [3].

При комплексном рассмотрении проблем и противоречий развития КНР, тенденций формирования новой формы китайской регионализации — «глобальной регионализации», т.е. формирования региональной восточноазиатской подсистемы международных отношений во взаимосвязи с энергетическими параметрами, важным видится подъем Китая, его возрастающие ресурсные потребности и глобальные последствия региональной трансформации Восточной Азии в связи с «китайским фактором». Именно в этом проявляется вся сложность и многогранность данной проблематики, которая определяется не только экономическим развитием Китая, но и целым комплексом сопутствующих проблем, лежащих в области международных отношений.

Оспорив идею об ослаблении государственного суверенитета перед лицом глобализации, Китай выдвинул идею инновационных способностей государств адаптироваться к изменению «архитектоники международных отношений». Идея такой адаптации — альтернативный взгляд на то, как может идти региональное и мировое развитие, связана с концепциями «мирного возвышения» и «гармоничного мира», стремлением к многополярности и многосторонности как инструменту достижения собственных экономических целей.

В самом общем виде выдвинутые концепции «мирного возвышения» и «гармоничного мира» понимались как более активное позиционирование КНР в качестве государства, которое ненасильственными методами (через эффективное экономическое развитие и соработничество, энергичную миролюбивую внешнюю политику) добивается глобального статуса [6]. «Мирное возвышение» КНР, являясь компонентой «глобализирующегося китайского регионализма», также направлено на реализацию стратегии энергетической безопасности страны, диверсификацию энергетической политики, формирование оптимальной для КНР глобальной обстановки с целью планомерного осуществления внутренней регионализации.

Концепция «китайского глобального регионализма», обеспечивающая новое позиционирование КНР на международной арене, как глобально регионализирующейся державы, направлена на создание глобальной зоны партнерского и стратегического взаимодействия с Китаем, обеспечивая совместное и безопасное развитие, в том числе и в энергетической сфере. По мнению ряда аналитиков, это не просто региональная стратегия, она гораздо шире региональной, т.е. фактически является новой китайской мировой стратегией [3; С. 33]. В этой стратегии особое место отводится сотрудничеству с Россией, которое расценивается как один из важнейших приоритетов китайской политики, как возможность сохранения быстрых темпов экономического развития КНР и фактор обеспечения стабильности в регионе.

Быстрое развитие экономики Китая, особенно в условиях кризиса, требует значительного притока новых энергетических ресурсов. Прослеживается прямая связь данной проблематики с энергетическими параметрами «глобализирующегося китайского регионализма». Амбициозные цели, которые определил для себя Китай: достижение уровня развитых стран к середине текущего столетия, учетверение ВВП и построение общества «сяокан» к 2020 г.,

требуют наращивания и серьезной перестройки энергетического комплекса страны [5]. В 2002 г. обеспеченность Китая углеводородными энергоносителями составляла 11,1 % от среднемирового по извлекаемой нефти; 4,3 % — по природному газу и 55,4 % — по углю, причем затраты конечных пользователей энергии в Китае составляют 13 % ВВП, а в США, к примеру, только 7 %; т.е. энергозатраты в Китае втрое выше, чем в США, в шесть раз выше, чем в Японии [3; С. 33].

Таким образом, перед Китаем в краткосрочной перспективе стоит проблема обеспечения стабильного импорта энерго-ресурсов, и эта проблема уже становится фактором внешней политики и новой концепции национальной безопасности КНР [3; С. 34]. Суть выдвинутой концепции национальной безопасности КНР представляет совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития государства, его жизнеспособности и достижения национальной цели, способность преодолевать любые внутренние и внешние угрозы, руководствуясь своими национальными интересами [8]. Исходя из концептуального понимания китайскими специалистами системы национальной безопасности, очевидна растущая взаимозависимость китайской и мировой энергетики, международная ориентация китайской энергоресурсной стратегии и политики безопасности.

Следовательно, противоречия глобализирующегося развития КНР способна разрешать только путем «втягивания» в «китайский регион» новых стран и их потенциалы, формированием пространственно раздельной сетевой системы регионального воспроизводства и обменов [1]. В этом контексте освоение Сибири и Дальнего Востока, сотрудничество с Россией в области энергоресурсов и в других ресурсных и наукоемких сферах считаются важными предпосылками стабильности китайской экономики.

В стратегическом плане КНР выражает готовность к широкому инвестици-

онному сотрудничеству с Россией в целях освоения и разведки ресурсов. Ключевая роль в таком взаимодействии связана с перспективами состыковки планов подъема Сибири и Дальнего Востока РФ с планами развития провинций Северо-Востока КНР, Внутренней Монголии и Синьцзяна. При этом важно, что в официально обнародованной в августе 2007 г. в КНР «Программе возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая» в числе путей ее реализации заметное место уделено взаимодополняющему потенциалу сотрудничества с дальневосточными регионами России. Как было подчеркнуто в Совместном российско-китайском заявлении по итогам визита в Москву Председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2009 г., «координация стратегий развития сопредельных регионов Китая и России способна дать немалую отдачу для ускорения экономического развития соседних территорий двух стран, способствовать повышению уровня хозяйственного взаимодействия».

Разумеется, расчеты Китая видеть в лице России стабильный источник различных сырьевых ресурсов (нефть, газ, лес, цветные металлы) просматриваются весьма четко [7; С. 157]. Учитывая сырьевую специфику сотрудничества, необходимо избежать ситуации, когда регионы России рассматриваются только как источник сырья. В то же время задача интеграции России в экономическое пространство АТР не может быть решена без наращивания всестороннего и многоуровневого сотрудничества России с Китаем, который стал локомотивом экономического роста в АТР, имеет богатый опыт активного диалога с азиатскими партнерами и практически со всеми имеющимися здесь экономическими и политическими структурами.

Российско-китайское сотрудничество на основе соразвития и взаимодополняемости носит многогранный характер и обладает огромным потенциалом, особенно в сфере развития инфраструктуры, авиационного сообщения между региональными центрами Сибири и соответствующими регионами

Китая, развития Байкало-Амурской магистрали, строительства автомобильных дорог, увеличения сети пограничных переходов и по другим направлениям. Фактор соседства с Китаем в условиях кризиса может сыграть положительную роль как для России в целом, так и для развития отдельных регионов, в том числе и Забайкальского края, развитие которого тесно связано с процессом взаимодействия с регионами Китая и обусловлено не только географической близостью, но и экономической целесообразностью. Положение вещей ныне таково, что хозяйственная деятельность многих регионов Сибири и Дальнего Востока в заметной мере связана с Китаем, и хоть носит сырьевую специфику, является мощным импульсом к развитию восточных регионов России.

В свою очередь гибкая и продуманная политика руководства КНР в осуществлении «глобальной регионализации» определяет сотрудничество со всеми странами и регионами на принципах взаимозависимости и взаимодополняемости, что создает благоприятную обстановку для разрешения национальных проблем Китая. Основной вектор китайской политики «глобальной регионализации» направлен на расширение влияния КНР и систем коллективного взаимодействия в «китайском регионе», придание им многоуровневого характера, а затем и формирование на их основе единой системы коллективного взаимодействия в Восточной Азии с Пекином в центре такой системы [9]. Это направление политики руководства КНР связано с осмыслением новых подходов к обеспечению энергетической безопасности, предполагающих взаимопроникновение между ранее созданными региональными группами и крупнейшими странами соответствующих регионов.

Осмысление новых подходов к обеспечению энергетической (прежде всего нефтяной) безопасности закономерно совпадает с активизацией международной экспансии китайского капитала в этой области. Китай готов на равноправной и взаимовыгодной основе развивать много-

образное энергетическое сотрудничество и взаимодействие со многими странами. Так, Председатель КНР Ху Цзиньтао в своем заявлении акцентировал внимание на необходимости установления и реализации новой концепции энергетической безопасности во взаимном сотрудничестве, многостороннем развитии и согласованном обеспечении [4]. Основной задачей Китая в данном контексте является диверсификация источников получения углеводородов, и он активно прилагает усилия в этом направлении, о чем свидетельствуют интенсивные переговоры с государствами Центральной Азии, Австралии, Латинской Америки, а также с Россией.

Сторонники новых подходов к обеспечению энергетической безопасности выступают за поступательное усиление дипломатических мер по защите энергетических интересов Китая за рубежом, особенно в условиях увеличивающейся зависимости страны от нефтяного импорта, за расширение международного сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии как в сфере безопасности, так и путем реализации совместных инвестиционных проектов [2]. Перспективы создания подобной системы регионального энергетического сотрудничества в Северо-восточной Азии, ключевым ядром которой могут стать Китай, Япония, Южная Корея и Россия, связаны с поиском бесконфликтного, взаимовыгодного пути разрешения проблем энергетической безопасности.

В соответствии с новой концепцией энергетической безопасности КНР и внедрением нового, общего понимания безопасности на длительный период мультиполяризации — угроза международной безопасности определяется политическими отношениями между группами государств, а не различием мощи, т.е. тем, какую политику проводит государство, а не тем, насколько сильна его мощь [11]. Таким образом, определяющую роль в обеспечении энергетической безопасности КНР играют не экономические, а геополитические, политические и другие риски и факторы, т.е.

в современных условиях увеличивается важность анализа не собственно энергетических проблем, а именно энергетических параметров и факторов международных отношений.

Таким образом, в качестве вывода закономерно предположить, что эта многофакторная проблематика ныне выходит для КНР на передний план и именно энергетическое сотрудничество РФ и КНР способно резко активизировать энергетическую стратегию России на восточном направлении в целом. Полноценное включение азиатской части России и, прежде всего, Дальнего Востока и Сибири в систему мирохозяйственных связей, представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития самого региона и государства в целом, устойчивого наращивания экономического потенциала и укрепления позиций России в АТР и в мировой экономике. Активное и всестороннее участие РФ в процессах экономической ин-

теграции в АТР относится к числу важнейших общенациональных задач. В условиях нынешнего глобального экономического кризиса эта задача лишь актуализируется, причем развитие всестороннего регионального сотрудничества с КНР — это самый естественный и реальный для России путь.

Для углубления и подъема российско-китайского сотрудничества существуют следующие возможности: взаимодополняемость интересов России, с одной стороны, КНР, а также других стран региона — с другой. В этих условиях наиболее благоприятным и целесообразным является формирование скоординированного механизма энергетического взаимодействия КНР и России, который может сформироваться на базе ШОС и стать надежным плацдармом обеспечения региональной энергетической безопасности, позволит активизировать социально-экономическое развитие регионов России.

Литература

1. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия — Китай — Монголия: материалы международной конференции (18.10.06). — Чита: ЧитГУ, 2006. — С. 75-79.
2. Бергер Я. Об энергетической стратегии Китая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.camegie.ru/ru/pubs/media/70487.htm> (дата обращения: 02.2004).
3. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. — М.: МГИМО, 2007. — С. 22-39.
4. Гоцзи чжанлюе ю аньцюань синши пингу 2006/2007. — Чжунго сяньдай гоцзи гунси яньцзюань = Оценка международной стратегии и безопасности в 2006-2007 гг. Современный научно-исследовательский институт международных отношений Китая [Текст на кит. яз.] / под. ред. Цуй Лижу. — Бэйцзин: Шиши чубаньшэ, 2007. — С. 355.
5. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — С. 165.
6. Китай в мировой и региональной политике: История и современность / отв. ред.-составитель Е.И. Сафронова. — М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2008. — С. 116.
7. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. — М.: Памятники исторической мысли, 2008. — С. 157.
8. Ху Хуйлин. Чжунго гоцзя вэньхуа аньцюань баогао: Вэньхуа аньцюань ши и чжун гоцзя «да чжаньлюе» (Культурная безопасность Китая: Культурная безопасность как один из видов государственной стратегии) [Текст на кит. яз.] / Ху Хуйлин. — Тайюань: Шансиженьминь чубаньшэ, 2005. — С. 2-3.

9. Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии // Аналитические записки МГИМО. – 2007. – № 1. – С. 25.

10. Юй Чженлян. 21 Шицзе цюаньцзо чженчжи фаныпи: Шицзе чженчжи де цяньсяндай, сяндай юй хоу сяндай. (Политические парадигмы глобализации 21 века: Мировая политика прошлого, настоящего и будущего) [Текст на кит. яз.]. – Шанхай: Фудань дасюе чупяньшэ, 2005. – С. 139.

11. Янь Сюэтун. Чжунгодэ синь анцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности и взгляды на сотрудничество в области безопасности) [Текст на кит. яз.] // Сяндай Гоцзи Гуаньси. – 1997. – № 11. – С. 28-32.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Буянов К.С., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
kostya_buyanov@mail.ru

K. Buyanov, Post-graduate student, Chita State University

Научные интересы: энергетическая безопасность КНР и России во взаимодействии, международные отношения

Areas of expertise: energy security of Russia and China during cooperation, foreign affairs

УДК 101

Грешилова Ирина Александровна
Irina Greshilova

ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

PHENOMENON OF EDUCATION WITHIN THE CONTEXT OF HUMAN LIFE ONTOLOGY

Рассматривается феномен образования в контексте онтологии человеческого бытия. Образование подразумевает облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга.

Осуществлён философско-онтологический подход к проблеме образования. Анализируется роль философии в осмыслении проблем современного образования

The phenomenon of education within the context of human life ontology is examined in the article. Education implies the image of a man shaped under the influence of moral and spiritual values, which compose his cultural circle. Philosophical – ontological approach to the problem of education is analyzed. The role of philosophy during comprehension of modern education problems is analyzed

Ключевые слова: образование, духовность, философия, проблема человека, онтология, историко-философский аспект

Key words: education, spirituality, philosophy, problem of a man, ontology, historical-philosophical aspect

---

*В человеческой жизни
невозможно ничего понять
без знания человека
и человеческой природы.
В. Гумбольдт*

Проблема взаимоотношения образования и человека возникла с тех пор, как появилась человеческая цивилизация. Это объясняется тем, что вся история человечества связана с поиском ответа на вопрос: каковы механизмы движения общества в стремлении к экономическому, нравственному, интеллектуальному, культурному прогрессу и как достичь совершенства в их использовании.

Образование обеспечивает культурное и социальное развитие личности в пространственно-временном контексте, где каждый субъект не только постигает мир, но и изменяет его на основе приобретён-

ных знаний, их соединения с личными качествами и умением распорядиться этими знаниями в различных смысложизненных ситуациях.

Проблема образования всегда являлась актуальной. Особую значимость она приобретает в первом десятилетии нового века, в современную эпоху формирования информационной цивилизации.

Модель соотношения человека и образования в каждый исторический период имела свои особенности: античность предполагала достижение идеала образования через формирование гармонически целостного человека, средневековье связало человека и образования видело через идею Божественного, эпоха Просвещения – через универсализацию категории знания. Век двадцатый, особенно вторая половина, продемонстрировал: «знание» или «многознание» не всегда помогают в жизненных

ситуациях. Чтобы восстанавливать недостающие звенья в осмыслении картины мира, необходима системность знания.

В XXI в. происходит изменение антропологических оснований образования, и наряду с традиционными представлениями о человеке и образовании складываются новые. Образованный человек — это не только человек «знающий», но и «умеющий», имеющий сформировавшееся мировоззрение, способный решать сложные жизненные ситуации с учётом осмысления своего места в мире. Недаром известное утверждение «образование на всю жизнь» в настоящее время модифицировалось и звучит иначе — «образование через всю жизнь», что можно рассматривать как своеобразную трансформацию народной мудрости «век живи — век учись». Следуя этому утверждению, образование должно создавать условия для формирования мышления человека, воплощающегося в его практических действиях — общении, поступках, что предполагает поиск новых технологий для передачи знаний.

Человек и образование — предмет изучения различных наук на протяжении столетий. В XXI в. этот «вечный вопрос» приобретает новое звучание. Это объясняется противоречием между эпохой глобализации и тенденцией сохранения национальных культур, между рыночным темпом развития и потерей личностной самоидентификации, между стремлением сохранить значимость и ценность общественных интересов и самоотстранённостью личности.

Философия всегда стремилась осмыслить роль образования в жизни человека, сформулировать ценности образования. Человек и мир, его отношения к миру и мир в отношении к нему — это темы всей истории философской мысли, которые запечатлены в вопросах: что есть человечество? каковы его особенности? какие коллизии ему присущи во всепланетарном масштабе?

В первом десятилетии нового века происходят существенные изменения в мыслях и действиях людей, и особенно это касается такой сферы деятельности человека,

как образование, поэтому значимость названной проблемы возрастает. Если рассматривать образование как одну из самых важных сфер деятельности человека, то становится очевидным, что многие достижения в области образования способствовали социальным и научно-технологическим изменениям как века минувшего, так и наступившего.

Две непреложных цели образования — социализация и индивидуализация — ориентированы на будущее, которое не мыслится без преемственной связи с прошлым, и если эта связь по настоящему прочная, тогда образование отвечает социальным вызовам времени настоящего.

Образование способствует самосовершенствованию личности, её стремлению к преобразению окружающего мира посредством своих действий; и непрерывное овладение новыми знаниями и умениями изменяется в связи с ускоряющимся научно-техническим прогрессом. Человек осуществляет свою деятельность в соответствии с социальными вызовами времени.

Деятельность, обеспечивающая самореализацию человека в динамично меняющемся мире, в каждый конкретный исторический отрезок времени имеет свои особенности. Прежде всего, это связано с тем, как замечает М.К. Мамардашвили, что человек — единственное существо в мире, которое находится в состоянии «постоянного зановорождения» [4], отмечая, что все философские утверждения, имеющие термин «человек», никогда неразрешимы на каких-либо антропологических свойствах.

Процесс «постоянного зановорождения» позволяет утверждать: человеку дана невиданная мощь и энергия, этой энергией нужно уметь управлять. Следовательно, необходимо определить шаги и смыслы изменений, которые происходят в природе человека.

Осознавая себя в мире, своё бытие во времени и пространстве — т.е., осуществляя самоанализ и планирование своей деятельности, человек не может это реализовать без целенаправленных воздействий,

без усвоения определённой системы знаний. Деятельность современного человека, его нравственные позиции, компетентность в различных областях знаний приобретают особое значение. Это объясняется тем, что общество переживает период не просто стремительных темпов роста знаний, но и смены научных парадигм, увеличения поликультурных связей.

Непрерывными атрибутами современности можно назвать динамизм, ситуативность и нестабильность, которые характеризуются беспрецедентной скоростью распространения информации, и человек должен быть готов к быстрым переменам. Общение, поведение человека воплощаются в представлениях о себе самом и окружающих ценностях: одни из которых могут подвергаться девальвации, другие остаются неизменными, передаваясь из поколения в поколение в процессе целенаправленной социализации, каковой и является образование.

Поиск уникального подхода к объяснению феномена образования человека, что является определяющим в построении траектории будущего, предстаёт в оригинальных научных и философских сочинениях. Классическое наследие русской философской мысли позволяет убедиться в том, насколько значимы эти проблемы с позиции современности.

Человеком рождаются, а личностью становятся в процессе воздействий, которые решающим образом сказываются на проявлении качеств, возможно, изначально заложенных природой. И зависит это не только от образования, но и от условий жизни, социального окружения человека.

Гениальный русский учёный и мыслитель И.М. Сеченов особо подчёркивал, что уровень культурного развития человека определяется главным образом влиянием условий жизни и деятельности человека. В своих научных исследованиях Сеченов проводит мысль о том, что «действия наши управляются не призраками вроде разнообразных форм я, а мыслью и чувством. Между ними у человека всегда полнейшая

параллельность: внушен, например, поступок моральным чувством — его называют благородным; лежит в основе его эгоизм — поступок выходит расчетливым; продиктован он животным инстинктом — на поступке грязь» [6]. В связи с этим культурная цель образования будет заключаться в том, чтобы способствовать саморазвитию личности, самоопределению и стремлению к самообразованию. И не случайно в работах русских философов-гуманистов особое звучание приобретает проблема формирования «человеческого в человеке», т.к., в конечном итоге, от этого зависит будущее, и это ключевая задача современного образования.

Философско-антропологической интерпретации роли образования в жизни человека посвящены «Вопросы жизни» Н.И. Пирогова. Призывая не спешить с прикладной реальностью, он говорит о том, что необходимо дать возможность окрепнуть «человеку внутреннему», т.к. «наружный» успеет ещё действовать. «Все готовящиеся быть полезными гражданами должны стать сначала хорошими людьми», своё убеждение автор представляет в формуле, где антропологический смысл воспитания, которое наряду с обучением является основой образования, сводится к следующему: «Сделать нас людьми» [5]. Для объяснения данной формулы, думается, не нужны углублённые метафизические размышления, т.к. становится понятным, что ценностное основание, в соответствии с которым происходит самоопределение личности, выстраивание её внутреннего мира, культурного пространства — это основная миссия образования.

Мир стремительно развивается и изменяется, идея внутреннего саморазвития личности находит отражение в новом образовательном пространстве, что сказывается на социальной адаптации современного человека, зачастую не всегда успевающего осознать и перевести во внутренний план содержание быстрых перемен. Эта «неспособность» выражается в том, что человек утрачивает самые важные нравственные

качества и, самое главное, не замечает их отсутствия. Полноценная творческая личность, считающая себя успешной в этом мире, будучи равноправным участником протекающих вокруг изменений, не освобождается от ответственности за происходящее, т.к. именно осознание степени этой ответственности позволяет ей продемонстрировать лучшие нравственные качества. В этой связи необходимо акцентировать внимание на том, что очень важной в образовании является проблема формирования системы ценностных ориентаций, благодаря чему человек приобретает уверенность в своих силах и способен успешно реализовать собственные притязания.

Множество незримых нитей, которыми человек связан с пространством и временем, заставляют его постоянно внутренне осознавать противоречивость и сложность этой связи. Чтобы разрешить эту проблему, каждому необходимо приложить немало усилий для установления гармонии мира своего «Я» с миром и психологическим временем других людей.

Если человек способен всмотреться в окружающих и соотнести собственные моральные установки с внутренним миром других, целесообразно вести речь о сложной душевной работе, которая доступна далеко не каждому, но результаты которой как прямо, так и опосредованно сказываются на окружении человека. Виртуальное пространство, где так часто пребывает современный человек, заставляет его вольно и невольно усваивать образы этой реальности, где нет понятий о добре и зле и, соответственно, их оценки.

В работе «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевский вопрос об отношении к добру и злу называет «головоломным»: доброе или злое существо человек? Рассуждая об отношении к этому вопросу, он говорит о том, что многие люди, пытаясь его решить, делятся на группы: одна половина считает, что человек по натуре добр, другая, составляющая также почти целую половину, решает иначе. Но кроме этих двух противоположных начал,

по словам Чернышевского, остаётся несколько человек скептиков, которые смеются над теми и другими, по их мнению, вопрос этот неразрешим [7].

Действительно, очень просто объяснить присутствие в людях одного из начал в зависимости от того, что «добрым человек бывает тогда, когда для получения приятного себе он должен делать приятное другим; злым бывает он тогда, когда принуждён извлекать приятность себе из нанесения неприятности другим. Человеческой природы нельзя тут ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависит от обстоятельств, отношений [учреждений]» [7].

Но человек не может реализовать свои возможности и способности без взаимодействия с другими людьми, с окружающим миром. Значит, ключевая проблема образования может быть сформулирована следующим образом: как создать такие условия, которые бы способствовали становлению целостного человека, субъекта своей деятельности, творческой личности, направляющей свои усилия на созидание, овладение богатствами человеческой культуры.

Необходимо отметить, что на протяжении истории всегда существовала точка зрения, согласно которой человек либо зол, либо добр по природе. Выходит, что любые воздействия извне обречены на неудачу, т.к. с природой сложно сладить? Кроме того, известен классический антагонизм: человек имеет одновременно как светлые, так и тёмные стороны души, для самого человека становится тайной их сосуществование и иногда стихийное проявление в самых непредсказуемых ситуациях. Вступая в конфликт с самим собой, человек начинает постижение тайны своего бытия, которая не может быть раскрыта до конца, и только присутствие направляющей силы, носителем которой может быть мудрый наставник, способно указать человеку путь добра и справедливости.

И в этом случае очень важны, как замечает А.Ф. Лосев, «первоначальные импульсы», связанные с чувством радости,

гордости и познания. Он говорит о том, что «хорошо, когда помогает возникновению этого чувства у молодого человека доброе напутственное слово и творческое участие наставника, <...> когда человек переходит от неуверенности и незнания к знанию. Когда постигает мысль и наслаждается своей способностью сравнивать, разделять, отождествлять...» [1]. Философ призывает всех, независимо от возраста, «быть учениками», при этом, преодолевая только обывательское отношение к тому, что имеется в виду под словом «учение». Он рассматривает три наиболее употребительных определения этого слова, которые, по его мнению, не совсем верны:

- первое – приобретение знаний;
- второе – приобретение профессии;
- третье – подготовка для того, чтобы

стать культурным человеком, сознательным участником человеческого прогресса.

При этом философ замечает, что ещё необходимо иметь в виду, какая это культура, т.к. существуют и такие, от которых современный человек может только бежать, и что вкладывает человек в понятие «прогресс». И в результате этих рассуждений вместо обывательских определений учёбы (или образования) Лосев даёт определение «знания», «знание – есть любовь». Любить получать знание означает стремиться к тому, чтобы бороться с несовершенством, «потенциальная бесконечность знания привлекательна для того, кто понимает знание как любовь. Неохватная бесконечность знания уютна» [1].

Действительно, речь идёт о знании, без которого невозможны ни систематический труд, ни творческое напряжение мысли, и это находит выражение в активном участии, в самоценной образовательной деятельности, содержание и форма которой обеспечивают возможность самообразования, саморазвития в ходе овладения знаниями. Только поэтому человек видит и определяет смысл своего существования, который наполняется ценностным содержанием. «Мир, в котором живет каждый из нас, прежде всего, зависит от того, как

мы его себе представляем, – он принимает различный вид: для одних он оказывается бедным, пустым и пошлым, для других – богатым, полным интереса и смысла» [8]. Рассуждая о том, что такое есть человек, А. Шопенгауэр замечает, что это то, «что он имеет в самом себе: ибо его индивидуальность сопутствует ему постоянно и всюду накладывает свою печать на всё, что он переживает» [8]. По его мнению, правильная оценка того, каков человек внутри и для самого себя в сравнении с тем, чем он является просто в глазах других людей, должна способствовать счастью человечества в целом и каждого отдельного человека. Это, бесспорно, так, потому что в настоящее время достаточно много говорят о том, что образование не просто средство социализации, но и феномен, поддерживающий устойчивое равновесие внутри общества.

Образование не только духовный облик человека, но это и защита против разрушительных сил, которым может подвергаться человек в течение жизни. Следовательно, рассмотрение антропологических оснований человеческой жизнедеятельности, культуры, нравственности, социальных институтов – задача современной философии – основой которой являются идеи прошлого, заставляющие по иному смотреть на настоящее. Это своеобразный взгляд со стороны, дающий возможность увидеть не только субъективную сторону проблемы соотношения человека и образования, а её природу и содержание. Образование подразумевает облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга.

Многообразный опыт, накопленный в ходе истории, говорит о том, что философия видела свою роль в качестве жизненной ориентации человека, запечатлевая через призму восприятия современного человека его мироощущения, общение с другими людьми, самооценку, формулируя постулаты перспективы человеческого развития, позволяя выявить богатый спектр возможностей реализации функции образования

в зависимости от конкретно-исторических условий.

Движение философской мысли через времена свидетельствует о том, что философия находится на пересечении потоков духовного творчества. Востребованность известных истин определяется духовными запросами общества, его ценностными ориентациями. В философских учениях всегда присутствовал дух эпохи, но постановка и осмысление важнейших мировоззренческих вопросов имеют много общего. «В каждую историческую эпоху мы обнаруживаем не только сложившиеся в её рамках философские учения, но и философские учения далёкого прошлого, которые в обновлённом, обогащённом новой аргументацией виде продолжают своё существование, оказывая мощное влияние как на философию этой эпохи, так и на другие сферы духовной жизни» [3].

Образование как процесс становления личности осмысливали различные философские школы и направления. Древневосточные философские учения в своей форме закладывали такой способ общения учителя с учениками в процессе передачи знаний, который предусматривал диалог. Оригинальные идеи находили выражение в трудах Конфуция и его последователей. Классический труд Конфуция трактат «Беседы и суждения» воспроизводит беседы учителя с учениками. Изречения из этой книги не утратили своей значимости и сегодня. Мысль о том, что человек может совершенствоваться только при условии самосовершенствования, доказывает другое положение – «учитель и ученик растут вместе». Взаимосвязанная деятельность того, кто даёт знания, и того, кто их получает, постоянно восходит на новые круги сложности, заставляя участников образовательного процесса следовать непреложному закону культуры «чем больше отдаёшь, тем больше получаешь взамен».

Современная цивилизация перед человеком ставит такие вопросы, которые в определённые исторические эпохи просто не существовали. Возникает всё больше си-

туаций в жизни человека, когда ему приходится брать на себя ответственность за происходящее в окружающем мире. Процессы глобализации, ускорение внедрения новых научных открытий, обновления знаний ставят под угрозу существование самого человека, его будущее.

Вопрос о будущем человека является определяющим, недаром В.А. Лекторский в статье «Умер ли человек?» рассуждает о том, что этот вопрос стоит сегодня не просто остро, т.к. это связано с самой человеческой сущностью, он приобретает своеобразную окраску. Постмодернисты считают, что, постоянно меняя роли и социальные маски, человек растворяется в своих отношениях с другими, растворяется в других, а значит, теряет своё «Я».

Чтобы помочь человеку в этой ситуации, необходимо выполнить очень важную задачу: сохранить ряд традиционных ценностей культуры, который уравнивает безудержную проективно-конструктивную установку современной цивилизации. Это одна из задач современного образования. Автор замечает, «что «многие социальные процессы становятся чем-то эфемерным, существующим относительно небольшое время. <...> Всё больше усложняющаяся в современном обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но и индивидуальном уровне» [2].

Действительно, каждое рациональное действие не может не предполагать определённых последствий, которые соотносятся с существующими в обществе нормами или с представлениями об этих нормах, и, самое главное, как относится к существованию этих норм сам человек. Соответственно, каждый действующий в этом мире субъект должен учитывать многообразие связей с внешним миром, осваивать и реализовывать деятельность, которая будет учитывать индивидуальные, коллективные, общечеловеческие ценности. И если ценность рождается в точке встречи человека и мира,

то каким должно быть направляющее действие, чтобы процесс рождения ценностного смысла способствовал становлению в человеке высоких нравственных качеств, а значит, и определял его будущее. Единственным способом самоопределения, само-

познания человека всегда было и остается в настоящее время *образование*, назначение которого, наряду с профессионализацией, принятие и освоение новыми поколениями созидательных ценностей.

Литература

1. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. – С. 322-324.
2. Лекторский В.А. Умер ли человек? – Человек. – 2004. – № 4. – С. 11 – 12.
3. Ойзерман Т.И. Философия как история философии. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 5-6.
4. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии / О человеческом в человеке // под общ. ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 15-17.
5. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1985. – 496 с. – (Педагогическая б-ка).
6. Сеченов И.М. Избранные произведения. – М.: Государственное учебно-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения, 1953. – 323 с.
7. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения: в 3 т. / под общ. ред. М.М. Григоряна. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. – Т. 3. – С. 215-216.
8. Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вст. ст. и примеч. И.С. Нарский. – М.: Просвещение, 1993. – 479 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Грешилова И.А., канд. филос. наук, проректор по научно-методической работе, Забайкальский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

служ. тел.: 41-54-32

I. Greshilova, Candidate of Philosophy, Pro-rector for Scientific and Methodical Work Transbaikalian Regional Institute of Improvement of Professional Skills and Professional Retraining of Educators

Научные интересы: педагогическая антропология, философия образования, философия языка, философия культуры

Areas of expertise: pedagogical anthropology, philosophy of education, language philosophy, philosophy culture

---

УДК 28 (Заб)

Жуков Артем Вадимович
Artem Zhukov

ВЕРОУЧЕНИЯ ДЕОБАНДИЙСКОГО ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

SOCIAL ASPECTS OF DOGMA NEOMOSLEM ISLAM IN THE TERRITORY OF THE TRANSBAIKALIAN REGION

Дан анализ современной идеологии, представляемой сборником книг «Фазаиль амазали», распространяемым среди мусульман Забайкальского края. Социальная мифология книги, по мнению автора, представляет собой идеологическую основу религиозных организаций «Таблиги джамаат», известных своим экстремизмом и стремлением сформировать социальную базу для террористических исламских группировок, что привело к запрещению ее деятельности на территории России

Ключевые слова: Коран, Намаз, Зикр, Таблиг, Джамаат, Джихад, Фазаиль Амазали, Джаннат, Джаханнам, фундаментализм, религиозный экстремизм

The article analyzes the modern ideology presented by a collection of books «Fazayl Amazali» which is spread among the Moslems of the Transbaikalian region. The author considers that the social mythology of these books is the ideological foundation of religious organizations «Tabligi Jamahat». They are known by extremism and aimed at creation of social base for Islamic terrorist formations. And that is why the activity of the organizations is prohibited in the territory of Russia

Key words: «Fazayl Amazali», «Tabligi Jamahat», (religious) extremism

В течение последнего времени среди мусульман Забайкальского края получил распространение сборник книг под названием «Фазаиль Амазали» («Ценности деяний») [6; С. 3-5]. Большая часть этого сборника написана индийским богословом деобандийского направления ислама Мауланой Мухаммадом Ильясом Кандехлеви [1; С. 1]. Автором одной из книг является его ученик Мухаммад Ихтишахуль Хасан. Представляют интерес сведения, согласно которым Маулана Ильяс в 1927 г. в Индии основал религиозное движение под названием «Таблиги Джамаат» [4], что означает — «доведение исламского призыва до людей» [5; С. 1], которое проводится объединением мусульман [3]. Движение «Таблиги Джамаат» занимается пропагандой ислама по всему миру. Организация, штаб которой

находится в Пакистане, ставит цель установления исламского мирового господства [2; С. 2-4]. Это стремление и откровенное использование в риторике такой категории, как «Джихад» [5; С. 3-4], стали основой для запрещения этой организации в ряде стран, в том числе и России [8].

Тем не менее, в Забайкальском крае среди кругов общественности, связанной с исламом, «Фазаиль Амазали» до сих пор имеет хождение. Его распространители отрицают возможность связи содержания «Фазаиль Амазали» с организацией «Таблиги Джамаат» и, кроме этого, указывают на заявления некоторых религиозных лидеров и средств массовой информации о том, что «Таблиги Джамаат» всегда занималась пропагандой и не была замечена в экстремистских действиях [9]. С другой сторо-

ны, проповедь идей данной литературы сопровождается серьезными опасениями, которые выражает по этому поводу немусульманская, а также мусульманская часть населения, исповедующая ислам, представляющий в более традиционном для страны образе. Это делает актуальным проведение текстологического анализа текстов, составляющих сборник «Фазаиль Амазали».

Необходимо отметить, что организации «Таблиги джамаат» уделяет внимание значительное количество авторов, среди которых наиболее известны А. Алексеев [1], Б. Бабаджанов [2], Д. Исаев [5]. Однако их труды направлены на историко-культурные и политические аспекты развития движения. Анализ доктринальной части вероучения ограничивается указанием на ортодоксальность «таблиговцев». Для нас важно рассмотреть социальный аспект идеологии «Фазаиль Амазали», что позволит уточнить идеологическую направленность современной деобандийской литературы, распространенной среди забайкальских мусульман, и скорректировать отношение к «Таблиги джамаат».

Для этого необходимо раскрыть отношение «Фазаиль Амазали» к окружающему социуму и сообществу верующих, объединенных идеями этой книги, и выяснить существует ли связь содержания «Фазаиль Амазали» с организацией «Таблиги джамаат». Задачами исследования является определение значения категорий «Коран», «Намаз», «Зикр», «Таблиг», «Джамаат» и «Джихад» в контексте социальной доктрины, излагаемой «Фазаиль Амазали». Предметом настоящего исследования является содержание книг «Ценности Корана», «Ценности Намаза», «Ценности Зикра», «Ценности Рамазана», «Ценности Таблига» и книги «Единственный выход из упадка мусульман», составляющими сборник «Фазаиль Амазали».

С самого начала необходимо обратить внимание на то, что книги «Фазаиль Амазали» обращены к читателям, которые знакомы с исламом, большинство из них — этнические мусульмане, убежденные, что

Коран бог.хновен. Идеологи проекта «Фазаиль Амазали» рекомендуют им постоянное изучение и воспроизведение Корана [6; С. 9-23]. Коран рассматривается не только как Божественное откровение и поучительная книга, это еще инструмент выздоровления и заступник перед Аллахом в день суда [6; С. 48-53]. Однако богословы не ограничиваются перечислением достоинств Корана. Существенную часть занимает перечисление наказаний, которые ожидают тех, кто не желает читать Коран [6; С. 45]. В «Фазаиль Амазали» обнаруживается четкое разделение мира на «своих» и «чужих», по отношению к которым идеологи не испытывают жалости. Согласно представляемой мифологии, после смерти одних ожидает джаннат (аналог христианского «рая»), а других джаханнам (ад, место грядущего наказания грешников) [7]. Иноверцам, согласно уверениям авторов «Фазаиль Амазали», прощения нет [6; С. 25].

На наш взгляд, обращение к авторитету Корана используется для того, чтобы обнаружить единомышленников, которые обеспечат поддержку среди тех верующих, которые сами желают вернуть мусульман к их фундаментальным ценностям. Вместе с этим, это обращение не означает, что содержание самого «Фазаиль Амазали» будет полностью соответствовать учению, которое бы устроило все группы мусульман. Требования возврата к фундаментальным ценностям представляются многим верующим довольно тяжелыми, но «Фазаиль Амазали» является образцом пропагандистской литературы, и она дает возможность тем, кто не умеет читать, сделать замену. Такой заменой является реализация намерения широкой проповеди [6; С. 25]. Еще одним инструментом, который может изменить земную и посмертную судьбу грешника, является безоговорочное послушание и покорность лидерам религиозной общины, которые, как считается, выражают волю Аллаха [6; С. 61].

Обращение к авторитету Корана помогает также находить аргументы, которые способны объединить аудиторию в единое

организационное целое, основанное на идее исключительности. Коран описывается с точки зрения его превосходства над всеми иными источниками веры [6; С. 62]. Критика Корана и учителей (муллы), его распространяющих, запрещается под страхом божественного гнева [6; С. 66].

Следующая часть сборника «Фазаиль Амазали», называемая «Ценности Намаза», начинается с описания современного положения мусульманской религии, которая, по мнению автора, забыта верующими. Мусульмане не читают Коран, поэтому деобандийские богословы считают своим долгом публиковать высказывания Мухаммеда и их интерпретировать [64; С. 79].

Так, одним из важных моментов, отмечаемых во время чтения «Фазаиль Амазали», является постоянное использование термина «Джихад», понимаемого как «Священная война против неверных». К примеру, читатель узнает, что Джихад приравнен Намазу, и даже более того, говорится, что — «Намаз — это лучший Джихад» [6; С. 93]. Джихад понимается как война, которая ведет к смерти врагов и обогащению мусульман [6; С. 80]. Тема войны воспроизводится только в положительных тонах. Становятся обычными термины: «шахид», «битва», «смерть». Передаются они как назидательные и необходимые к реализации [6; С. 90, 92, 97]. Культ Джихада достигает своего апогея в утверждении того, что хотя «Намаз есть самое высшее поклонение, но во время нападения неверных Джихад становится намного выше» [6; 175].

Особенно в контексте уравнивания практики Намаза и Джихада интересно то, что Намаз и Ураса (пост) должны полностью занимать все время верующего [6; С. 97, 131-178]. Их пропуск сопровождается предостережениями о наказании [6; С. 79-92]. Надо ли после этого думать, что пропуск Джихада так же непростителен? Вероятно, да. Это подтверждают рассуждения авторов «Фазаиль Амазали» о такой категории, как «смерть». Смерть, которую верующий принимает за свою веру, восхваляется как пример праведного поведения [6; С. 96-97]. Смерть

становится целью и ценностью, к которой ведут ритуальные практики «Фазаиль Амазали». В то же время наказание за них отличается крайней суровостью [6; С. 127-130].

В целом, налицо проповедование религиозных ценностей, которые не являются распространенными среди неверующих и мусульман. В этом контексте необходимо обратить внимание на утверждения идеологов исламского возрождения о том, что религия не исполняет мирские цели и желания людей. Она за пределами этого мира и, выполняя заветы религии, верующие подчиняются только Аллаху. Таким образом, становится очевидным, что, по мнению идеологов «Фазаиль Амазали», мусульманам нет нужды подчиняться земным правительствам [6; С. 108]. Книга осуждает светскую власть в государстве, которое «измывается над верующими» в Аллаха, но в то же время поддерживает тех, кто выступает против сложившихся светских социальных порядков. В тексте говорится о том, что после смерти отправятся в джаннат только те, кто остался верен Аллаху в трудностях. [6; С. 287]. Но важно, что не только трудности ожидают авторы, они верят, что в конечном счете мировое господство будет принадлежать «общине Мухаммада» [6; С. 287]. В этом свете становится очевидным, что идеология «Фазаиль Амазали» имеет выраженные политические цели, и эти цели направлены на свержение установившихся светских порядков.

Цель сборника «Фазаиль Амазали» — привлечение внимания современных мусульман идеями исламского возрождения. Их призывают жить «подлинно религиозной жизнью» с исполнением религиозных обязанностей, т.к. это делалось во времена пророка Мухаммеда [6; С. 112]. Авторы заинтересованы в создании объединений, ориентированных в своей идеологии и практике на содержание книги «Фазаиль Амазали». Преуспевание религиозных общин связывается с воспитанием личности, покорной воле Аллаха и готовой на все ради того, чтобы «религия ислама превзошла все остальные религии» [6; С. 121]. В содержа-

нии «Фазаиль Амазали» имеются указания на то, что для последователей выполнение требований этой идеологии сопряжено с постоянным лишением сна, еды, ведением интенсивной молитвенной практики и чтением под руководством наставников, пользующихся негативными и подчас сексуальными образами. Все нацелено на то, чтобы воздействовать на последователя так, чтобы привести его к религиозному фанатизму [6; С. 131].

Перечисленные практики сопровождаются религиозными требованиями, которые практически невыполнимы, и, таким образом, верующий, ведомый переполняющим его чувством вины, настраивается на выполнение всех требований руководства, вплоть до убийства «неверных» и тех действий, которые ведут к его собственной гибели [6; С. 130-131]. Сочетание угроз, утверждающих скорое наказание для тех, кто не внемлет словам Аллаха и Мухаммеда, с восхвалением Джихада, понимаемого как война против неверных, ставит вопрос о пропаганде религиозной ненависти и латентной подготовке сознания верующих к ведению боевых операций. Формируется социальная стратегия, направленная на создание организации, отвергающей все устои, которые не совпадают с идеологией «Фазаиль Амазали».

Цели конструирования мировоззрения последователя, который без рассуждений выполняет все приказы руководства, посвящена книга «Ценности Зикра». Зикр – мистическая молитвенная практика, понимаемая как внутренний разговор с Аллахом [6; С. 170-174]. Зикр оценивается как одна из главных ценностей мусульманина. Но оказывается, что Зикр приравнен Джихаду, и мало этого, Зикр во время нужды увеличивает ценность Джихада во много раз [6; С. 174]. Итак, книга «Фазаиль Амазали» неизменно возвращается к теме Джихада, который заменяет собой все остальные ценности и рассматривается как основное содержание Корана, Намаза, Зикра, Таблига и т. д. [6; С. 200]. В этом контексте важным представляется содержание тех

страниц, в которых Зикр раскрывается как собрание, проходящее под руководством наставников [6; С. 243]. Здесь решаются вопросы о замене грехов добрыми делами. Из содержания книги ясно, что функцию представлять волю Аллаха руководители возлагают на себя, а рядовым мусульманам предписывается беспрекословное послушание их воле.

По мнению Мауланы Ильяса, среди мусульман должна быть создана община, целью которой было бы проповедование ценностей ислама [6; С. 341]. Обращает на себя внимание ссылка на то, что такая работа интенсивно ведется среди христиан. Вероятно поэтому «Фазаиль Амазали» в планировании своей социальной доктрины пользуется опытом христианского прозелитизма. Маулана Ильяс создает образ «лучшей общины», под которым, как и христиане, понимает первоначальное собрание учеников пророка. Отличительной чертой такой общины должно быть активное проповедование (Таблиг) [6; С. 342]. Другие средства, направленные на распространение ислама, как считает автор, вместо реального действия приводят только к упадку [6; С. 349].

Обоснованию необходимости организации проповедников ислама посвящена книга «Ценности Таблига». Авторы указывают, что «Ценности Таблига» написаны для исламских учебных заведений и верующих [6; С. 337]. Однако, как становится ясно из содержания, эта книга направлена на организацию сообщества, которое бы противостояло и светскому миру, и современным мусульманам, которых авторы упрекают в многобожии и неверии. Таким образом, книга «Фазаиль Амазали» направлена не только на пропаганду межрелигиозной розни, но и на разжигание внутримусульманской напряженности, отвергая любое инакомыслие [6; С. 337]. В раскрытии такой темы, как Таблиг – проповедь, авторы говорят, что она может вестись равно усилиями ученых, чуда, но главное – меча [6; С. 339]. Таблиг оказывается связан с Джихадом. В конечном итоге Джихад, Священная война против неверных, объединяет все

ценности воедино и становится фундаментальным понятием идеологии мусульманского возрождения в концепции «Фазаиль Амазали».

Ещё более энергично пропагандирует ценности Джихада книга «Едиственный выход из упадка мусульман. «Религиозное просвещение»». Она написана Мухаммадом Ихтишамулем Хасаном [6; С. 429]. Как и предыдущие, это произведение начинается с констатации факта современного упадка мусульманской культуры. Идеолог «современного исламского возрождения» утверждает, что «наше положение стало худшим из худших, и будущее намного страшнее и опаснее, чем прошлое, и покрыто мраком». Мухаммад Ихтишахуль отмечает, что все попытки исправить его только ухудшали болезненное состояние мусульманского общества [6; С. 430]. Как он полагает, сейчас преступно не предпринимать никаких решительных действий. Своей целью автор ставит написание труда, который бы способствовал выведению мусульман из состояния рисуемого им кризиса.

Чтобы добиться такого результата, Мухаммад Ихтишахуль ставит диагноз современному мусульманскому обществу. Суть болезни он ищет в содержании «мудрого Корана» [6; С. 431], а лечение определяет через соблюдение шариата и «Корана Судного Дня» [6; С. 430]. Диагноз, который ставит богослов современному обществу, заключается в том, что оно отвергло «истинный Ислам» и наказано за это. Лекарством будет принятие «Истинного Ислама», как его понимает Мухаммад Ихтишахуль [6; С. 432]. Рецепт идеолога заключается в организации общины истинно верующих, которая понимается как «лучшая», «община Мухаммада» [6; С. 432]. На «общину Мухаммада» возложена обязанность «пророков и посланников». Им необходимо «приказывать одобряемое, удерживать от порицаемого и верить в Аллаха» [6; С. 432]. Автор убеждает, что выполнение этих требований ведет верующих к успеху, а невыполнение «вызывает проклятие и бедствия» [6; С. 433]. Он полагает, что для возвышения слова Аллаха

практикой проповедования должен быть занят всякий человек [6; С. 437]. Идеолог пытается внедрить в жизнь верующих такую «систему действий», которую можно, по его мнению, назвать исламской жизнью [6; С. 443]. Самое важное в ней, это чтобы каждый мусульманин сделал своей целью распространение ислама [6; С. 444].

Тем, кто решил заняться исламской проповедью, автор предлагает делать эту работу несколько часов один раз в неделю в своем квартале, три дня в месяц в близлежащих районах и 40 дней в год в отдаленной местности. Проповедники должны стараться, чтобы каждый мусульманин участвовал в данной работе [6; С. 445]. Для этого, согласно методике «Фазаиль Амазали», необходимо подготовить ячейку проповедников – джамаат. При этом «для таблига выходит джамаат минимум из 10 человек» [6; С. 445]. Это указание означает не имя, а функцию – обозначение организационного звена, целью которого является проповедь ценностей Ислама [6; С. 445]. Обратим внимание на то, что, согласно информации сайта Исследовательского центра Agentura.ru, Маулана Ильяс «пришел к методике оживления мусульманского сознания в массах путем проповедования религиозных идей не имеющими духовного сана странствующими миссионерами (таблигами). Объединяясь в группы (джамаат) численностью около десяти человек, они после простейшего обучения отправлялись с миссиями вести пропагандистскую работу» [4].

Алгоритм работы минимального подразделения «Таблиги Джамаат», разработанный в «Фазаиль Амазали», состоит в том, что сначала выбирают амира. Затем собираются в мечети, делают омовение, читают Намаз и после совместной молитвы отправляются до местности, где собираются проповедовать [6; С. 445]. Придя в эту местность, они собирают людей на Намаз, затем берут с них обещание следовать перечисленным требованиям и готовят их «трудиться обсуждаемым способом». Тех, кто готов заниматься Таблигом, потом собирают в джамаат. Одного из них назнача-

ют амиром. И далее они «трудятся под при-
смотром» [6; С. 446].

Необходимо отметить, что Муххамад Ихтишахуль пишет о том, что в своем тексте он предлагает план работы конкретной религиозной организации [6; С. 447]. Ее деятельность понимается как религиозное благо и религиозный подвиг. Результатом этого подвига должно стать процветание мусульман в этом мире и в конечном счете — победа над врагами. Это означает, что только Джихад сможет стать средством ее обеспечения [6; С. 448]. Итогом, ожидаемым от усилий, которые прилагает организация «Таблиги Джамаат», считается «царство и власть» над всем миром [6; С. 448]. Таким образом, книга «Единственный выход...» сборника «Фазаиль амазали» непосредственным образом связана с организациями «Таблиги Джамаат».

Характеризуя значение и роль «Фазаиль Амазали» в развитии современной религиозной ситуации в России и Забайкальском крае, в частности, мы должны отметить, что своеобразное понимание ислама, отраженное в этой книге, может найти оппонентов среди верующих мусульман традиционалистов, имеющих устоявшиеся убеждения. С другой стороны, идеи «Фазаиль амазали» все же могут стать привлекательными для некоторого количества мусульман фундаменталистов и радикальной молодежи, и результат целевого воздействия на них «таблиговской» проповеди может стать значительным. Безоговорочное повиновение лидерам организации, интерпретируемое как послушание Аллаху, может привести к разжиганию религиозной ненависти и сформировать религиозное объединение, основанное на тоталитарных порядках, ориентированных на подавление личности, и отделенное как от светского, так и религиозного (мусульманского) сообщества.

Подведем некоторые итоги

1. Авторство сборника «Фазаиль Амазали» принадлежит нескольким авторам, которые вкладывали свои собственные, зачастую отличительные от изначально

коранического текста смыслы в произведения, издаваемые не на арабском языке. Содержание этой книги, являющееся результатом усилий авторов, живших в XX в., имеет весьма опосредованное отношение к Корану, на авторитет которого постоянно ссылается. Подтверждением этому является то, что не все мусульмане согласны с идеями «Фазаиль Амазали», которые понимаются ими как фундаменталистские и даже экстремистские.

2. Книга «Фазаиль Амазали» содержит религиозную и идеологическую доктрину организации «Таблиги Джамаат». Идеологи движения конструируют такую картину мира, в которой последователи «Фазаиль Амазали», понимаемые как люди «Верные Аллаху» — «Свои», противостоят всему остальному человечеству, которое рассматривается как «Неверные» — «Чужие». Это вероучение содержит призывы, направленные на воспитание чувства религиозной исключительности и превосходства одной религии над другими. Оно имеет своей целью культивирование религиозной ненависти, экстремизма, религиозной розни. Одним из важных призывов является отрицание роли земных правительств, светских государств и народных культур, что раскрывает политические аспекты этого учения, направленного против существующих режимов. Одной из наиболее значимых положений этой доктрины является такая категория, как «Джихад» — ведение войны, направленной на уничтожение неверных, которая лежит в основе понимания таких ценностей ислама, как «Коран», «Намаз», «Зикр», «Таблиг».

3. Книги сборника «Фазаиль Амазали» обосновывают тоталитарные порядки внутри организации, которые могут деструктивно повлиять на ее членов и создать почву для вовлечения их в террористические или экстремистские исламские группировки. Кроме этого, в книге содержатся рекомендации и призывы к выполнению интенсивных методик религиозной и идеологической обработки, которые могут негативно повлиять на физическое и психическое состояние adeptов, ведомых чувством неискупаемой

вины перед высшим духовным авторитетом карающего на неверность Аллаха. Мы можем заметить, что книга направлена на формирование такого религиозного сообщества, для которого приемлем такой описательный термин, как «религиозный экстремизм».

4. В целом, «Фазаиль Амазали» олицетворяет иную идеологию, нежели та, которой придерживается ислам, традиционно распространенный на территории РФ. Таким образом, организации, придерживающиеся ее, не могут быть органичной частью официально признанного ислама, исповедуемого многими народами России. Более того, содержание книги направлено против организаций, официально представляющих ислам на территории России, а также против исламских и неисламских народов, проживающих на территории нашей страны.

Книга «Фазаиль Амазали» претендует быть идеологией отдельной группы верующих, которая резко противопоставляет

себя всему иному миру, в том числе и мусульманскому. Техническое название этих групп – «Таблиги Джамаат», означающее объединение верующих мусульман, направленное на активную проповедь ценностей ислама. Создателем организации «Таблиги Джамаат» является автор большинства книг сборника «Фазаиль Амазали» Маулана Мухаммад Ильяс Кандехлеви. Книга «Единственный выход из упадка мусульман. «Религиозное просвещение»», автором которой является Мухаммад Ихтишамуль Хасан, посвящена разработке организационной структуры и методики проповедования идей «Фазаиль Амазали», что понимается как «пропаганда веры», или «Таблиги Джамаат». Поэтому нельзя исключать предположения о том, что современное издание сборника «Фазаиль Амазали» в г. Казань в 2007 г. и распространение его на территории Забайкальского края непосредственно связано с активностью движения «Таблиги Джамаат».

Литература

1. Алексиев А. Таблиги Джамаат. Невидимый легион джихадам [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2003. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=671#s1>. – Загл. с экрана.
2. Бабаджанов Б. «Таблиги» – политическая организация, цель которой – исламизация мира» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Фергана, 2009. – Режим доступа: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6066>. – Загл. с экрана.
3. Джамаат [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2007. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана.
4. Джамаат Таблих [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2006. – Режим доступа: <http://studies.agentura.ru/to/tabligh/>. – Загл. с экрана.
5. Исаев Д. Легион исламского призыва. Миссия, джихад и запрет «Таблиги джамаата» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2010. – Режим доступа. – <http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/letabzaret/>. – Загл. с экрана.
6. Кандехлеви Ш.А.М.М.З. Фазаиль Амазали. – Казань, 2007. – 450 с.
7. Рай в исламе [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – М., 2007. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана.
8. Таблиги Джамаат запрещен в России решением суда [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., 2009. – Режим доступа: http://religion.sova-center.ru/events/13B74CE/14C8529/CEAA1B2?rab_cory=on. – Загл. с экрана.
9. «Таблиги джамаат» запрещен в России [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.din-islam.ru/news/2009-05-08-482>. – Загл. с экрана.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Жуков А.В., канд. филос. наук, доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
artem_jukov68@mail.ru

A. Zhukov, Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor of Social Anthropology, Religion and Philosophy Department, Chita State University

Научные интересы: религиоведение, этнография, краеведение, музееведение

Areas of expertise: Religion, ethnology, regional history

УДК 101.1.:316

Озорнина Анна Сергеевна
 Anna Ozornina

ПРОЦЕСС ВНУТРЕННЕЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ КНР КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЦИУМА

LOCAL REGIONALIZATION IN PRC AS AN INTERPRETATION OF CHINESE SOCIETY HARMONIZATION

Рассматриваются теоретические и конкретно-практические аспекты процесса внутренней регионализации КНР, а также детерминирующее влияние этих процессов на развитие Забайкальского края

Ключевые слова: «внутренняя» регионализация, «внутренний» регион, гармоничное общество

In the article the author inspects theoretical and practical aspects of the process of local regionalization in PRC, the influence of these processes on the development of Trans-baikalian region

Key words: local regionalization, local region, harmonized society

Современный глобальный мир как целое представляет собой многоуровневую структуру, частицами которой выступают регионы разного уровня обобщения. Глобализация способствует усилению и активизации региональной интеграции на глобальном и локальном уровнях. Таким образом, процесс регионализации становится альтернативой глобальному развитию, ведет к ослаблению, сглаживанию противоречий и проблем, присущих процессам, происходящим в рамках глобальной интеграции, а также выступает внутренним и внешним механизмом защиты государственных национальных интересов.

Основными акторами развертывания процессов регионализации в условиях глобального развития становятся разноуровневые «регионы-системы», поэтому дефиниция ключевого понятия «регион» имеет большое значение для установления научной парадигмы исследования внутренней регионализации как процесса в целом, так и как современной тенденции развития «китайского региона» в условиях глобализации.

При всей множественности подходов к определению данного понятия мы считаем

необходимым уделить внимание лишь двум из них.

Первый, *социокультурный подход*, являющийся теоретической базой исследования «внутренних регионов» РФ и КНР, позволяет дифференцировать социокультурное пространство двух стран. Здесь стоит согласиться с определением «региона», выдвинутым одним из основоположников социокультурного подхода Н.И. Лапиным. Он определяет «регион» как «исторически сложившееся территориальное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, макроячейка его социального пространства», возникающая на основе этнокультурной идентичности населения [1].

Другой, *социофилософский подход* более распространен в гуманитарных науках. Так, Маркин определяет «регион» как достаточно обособленную по определенным критериям часть общего социального пространства, служащую своеобразным трансформатором социально-территориального регулирования в цепи от глобального и общенационального (государственного) к местному (поселенческому) с обратной

связью в обоих направлениях [2]. Мы же склонны оперировать определением, сформулированным Ю.Ф. Абрамовым, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшиным, В.В. Мантатовым в своей работе [3], где «регион» определяется как исторически территориальная, социально-природная целостность, обладающая свойствами ресурсной (природные и социальные ресурсы), технологической и историко-культурной самодостаточности, способная к самостоятельному расширенному социальному воспроизводству в условиях глобализации. Данное определение позволяет с единых логико-теоретических позиций включить иные наиболее актуальные признаки «региона», которые появляются в исследовательской литературе в связи с другими познавательными задачами.

В свою очередь, регионализация, представляющая собой процесс, обусловленный глобализацией, но противопоставленный ее негативным тенденциям и направленный на обеспечение национальной безопасности, реализуется в ее «внешней» и «внутренней» формах. «Внешняя» форма регионализации осуществляется на международном уровне и чаще всего понимается как целенаправленная и активная деятельность государства и наднациональных институтов (ЕС, СНГ и т.д.) по регулированию регионального развития. «Внутренняя» регионализация в общетеоретическом плане в основном представляется как отстаивание интересов региона в его отношениях с государством. Такая форма определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией [4]. «Проблема регионализации внутри страны состоит в определении состава регионов для целей государственного управления, их границ относительно других регионов, принципов функционирования, границ суверенности» [5].

По нашему мнению, такие определения «надгосударственной» («внешней») и «внутригосударственной» («внутренней») регионализации методологически ограничены, в основном отражают экономическую или политико-территориальную парадигмы исследования.

На наш взгляд, базовым инструментом определения данных явлений должны быть понятия «внутренний» и «внешний» регион. В этом плане наиболее четкое определение было дано В.А. Абрамовым. Под «внешними» регионами понимаются специфические комплексы взаимодействия социокультурных и природных характеристик различных государств, имеющих общие стратегии и планы развития. Такие регионы реализуются во «внешней регионализации» или «трансграничном регионализме» как новой форме международного сотрудничества РФ и КНР [6]. «Внутренний» регион государства, или «страны-системы» представляет собой территориальные сообщества, или региональные образования, обладающие характеристиками «региона» (территориальной организацией, воспроизводственными процессами, ресурсным потенциалом и культурными ценностями). Но его особенностью является отсутствие обособленности и четких территориальных границ. Соответственно «внутренняя регионализация» в самом обобщенном виде есть процесс дифференциации государства на «внутренние» микроуровневые регионы-системы.

КНР мы можем представить как социокультурную региональную систему, или «китайский регион» следующих уровней:

- 1) формирующихся ее «внутренних регионов»;
- 2) экспансивно развивающаяся «надгосударственная» система;
- 3) китайское «государство-регион» как подсистема системы международных отношений [7].

На основании этих представлений мы можем определить и уровни китайской регионализации:

- 1) макроуровень (регионализация КНР как регионально «глобализирующейся» надгосударственной системы);
- 2) мезоуровень (регионализация КНР как подсистемы системы международных отношений);
- 3) микроуровень (регионализация внутри «китайского региона» или формирование его «внутренних регионов»).

Важно отметить, что «китайский регион» представляет собой взаимообусловленный процесс «внутренней и внешней регионализации» КНР (макроуровень, мезоуровень и микроуровень), реализующийся в стратегиях внутреннего (стратегия построения «гармоничного социалистического общества») и внешнего развития (стратегия «мирного развития»). Внутренняя стратегия КНР на XXI в., обозначенная как построение «гармоничного социалистического общества», интерпретируемая нами как «внутренняя регионализация», сводится к согласованному, всестороннему, устойчивому развитию города и деревни, регионов, человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости, т.е. «пять единых планирований» (Угэ тунчоу) [8]. Не случайно в китайской научной литературе авторы обозначают: «Основным требованием осуществления концепции научного развития и построения гармоничного общества является сбалансированное развитие регионов... Построение «гармоничного социалистического общества» невозможно без сокращения региональных различий» [9]. Таким образом, создание «социалистического гармоничного общества» является важнейшей задачей и целью согласованного и устойчивого развития «внутренних регионов» КНР, а процессы «внутренней регионализации» реализуются в стратегии гармонизации социума.

Внутренняя регионализация Китая — закономерное следствие ее природно-климатического, социально-экономического, этнокультурного и политико-административного многообразия. Внутригосударственной регионализации также способствует то обстоятельство, что характер и уровень развития, качество жизни, глубина и сила кризисных явлений, направление и темпы экономической и политической трансформации весьма различны в китайских «внутренних» регионах.

В конкретно-практическом смысле «внутренний регион» КНР мы можем определить как территориальную единицу политико-административной, экономической

и социально-культурной структуры страны, как подсистему региональной системы КНР. Каждый регион КНР ограничен рамками территорий и характеризуется своеобразием природных условий, специализацией производства и обмена товаров и услуг, социальной инфраструктурой, уровнем, качеством жизни различных слоев населения. В китайской литературе под «внутренним регионом» чаще всего понимаются экономические зоны («цзиньци дай» или «цзиньци дицой»), административные регионы («синчжэн цююй») или большие регионы («да цююй»).

С начала образования КНР структура регионального деления КНР менялась несколько раз. Так, в 1949 г. территория была поделена на 6 регионов (Северо-Восточный, Северный, Восточный, Центрально-Южный, Юго-Западный и Северо-Западный). Они являлись как административными единицами, так и экономическими зонами. В 1958 г. Китайский центр планирования разделил страну на 7 экономических регионов (Северный, Северо-Восточный, Восточный, Центральный, Южный, Юго-Западный, Северо-Западный), а в 1961 г. КНР снова была поделена на 6 больших районов (Дацой). С 80-х гг. XXI в. постепенно сформировались три больших экономических региона, или зоны («цзиньци дидай») — Восточный, Центральный и Западный. В 2005 г. к ним добавлен и Северо-Восточный регион [10].

На основании плана 11-й «пятилетки» Китай разделен на 4 указанных региона, которые, в свою очередь, поделены еще на 8 следующих регионов:

- 1) *Северо-Восточный регион* (провинции Ляонин, Цилин и Хэйлунцзян);
- 2) *Северный прибрежный регион* (провинции Хэбэй, Шаньдун и города Пекин и Тяньцзинь);
- 3) *Восточный прибрежный регион* (провинции Чжэцзян и Цзянсу, а также г. Шанхай);
- 4) *Южный прибрежный регион* (провинции Фуцзянь, Гуандун и о. Хайнань);
- 5) *Регион среднего течения реки Ху-*

анхэ (провинции Цзянси, Шаньси, Хэнань и АРВМ);

6) *Регион среднего течения реки Янцзы* (провинции Хубэй, Хунань, Цзянси и Анхуэй);

7) *Юго-западный регион* (провинции Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуанси и город Чунцин);

8) *Северо-Западный регион* (провинции Ганьсу, Цинхай, Сицзан, НХАР и Тибет).

Как отмечается в китайских источниках, такое разделение основано на следующих принципах:

- 1) общность границ;
- 2) идентичные природные условия и ресурсный потенциал;
- 3) одинаковый уровень экономического развития;
- 4) общие экономические проблемы;
- 5) идентичность социальной структуры;
- 6) умеренный размер региона;
- 7) завершенность административного деления [11].

Региональные административные границы стали помехой в получении должного экономического эффекта. Происходит «ломка» административных границ регионов (провинциального уровня) и построение экономических регионов на внеадминистративной основе [12]. Кроме того, координация жизнедеятельности этих регионов осуществляется преимущественно сверху вниз при незначительных горизонтальных взаимодействиях регионов как социальных объектов, что способствует их неравномерному социально-экономическому развитию. Это может препятствовать сохранению устойчивости общества в условиях глобализации. Таким образом, в китайском обществе нарастает потребность в дифференциации «китайского региона» на саморазвивающиеся социокультурные системы (сообщества), функционирующие на основе горизонтальных и вертикальных взаимосвязей, что реализуется путем осуществления стратегии построения «гармоничного социалистического общества».

«Внутренняя регионализация» в ки-

тайском понимании представляет собой, прежде всего, сбалансированное, устойчивое, безопасное и «гармоничное» развитие 8 регионов, где основными инструментами такого развития выступают:

– *рынок* (устранение локализации регионов, построение единого государственного рынка, самостоятельное межрегиональное перемещение факторов производства);

– *сотрудничество* (создание институализированной структуры внутригосударственного регионального сотрудничества, развитие многоуровневого, разноформатного сотрудничества в различных сферах);

– *взаимопомощь* (развитые регионы помогают развиваться отсталым регионам);

– *поддержка* (государственная поддержка развития регионального образования, безопасности, культуры и и т.д.) [9].

В соответствии с отечественными и китайскими представлениями о процессах «внутренней регионализации» мы можем представить «внутренние регионы» КНР как «регионы-квазикорпорации». Такой подход отражает парадигму регионального саморазвития, когда регион имеет право осуществлять самостоятельное хозяйствование в пределах его полномочий и формировать свою собственную стратегию. Таким образом, развитие региона начинает определяться не тем, что происходит внутри него, а его взаимодействием с другими регионами как по горизонтали, так и по вертикали.

Региональная политика «китайского региона» как «региона-квазикорпорации» зависит от умения понимать, выявлять, открывать и создавать преимущества «внутренних регионов», соотносить их с преимуществами других регионов, создавать конкурентные условия, обеспечивающие реализацию преимуществ региона, причем в глобальной, а не только во внутристрановой перспективе. Именно здесь и происходит своеобразный «синтез» процессов «внутренней» и «внешней» регионализации КНР, в результате чего формируется макроуровневый «надгосударственный китайский ре-

гион», реализующийся в «трансграничном» взаимодействии (политическом, экономическом, культурном и т.д.) «внутренних регионов» РФ и КНР, в частности, Северо-Востока КНР и Забайкальского края РФ.

Международное сотрудничество Забайкальского края РФ и «внутреннего региона» КНР (Северо-Восточного), реализуемое в «трансграничном регионализме», юридически подкреплено «Программой сотрудничества на 2009-2018 гг. между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики». Практически все проекты по сотрудничеству с Забайкальским краем основаны на добыче сырья и создании промышленного комплекса. На территории Северо-Востока КНР предусматривается развитие производства с использованием в основном российского сырья и дальнейший экспорт товаров в РФ [13].

Следует полагать, что доступ к богатым природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока, в т.ч. и Забайкальского края, рассматривается как фактор стратегического характера, т.к. он осуществляется в интересах реализации внутригосударственной стратегии построения «гармоничного общества», по сути являющейся «внутренней регионализацией». Для Забайкальского края такое взаимодействие с «внутренними регионами» КНР непредсказуемо влияет на его социальную, демографическую, экономическую, культурную, экологическую информационную безопасность, поэтому крайне важно научное понимание и исследование межгосударственных процессов, выявления их специфики, прогнозирования опасных тенденций предстоящего сотрудничества соседних государств, в данном случае Северо-Востока КНР и Забайкальского края РФ.

Литература

1. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социс. – 2006. – № 8. – С. 25-34.
2. Маркин В.В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социс. – 2008. – № 7. – С. 129-135.
3. Абрамов Ю.Ф. Регион: научное понятие и реальность: теоретико-методологические очерки. – Иркутск: ИрГУ, 2001. – 218 с.
4. Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 26-38.
5. Каложнова Н.Я. Регион на перекрестке Востока и Запада: глобализация и конкурентоспособность. – М.: Тезис, 2003. – С. 45-69.
6. Абрамов В.А. Методология познания и интерпретаций региональных практик и сотрудничества КНР // Забайкальский край в трансграничном взаимодействии с КНР (региональное сотрудничество). – Чита: НОЦ «Восточный центр», 2010. – 244 с.
7. Абрамов В.А. Необходима не только объективность, но и корректность в исследованиях современного Китая // Проблемы внешней регионализации КНР и трансграничное сотрудничество (на примере Забайкальского края): сборник материалов Международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия (21-22 октября 2009 г.)». – Чита, 2009. – С. 6-12.
8. Гоуцзянь шэхуэйчжун хэсе шэхуэй вэньда (Изучение построения социалистического гармоничного общества в вопросах и ответах). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. – 217 с.
9. Лю Инцзе. Чжунго дэ фачжань чжаньлюе хэ цзибэн гоцэ = Стратегия развития КНР и основная государственная политика. – Бэйцзин: Чжунго чжунян данцзяо чубаньшэ. – 2008. – С. 138-139.
10. Лю Фэн. Гуаньюй шиву гуйхуа цойюй хуафень дэ сыкао = Размышления о плане регионального деления 11-й пятилетки. – Режим доступа: www.pinggu.org/bbs/b54i27364.html.

11. Ли Шантун. Чжунго (далу) цюйюй шэхуэй цзиньци фачжань тэчжэн фэньси = Анализ особенностей регионального социально-экономического развития КНР. – Бэйцзин: Говуюань фачжань яньцзю чжунсинь, 2002. – 217 с.

12. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. – 2008. – № 1. – С. 43-56.

13. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы) (от 23 сентября 2009 г.). – Режим доступа: <http://www.kp.ru/upfile/attached.file/559291.doc>. – Загл. с экрана.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Озорнина А.С., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
vostochnaya9@mail.ru

A. Ozornina, Post-graduate student, Chita State University

Научные интересы: востоковедение, региональные исследования

Areas of expertise: Oriental and regional studies

Филологические науки

УДК 801.732

Матуева Арюна Баторовна
 Aruna Matueva

ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ Д. УЛЗЫТУЕВА

THE ORGANIZATION OF ARTISTIC SPACE IN D. ULZITUEV'S POETRY

Статья посвящена рассмотрению образов художественного пространства бурятской поэзии, в частности, в творчестве известного поэта Д. Улзытуева; воплощению национальной ментальности в художественном слове

The article considers the problem of the organization of artistic space in D. Ulzituev's poetry, which embodied national mentality in the artistic word

Ключевые слова: вертикальная структура, фольклорная традиция, эстетические принципы буддизма, шаманизм

Key words: vertical structure, world tree, folkloric tradition, aesthetic principles of Buddhism, shamanism

В художественной структуре произведения известного бурятского поэта Д. Улзытуева особое место отведено пространственной организации текста, отражающей специфику авторского восприятия национально-художественных традиций, их эстетической сущности. Пространство и время, являясь одной из особенностей идейно-художественной характеристики произведения, «организуют композицию произведения и обеспечивают его восприятие как целостной и самобытной художественной деятельности» [1].

Понять художественную картину мира поэта можно используя структуру бинарных оппозиций: верх — низ, восток — запад, правый — левый, день — ночь, свет — тьма, лето — зима, весна — осень, «противопоставления, находящиеся на стыке природно-естественного и культурно-социального начала (мокрый — сухой, вода — огонь). Сюда же относится и более общее противопоставление, определяющее модус всего

набора внутри модели мира: сакральный — мирской (профанический)» [2].

В последние десятилетия в литературоведении наблюдается тенденция к усложнению пространственно-временной организации в художественных текстах, «переход к роману с эйнштейновым, релятивистским космосом включает в себя и освобождение, автономизацию хронотопа» [3]. Время и пространство в произведениях становятся художественным приемом, расширяется значение хронотопа, появляются различные классификации хронотопа и т.д. По мнению А. Есина, наблюдается «индивидуализация пространственно-временных форм, что связано и с развитием индивидуальных стилей, и с возрастающей оригинальностью концепции мира и человека у каждого писателя» [4].

В этой связи представляется интересным исследование национальной картины мира в поэзии Д. Улзытуева через динамику пространственных отношений, отражаю-

щих ментальность бурятского народа.

В стихотворении «Дождь» поэту удается представить естественную красоту мира, его бинарность, корни которой уходят в мифологические представления. Обычная пейзажная зарисовка становится средством для передачи мира автора:

*Наконец-то он хлынул,
И небо вздохнуло,
Облегченно к усталой земле наклонясь.
(Напев, С. Куняев, С. 36)*

Здесь мы можем рассмотреть способ организации поэтического пространства Улзытуева, где главным становится вертикальное построение верх/низ, при этом особую нагрузку несут небо и земля. Дождь — это вертикаль, которая позволяет соотносить земное и небесное, соприкоснуться разнородным пространствам. Небо в Энциклопедии мифов народов мира характеризуется как недоступность и абсолютная удаленность; непостижимость, величие и превосходство [5]. В стихотворении небо направлено к земле — недоступность и удаленность перестают быть таковыми. В мифологии многих народов Небо и Земля в паре предстают как Праотец и Праматерь всего. В бурятском фольклоре широкое распространение получила поговорка: «Высокое небо — отец мой, матушка-земля — мать моя» [6], которая продолжает общемифологическую традицию. В данном случае небо, являющееся в мужском образе, как Праотец посылает свою энергию земле, представленной в образе Праматери, в виде дождя и они сливаются в единое целое. Движение воды стремительное («А поток покотился/ с кипением и гулом, / утопая в песках и о камни дробясь»), иногда оно становится хаотичным («Он стремился на запад, / на север, / на юг»). Но при этом потоки воды, насыщая землю, следуя физическим законам, превращаясь в пар «и дымился» вновь взмывают в поднебесье «замыкая себе предначертанный круг». В этом слиянии «верхнего» и «нижнего» мира поэтом формируется своя авторская философская мысль — о повторяемости и необратимости хода времени, колесо которой

крутится безостановочно в едином потоке вечности, возвращаясь и возвращая на круги своя. Мысль эта очень близкая буддийской эстетике круговорота живых существ в Сансаре была сформулирована поэтом скорее на генетическом уровне. Данная структура оппозиционной картины поэтического мира, выражающая архаико-фольклорные традиции, не раз используется в произведениях Улзытуева, например, стихотворение «Земля моя ...»:

*Земля моя,
Ждешь ты дождя от неба,
И когда он сойдет,
Ты отдашься ему
(Млечный путь, Е. Евтушенко, С. 90)*

Автором репрезентуется интимный акт зарождения жизни: из глубоких и «загадочных» недр земли «семена растолкают ростками тьму». И это действие будет возблагодарено человеком, следующим традициям своих предков-кочевников, оставивших в священных местах мелкие предметы, монеты и обрызгивающих землю молочной водой:

*И — бывало —
На священных камнях
В благодарность за благо грозы
Он оставит свои
Последние тугрики
И побрызгает
Белой росой арзы...
(там же, С. 90)*

Но лирический герой Улзытуева уже социально новый человек, человек нового общества, который не ждет чудес от неба и передельывает мир по-своему: «я несу тебе новую жизнь, земля». Трансформация вертикальной структуры с вводом активного, деятельного героя, способного постичь законы мироздания, управляющего жизнью, вносит новый аспект в интерпретацию авторской картины мира Улзытуева.

Мотив дождя, как вертикаль, объединяющая небо и землю, получает свое продолжение во многих стихотворениях поэта: «Затянувшийся дождь, задержавшийся гость», «Вечером грудастые тучи», «Солнце было бешеное» и мн. др.

Стихотворение «Солнце было бешеное» начинается с довольно мрачных картин:

*Солнце было бешеное,
Солнце было злое,
Степь изнемогала –
Воды бы поглотка!*

(*Ая Ганга, С. Куняев, С. 60*)

Постепенно тягостное, мучительное чувство уступает место радости, душевному удовлетворению – такой радостью светится окружающий мир для лирического героя после дождя. В поэтическом мироощущении природа нужна человеку, чтобы знать, как «нежно дышит зелень», «жаворонок поет», «небо виновато смотрит на землю». Природа в своей свежести после дождя, первозданности вызывает желание жить, творить, погружаться в атмосферу покоя, бесконечного счастья. Иногда «благодатные» струи дождя напоминают лирическому герою «тихо звенящие струны» (*Ая Ганга, С. Куняев, С. 132*), которые не нарушают тишины и спокойствия и выражают тоску автора по гармоничному состоянию мира.

Несколько в ином эстетическом освещении представлен образ дождя в стихотворении «Затянувшийся дождь, задержавшийся гость...»:

*Затянувшийся дождь,
Задержавшийся гость
Одинаково надоедливы ...*
(*Напев, С. Куняев, С. 63*)

Уже в начале задается эмоциональный тон, определяющий характер стихотворения. Поэт осознает, что дождь – это природ-

ное явление, от которого нельзя уйти, как и загостившийся гость, вызывает раздражение и недовольство. Автор путем повтора акцентирует внимание на двух деталях: «мелкий дождь» и «тоска в груди». В стихотворении они предвещают недоброе, от которого «стеснило грудь и сосет тоска». Внутренние тревожные ощущения лирического героя идентичны состоянию внешнего мира: «море хмурится», «грустна тайга». Ощущение безысходности и отчаяния усиливается образом дома, в котором неуютно, холодно, сыро. Хотя считается, что дом и прилегающее к нему пространство «символизируют освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, где человек ощущает себя в безопасности. Это место, где мы родились и куда мы возвращаемся из любых странствий...» [7]. В сочетании с общей унылой, печальной картиной, вызывающей меланхолию, стихотворение воспринимается как грустное осмысление жизни, когда возникает чувство потери чего-то важного в этом мире.

Таким образом, обозначенные в работе противоположные начала мироздания – Небо и Земля, и вертикаль, соединяющая их, представленная в образе дождя, являясь сквозными в творчестве Д. Улзытуева, выражают его поэтическое мироощущение, которое, отличаясь пространственными и нравственно-эстетическими характеристиками, воспроизводят целостную национальную картину мира.

Литература

1. Роднянская И. Художественное время и художественное пространство // Кр. лит. энцикл. – М., 1978. – Т. 9. – С. 772.
2. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. Токарев. – Т. 1. – М., 1982. – С. 162.
3. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале / Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. – М., 1993. – С. 459.
4. Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение / Под. ред. Л.В. Чернец. – М., 2000. – С. 59.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – М., 1992. – Т. 2. – С. 206.
6. Академия наук СССР СО. Очерки истории культуры Бурятии. – Т. 1. – Улан-Удэ, 1972. – С. 50.

7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2000. – С. 159.
8. Ульзытуев Д.А. Напев. – М., 1983.
9. Ульзытуев Д.А. Млечный путь. – М., 1961.
10. Ульзытуев Д.А. Ая Ганга. – Улан-Удэ, 1961.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Матюева А.Б., аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ)
arig83@mail.ru

A. Matueva, Post-graduate student, Department of Foreign Literature, Buryat State University

Научные интересы: национальная картина мира в бурятской поэзии

Areas of expertise: consideration of the national worldview in the Buryat poetry

---

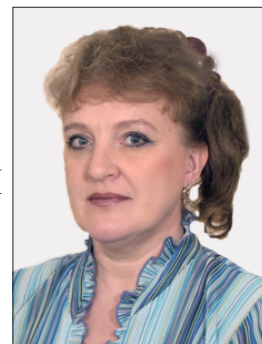

УДК 81'27

Пекарская Ирина Владимировна
Irene Pekarskaya

ВЫЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ КОНЦЕПТА «ЯЗЫК» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

SPECIFICITY OF RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW THROUGH REPRESENTATION OF THE «LANGUAGE» CONCEPT IN PAREMIOLOGICAL SPHERE

Статья посвящена определению траектории исследования и описания концептуальной специфики языковой картины мира через рассмотрение одного из титульных концептов любой ЯКМ – концепта «язык». На примере паремиологической сферы русской языковой картины мира предлагается смоделировать культурное макрополе, включающее концептуальные микрополя, выводящие в уровень медиополя концептуальной оппозиции

The article considers main research aims and description of conceptual specificity of language worldview expressed through examination of the “Language” concept. By the example of pare-miological sphere of Russian language worldview the author suggests to model a cultural macrofield, which includes microfields, being a part of conceptual opposition mediopole

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, концептосфера, макро-, медио-, микрополе, паремии, язык, речь, коммуникация

Key words: language picture of the world, concept, conceptual sphere, macro-, medio-, microfield, proverbs, language, speech, communication

Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

Мысль о том, что природу языка можно понять лишь через комплексное (в том числе психолингвистическое) изучение человека как такового и его картины мира в целом, является общим местом современной лингвистики. В ряде исследований языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением, практической, прагматической и коммуникативной деятельностью человека. Все больше укрепляется идея невозможности найти объяснение формированию языковых структур исключительно на основе внутренних

факторов. Кроме того, необходимо заметить, что и семантико-структурное описание слов с учетом их функциональной направленности может быть продуктивным для выявления их собственного языкового содержания.

Влияние на развитие и особенности функционирования языка экстралингвистических и паралингвистических факторов проявляется в специфичном для каждого естественного языка способе членения и восприятия мира, т.е. его концептуализации. Языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами как таковыми, они различаются и самим способом восприятия и осмысления мира – его картиной.

Картина мира (КМ) понимается нами как комплексная философско-филолого-психолого-культурологическая субстанция,

некая пресуппозиция (фоновые знания, априорное знание) и соотносится с общепринятыми сущностными характеристиками — «фонд общих знаний носителей языка», некое «универсальное знание».

Языковая картина мира (ЯКМ) создается посредством комплексной систематизации и категоризации информации об окружающей действительности. Основной единицей упорядочивания этих сведений, как свидетельствует современная антропоцентрическая парадигма, является *концепт*, который образует некий «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово» [Амзаракова, 2004; С. 34]. В рамках лингвокультурологического подхода данное определение должно быть дополнено национально-специфической составляющей. В результате язык рассматривается как «культурный код нации».

Данный код как раз и имеет своё формальное выражение через языковое представление значимых концептов культуры. Как сами концепты, так и их языковая репрезентация в любой ЯКМ соотносимы с некими константными категориями — *принципами* построения языковых единиц (симметрия/асимметрия, расчленённость/нерасчленённость, контраст, контаминация, сравнение и др. См. о них [Пекарская, 2000]), которые реализуют себя различными способами организации языковых единиц. Так, принцип контаминации имеет три способа реализации в языке — аппликацию (наложение единиц друг на друга с общим членом или вставкой), синкретизм (соединение в одну единицу нескольких) и амальгамацию («соскальзывание» в процессе речи с одной единицы на другую: «amalgama» — разнородная смесь [Пекарская, 1999; Пекарская, 2000]), принцип контраста — два способа — противоположность и противоречие [Пекарская, 2000]. Данные принципы и способы изоморфны, т.е. обнаруживают себя на всех ярусах языковой структуры, начиная с фонетического, заканчивая текстовым. Целенаправленный выбор приоритетных для каждой культуры

в данный исторический момент принципов организации языковых средств воздействия концептуально определяет специфику ЯКМ (см. об этом [Пекарская, 2000]).

Выявлению, систематизации и изучению этих культурных констант (принципов), как нам представляется, принадлежит приоритетная роль, т.к. их концептуальное (концептосферное) описание не только на примере различных языков, но и в целом, — на материале различных культурных областей (музыка, живопись, архитектура, скульптура, танец и т.д.) позволит определить диффузные зоны культур и зоны их автономии, что сделает возможным впоследствии заметить причины культурных сбоев и даже конфликтов, а значит, — вовремя предотвратить их или умело «сгладить», с одной стороны; с другой же, активизировать культурное взаимодействие через вхождение в зоны «наложения» культур, и тем самым повысить уровень эффективности межкультурной коммуникации, что является особенно важным в поликультурных регионах.

Значимой перспективой подобных исследований становится обращение к *полевому описанию* отдельных концептов, складывающихся в общую культурную концептосферу той или иной картины мира, с учётом их принципового построения: микрополя отдельных концептов (с установлением в них ядерных и периферийных зон на основе принципов организации культурного пространства), взаимодействуя друг с другом, образуют медиополя на том основании, что тот или иной концепт, как правило, включает в себя концептуальную оппозицию (например, концепт «язык», на материале которого и будет продемонстрирована в настоящей статье предлагаемая теория описания культурных инвариантов, в медиополе выведет оппозицию «язык/речь — добро» / «язык/речь — зло» и под.), медиополя, в свою очередь, организуют общее коммуникативное макрополе того или иного концепта. Именно такое, полевое, описание сможет выявить приоритетность тех или иных культурных принциповых

инвариантов в разные исторические эпохи в разных ЯКМ и приведёт к возможности дать определённые рекомендации к установлению толерантного межкультурного взаимодействия.

Таким образом, чтобы охарактеризовать специфичность той или иной ЯКМ, необходимо выявить и описать особенности функционирования в ней необходимого и достаточного набора основополагающих концептов с учётом константных принципов их представления в той или иной ЯКМ. В языке эти принципы составят прагматику того или иного концепта через определённые языковые средства, в частности, языковая выразительность будет определяться использованием изобразительных средств, так называемых элокутивов — тропов и фигур речи. Важным в языке (и не только в нём, но и в других областях культурного пространства) станет жанровая специфика отражения концепта. Без сомнения, рельефно концептуальные особенности проявят себя в такой сфере, как *паремнология*, т.к. именно жанровая специфика пословиц и поговорок ярко выражает ментальную мировоззренческую специфику, конгломерировав в себе весь опыт и мудрость народа. Они тесно связаны с историей и культурой русского народа. Русские паремии позволяют в процессе изучения русского языка получить информативные смыслы русской жизни и русского быта, представление о национальном характере, религиозных верованиях, традициях, обычаях, праздниках русского народа, т.к. их «можно назвать хранилищем многовекового коллективного опыта людей, народной мудрости и национальной культуры» [Воркачев, 2001; С. 68]. Соотнеся эту специфику со спецификой других ЯКМ в поликультурном регионе, можно будет охарактеризовать зоны эффективного и фрустративного взаимодействия, локализовав последние.

Ввиду особой значимости и знаковости в мировоззрении любого социума представляется необходимым уделить специальное внимание концепту «язык». Названный концепт является титульным в любой ЯКМ.

Его не оставляет без внимания Ю.С. Степанов [Степанов, 2004; С. 249-294], о языке как о «голосе национальной природы» и «портативном космосе» пишет Г.Д. Гачев [Гачев, 2007; С. 184-208; 2008; Гачев, 2008; С. 53-57]. А.Н. Афанасьев, обращаясь к «поэтическим воззрениям славян на природу», ставит язык в ряд «живой воды и вещего слова» [Афанасьев, 2006; С. 115-132].

Нами были взяты к анализу пять наиболее значимых паремнологических словарей [Даль, 2007; Жигулёв, 1965; Крутлов, 1990; Разумов, 1957; Снегирёв, 1996]. Общее число интересующих нас контекстов паремий представлено в них 330 единицами. Отбор данных происходил в соответствии с тематическим принципом. Важными в рамках нашего исследования, как показывает собранный языковой материал, становятся, по крайней мере, два обстоятельства. С одной стороны, концепт «Язык» оппозиционен, поскольку определяется народным сознанием и как отрицательное (*Язык мой — враг мой*), и как положительное явление (*Язык голову кормит*). Именно это обстоятельство позволяет заявить о «двойничестве» данного концепта. По словам М.Г. Шкуропацкой, давшей отзыв на диссертацию, рассмотревшую репрезентацию концептов «вере/неверие» в русской ЯКМ, «в языковом сознании русского человека значительное место занимают так называемые концепты двойничества («душа», «совесть», «судьба» и т.д.). Это концепты, в структуре которых выделяется как бы две сущности, образующие своеобразный синкретизм; два когнитивных слоя, грань между которыми всегда остается подвижной и расплывчатой» [Шкуропацкая, 2009].

Подобного рода концепты сформированы по принципу взаимопересекающихся микроконцептосфер с диффузной зоной («Язык-добро» — «Язык-зло», «Ум» — «Отсутствие ума», «Молчание — плюс» — «Молчание-минус»). Данные микроконцептосферы, как показывает языковой материал, сливаются в медиоконцептосферы («Язык», «Молчание», «Ум», «Дело»). Пос-

ледние же организуют общую коммуникативную макроконцептосферу «Язык/речь». Подробное описание названных концептосфер лежит за пределами границ данной статьи и будет представлено в последующих материалах. Здесь же зафиксируем лишь то, что из 330 рассмотренных паремий 247 имеют отрицательное значение и лишь 63 – положительное, соответственно, «Слово – зло» составляет 75 %, а «слово-добро» – 25 %. Этот факт характеризует РЯКМ: душевная открытость, простота, доверчивость и общительность, свойственная её представителям, приводит зачастую к неоправданной болтливости, слово предпочитается делу, говорится одно, а делается другое: *Не спеши языком – торопись делом; Всё мы говорим, да не по говоренному выходит; Речи, что мёд, а дела, что полынь; На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит* и под.

Микрополе «Слово-зло» включает в себе различные отрицательные качества, присущие представителям РЯКМ: народная традиция не поощряет, отрицает, осуждает и наказывает за болтливость, пустословие, навязчивость, иной раз – бессмысленность речи, приверженность к слухам, лукавство. Микрополе «Слово-добро» в количественном отношении представляющих его паремий, как было отмечено, уступает микрополю «Язык-зло», однако в качественном отношении входящие в него пословицы и поговорки обладают высокой прагматикой. В РЯКМ слову уделяется особое значение: доброе слово лечит, предупреждает опасность. Сила слова ценится и одобряется. Слову предоставляется роль нравственного мерила и мирила: оно измеряет высокую личностную духовность и призвано примирять собеседников и даже народы. Доброе слово в РЯКМ боготворится: *Ветер горы разрушает, слово народы поднимает; Не пройми копьём, пройми языком! Сло-*

во – исцеление души болящей; С добрым словом и чёрная корка сдобой пахнет; Ласковое слово и буйную голову умирят; Ласковым словом и камень растопишь. Народная мудрость воспитывает нравственность через уважительное отношение к слову: *От утивых слов язык не отсохнет; Приветливое слово гнев побеждает.* Но и предупреждает: *На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся.* Слово равняется с законом, воспитывая тем самым языковую личность в традициях добра, справедливости, порядочности, постоянства, надёжности: *Слово – закон, держись за него, как за кол; Сказал – сделал; Слово толковое стоит целкового; Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати.* Слово (= язык/речь) как общественный феномен соотносится в народном сознании с природной стихией: *Доброе слово человеку, что дождь в засуху.* Интересен факт того, что «нечастотность» встречаемости паремий с «+» характеристикой слова объясняется в самих паремиях: *Красное дерево редко, красное слово метко.* – Не стоит говорить много, следует подобрать такое слово, которое окажет воздействие. И здесь невольно вспоминаются строки стихотворения В. Шефнера «Слово», удивительно точно характеризующие специфику РЯКМ: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести; Словом можно предать, и продать, и купить; Слово можно в разящий свинец перелить <...>».

С другой стороны, концепт «Язык» можно рассматривать как многослойный концепт, формирующий общую коммуникативную макроконцептосферу, включающую в себя микрополя «Язык-добро»/«Язык-зло»; «Молчание-плюс»/«Молчание-минус»; «Ум»/«Отсутствие ума»; «Дело»/«Безделье», объединяющиеся впоследствии в медиополя «Язык/речь», «Молчание», «Ум», «Дело»:

«Язык-добро»	«Молчание-плюс»	«Ум»	«Дело»
«Язык-зло»	«Молчание-минус»	«Отсутствие ума»	

В дальнейшем есть необходимость остановиться на рассмотрении названных составляющих данной коммуникативной концептосферы.

Лингвокультурологическое межкультурное изучение концепта «язык» необходимо проводить в аспекте принципиальной модели построения мира и языка как индикатора культуры. Так, паремнологический материал, представляющий концептосферу «Язык/речь», показывает наибольшую активность таких принципов, как *сравнение* (через реализацию в тропах – метафоре и сравнении (положительном и отрицательном) и *контраст* (через реализацию в фигурах антитезы – семантической, грамматической, семантико-грамматической): сравнив и противопоставив, можно выявить позитивное и негативное в осмыслении существующей действительности и выразить индивидуальное и коллективное отношение: *С тобой разговориться, что мёду напиться; Доброе слово человеку, что дождь в засуху; Слово не обух, в лоб не бьёт; Что слово молвит, то рублём подарит* и под. – Сравнение. *Слово происходит от дела, а не дело от слова; Не спеши языком, торопись делом; Всё скоро сказывается, да не всё быстро делается; Во хмелю что хошь намелю, а проснусь – отопрусь; Говори с другими поменьше, а с собой побольше* и др. – Контраст. Менее частотны в организации паремий принципы градации, симметрии/асимметрии, экономии/избыточности и др. Этот факт требует специальных разработок.

В настоящее время актуальными становятся исследования концептосфер различных ЯКМ с целью установления эффективных контактов в межкультурной коммуникации. Нами такие исследования ведутся на материале полилингвального региона – Республики Хакасия – в контексте разрешения проблемы «идентификации культурных инвариантов в анализе

социальной действительности». Целесообразность подобных разработок обусловлена несколькими факторами:

- 1) необходимостью лингвокультурологического описания концептов с целью исследования языкового сознания народа;
- 2) знаковостью концепта «язык» для русской ЯКМ;
- 3) специфической значимостью русского концепта «язык» в культуре и менталитете народа, обладающего как универсальными чертами, так и национальной спецификой;
- 4) межкультурной константностью данного концепта. Прецедентов обращения к данной теме на уровне изучения, в частности, русской языковой картины мира (РЯКМ) на настоящий момент нет.

Целью подобного исследования становится изучение и описание национальной специфики функционирования концепта «Язык» в РЯКМ на примере изучения русских паремий. Данная цель обусловит конкретные задачи:

- 1) рассмотреть базовые понятия лингвокультурологии: языковая картина мира, концепт, принцип, схема, константа, инвариант, вариант, архетип, «национальные образы мира», способ мировосприятия и миромоделирования и под. в их соотносённости;
- 2) собрать и системно описать языковой материал, который отражает содержательное наполнение концепта «язык» в русских паремиях, в том числе элокутивов (тропов, фигур речи);
- 3) соотнести и разграничить понятия теории элокуции: троп, фигура (речевая, языковая, стилистическая, риторическая), принцип, схема, приём, контаминация и конвергенция и под.;
- 4) смоделировать и описать общую коммуникативную макроконцептосферу «язык» с выявлением в ней микро- и мидиоконцептосфер принципиального характера (языковых и внеязыковых реализаций);

5) определить лингвокультурологическую специфику реализации концепта «Язык» в РЯКМ.

Соотнесение специфики репрезентаций изучаемого концепта в разных ЯКМ поликультурного региона (хакасской, немецкой, английской, французской) сделает

возможным решение задачи миромоделирования в них с установлением зон культурного пересечения, позволяющих выйти на толерантное межкультурное взаимодействие, характеризующееся как конструктивное, а значит — эффективное.

Литература

1. Амзаракова И.П. Языковой мир немецкого ребенка: уч. пособие для студентов. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2004. — 240 с.

2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. — М.: ЭКСМО, 2005. — 608 с.

3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. — № 1. — С. 64-72.

4. Гачев Г. Космо-психо-логос: национальные образы мира. — М.: Академический проект, 2007. — 511 с. (Технология культуры).

5. Гачев Г. Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. — 544 с. — (Философский бестселлер).

6. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1999. — 152 с.

7. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка / И.В. Пекарская. — Часть I, часть II. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2000. — 247 с., 343 с.

8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — 3-е изд-е, испр., доп. — М.: Академический проект, 2004. — 992 с.

9. Шкуропацкая М.Г. Отзыв на автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Талаповой Т.А. «Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира». — Абакан, 2009. — 22 с.

Лексикографические источники

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: сборник. — 3-е изд. стереотип. — М.: Рус. Яз. — Медиа, 2007. — 814 с.

2. Жигулев А.М. Русские народные пословицы и поговорки. — М.: Московский рабочий, 1965. — 360 с.

3. Круглов Ю.Г. Русские народные загадки, пословицы. — М.: Просвещение, 1990. — 335 с.

4. Разумов А.А. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки. — М.: Государственное изд-во Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1957. — 240 с.

5. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. — Новгород, 1996. — 352 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Пекарская И.В., д-р филол. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, зав. кафедрой стилистики русского языка и журналистики, зав. лабораторией лингво-культурологической коммуникации, институт филологии, Хакасский государ-

I. Pekaruskaya, Doctor of Philology; Professor; Honored Employee of the Russian Federation Higher School, Chief of the Department of Russian Language Stylistics and Journalism, Institute of Philology, Khakass State University named after N.F. Katanov; Chief of the Laboratory of the

твенный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ
им. Н.Ф. Катанова)
служ. тел.: 8 (3902) 22-34-82

Linguo-culturological Communication, Khakass
State University named after N.F. Katanov

Научные интересы: речеведение: стилисти-
ка, риторика, прагмалингвистика, лингвокуль-
турология, культура речи, межкультурная ком-
муникация

Areas of expertise: linguistics, stylistics, rheto-
ric, pragmatic linguistics, linguoculturology, speech
culture, cross-cultural communications

УДК 811.11

Савченко Валентина Александровна
Valentina Savchenko

ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК МЕЖУРОВНЕВОЕ ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

TRANSPPOSITION AS AN INTERLEVEL PHENOMENON OF LANGUAGE AND SPEECH

Рассматривается транспозиция как межуровневое явление языка и речи, виды транспозиции на современном этапе, подчеркивается асимметричная природа транспозиции и ее стилистическая значимость

In the article the author considers the transposition as an interlevel phenomenon of language and speech, types of transposition in modern stage. Asymmetrical nature of transposition and its stylistic importance are stressed

Ключевые слова: транспозиция, асимметрия, означающее, означаемое, семантический сдвиг, функциональный сдвиг

Key words: transposition; asymmetry; the signifier; the signified; semantic shift, functional shift

Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры Инновационной России» на 2009-2013 гг. (государственный контракт № 02.740.11.0374).

Феномен транспозиции давно привлекает внимание исследователей. Впервые термин «транспозиция» ввел Ш. Балли [Балли, 1955; С. 138]. Он отмечал, что специфика языкового знака заключается в его двойственности (дуализме) – в определенном противоречии, которое составляет линейный (дискретный) характер означающего и глобальный (недискретный) характер означаемого. Различные ступени абстракции сливаются воедино и делают содержание знака неоднородным и недискретным. Отдельные аспекты этого явления изучались О. Есперсеном, А. Сеше, Л. Теньером, А. Фреем, в отечественной лингвистике – И.В. Арнольд, В.Г. Гаком, Ю.С. Степановым, В.Д. Девкиным, Л.М. Михайловым и др.

В Большом энциклопедическом словаре транспозиция определяется «как использование одной языковой формы в функции

другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду» [ЯБЭС, 2000; С. 519]. Речь идет об асимметрии языкового знака. Асимметрия языкового знака заложена в его противоречивой двойственной природе и является, таким образом, основополагающим принципом, определяющим асимметричные отношения между означающим и означаемым знака, проявляющиеся как на уровне системы, так и ее реализации.

Как отмечает Л.М. Михайлов, наметились два подхода в толковании данного явления. С одной стороны, транспозиция понимается как система переходов языковых единиц из одного класса в другой, с другой стороны, транспозицию понимают как переносное употребление, перемещение одного противочлена оппозиции (в синтаксической парадигме) в область употребления другого, в результате чего происходит модификация его значения и функции [Михайлов, 1994; С. 119].

В более узком смысле слова под транспозицией понимается перевод слова или основы в другую часть речи (конверсия, субстантивация и т. д.) или его употребление в функции другой части речи. Именно в таком понимании представлена транспо-

зия в работе Г.Г. Соколовой [Соколова, 1973].

Л. Теньер называл это явление трансляцией и определял ее природу следующим образом: «Сущность трансляции состоит в том, что она переводит однозначные слова из одной категории в другую, то есть превращает один класс слов в другой» [Теньер, 1988; С. 378].

В широком смысле слова транспозиция – это перенос любой языковой формы, например, транспозиция временных форм, лица, наклонений, типов предложений и т.д. [ЯБЭС, 2000; С. 519].

Мы считаем, что транспозиция является следствием актуализации принципа асимметрии, когда нарушается однозначное соотношение означаемого и означающего. Речь идет об определенном сдвиге – семантическом и функциональном. При этом транспозиция проявляется, с одной стороны, на разных уровнях языка, с другой стороны, в речи, т. е. на функциональном уровне. На современном этапе можно выделить, на наш взгляд, следующие виды транспозиции: лексическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую, семантическую, прагматическую, функциональную (или стилистическую).

Лексическая транспозиция связана с употреблением слов в переносном смысле. Частым случаем переносного употребления лексических единиц являются термины: *Brustkorb грудная клетка*, *Nasenbein носовая кость* – (анатомия); *Blutkreis кровообращение*, *Plattfuß плоскостопие* – (медицина), *Stiefmütterchen анютины глазки*, *Zaunkönig крапива* – (ботаника); *Eisbär белый медведь*, *Stachelschwein динокообраз* – (зоология), *Nase нос корабля*, *Gabelpfanne литейный ковш* – (техника), профессионализмы: *Bremsbacke тормозная колодка*, *Heringfahrer рыболовное судно*, жаргонизмы и арготизмы: *Kies*, *Heu* в значении *Geld*, лексемы из молодежного сленга: *Zahn*, *Ische* в значении *Mädchen* и т.д. В данном случае имеет место транспозиция на уровне языка, т.к. транспонированные лексические единицы вошли в

систему языка, хотя некоторые из них находятся на периферии словарного фонда (напр., молодежный сленг, профессионализмы, арготизмы). Как видим, в основе лексической транспозиции лежит метафорический или метонимический перенос значения. Иногда в значении слова сохраняются признаки обозначаемого предмета, в этом случае имеет место частичная идиоматизация (*Brustkorb*, *Bremsbacke*). Здесь налицо противоречие в соотношении этимологического и денотативного значений. При полной идиоматизации эти признаки отсутствуют (*Eichhörnchen*, *Nachtigall*, *Stachelschwein*). Это слова с непрозрачной мотивированностью. Лишь этимологический анализ дает возможность установить их этимон. Так, первый компонент слова *Eichhörnchen* (белка) восходит к индогерманскому корню *aig быстро двигаться*, а не к слову *Eiche* (дуб), как это соотносено народной этимологией.

Семантическая транспозиция основана на вторичной, синтагматически обусловленной номинации. Ее основными разновидностями являются метафоризация и метонимизация. В речевом контексте слово обогащается новыми смыслами, коннотативными (эмоционально-экспрессивными и оценочными) оттенками. Ср.: *Das Mädchen ist wirklich sonnig!* Или: *Alte Ziege!* (по отношению к человеку), что выводит данное явление в плоскость эмоционально-оценочной, экспрессивной семантики и, соответственно, в область стилистики. Н.Д. Кручинкина определяет такой вид транспозиции как синтагматически обусловленную семантическую транспозицию [Кручинкина, 2007; С. 315].

Словообразовательная транспозиция обусловлена различными факторами: переносом значения аффиксов, их фузией, непрозрачностью мотивировки составляющих сложного слова или полимотивированностью основ и др.

При образовании новых слов словообразовательные аффиксы, чаще всего суффиксы, употребляются в переносном значении (ср., например, суффикс *-er* (значение

производителя действия): Dreher, Fahrer, но: Ständer, Schalter; суффикс –erei (значение действия или свойств, черт характера): Lauferei, Sitzerei, Schreiberei, Kinderei, Schelmerei, но: Bücherei, Bäckerei.

Композиты с непрозрачной мотивированностью (см. выше) можно также рассматривать транспонированными (асимметричными), т.к. они являются периферийными по сравнению с определенными композитами с четко выраженным отношением между значениями их составляющих. Ср.: Bombenleistung, Saukälte, Mordsappetit и т. д. Первый компонент таких композит усиливает второй, за счет чего создается оценочность слова. При этом иногда наблюдается алогизм в сочетании компонентов (Saukälte, Mordsappetit). Особенно это характерно для словообразовательных окказионализмов: *der violettstinkende Kanal*; *der uralte, lederhäutige Professor*.

Полимотивированность основ также может лежать в основе словообразовательной транспозиции, ср.: Stiefmutter мачеха, Schwiegermutter свекровь, теща и Lochmutter гайка с отверстиями, Gegenmutter контргайка, Flügelmutter гайка-барашек. Омонимия основного компонента Mutter обуславливает полимотивированность сложного слова.

Морфологическая транспозиция предполагает изменение грамматической формы, ведущее к семантическому сдвигу, или употребление языкового знака в нетипичной для него функции. Она проявляется, в частности, в изменении грамматического рода имен существительных, что ведет к семантическому и функциональному сдвигам, ср.: *der Pack* в значении *пакет / связка / пачка*, но: *das Pack* – *сброд, отродье*; *der Mensch человек*, но *das Mensch* в значении *Unmensch* (по отношению к лицам женского пола), *der Chor хор* и *das Chor* в значении *das Gesindel*. Ср.: *Aber gleich darauf ist er wieder der alte Gumpel. „Verdammtes Proletenpack.“* (Н. Jobst).

Аналогичную картину наблюдаем при транспозиции грамматического числа.

Ср.: *die Menschen* и *die Menscher*. Форма *Menscher* употребляется только по отношению к лицам женского пола. Как отмечают Д. Фаульзайт и Г. Кюн, в форме множественного числа *Menscher* таится оттенок пренебрежительности [Faulseit, 1975; С. 132]. Наблюдается и обратный эффект: непривычная форма множественного числа создает оттенок приподнятости. Ср.: *Der große Mose untersagt das Töten und dennoch ziehen Israels Mannen als Mordbrenner ins Gelobte Land.* (Der SPIEGEL, 38/2006). В данном контексте приподнятая форма множественного числа *Mannen* реализует стилистический принцип контраста, а именно: между высокими идеями великого кормчего и низкими поступками израильских солдат.

Нетипичная форма множественного числа *Dinger* также ведет к семантическому сдвигу. Ср.: *die Dinge (die Sachen) – die Dinger (die Mädchen)*. Форма множественного числа *die Dinger* употребляется в обиходной речи в значении *die Mädchen* и имеет разговорно-сниженное значение (*salopp, abwertend*), в то время как форма единственного числа *das Ding (das Mädchen)* может иметь как положительную (*ein gutes, liebes, hübsches Ding*), так и отрицательную коннотацию (*ein freches, albernes Ding*).

Как разновидность морфологической транспозиции можно рассматривать форму множественного числа в композитах *Mannsleute, Weibsbilder* со вторым компонентом *-leute* и *-bilder* от лексем *Mann* и *Weib*, которые согласно норме образуют множественное число по другой словообразовательной модели (*Mann – Männer, Weib – Weiber*). В них реализуется принцип аналогии с известными образовательными моделями (ср.: *Fachleute*), что для данных существительных является отступлением от нормы. Денотативное значение существительного *Mann* в форме множественного числа *Mannsleute* «обрастает» коннотативными значениями пренебрежительности и стилистической сниженности, что ведет к семантическому и функциональному сдвигам, а в существительном *Weib*, в денота-

тивном значении которого уже заключена сема пренебрежительности, компонент *-bilder* усиливает этот оттенок.

Транспозиция единственного числа во множественное ведет к метонимизации и подчеркивает тем самым денотат, ведущей грамматической доминантой которого в синтагматическом ряду является сема множественности. Ср.: Für *Frau* empfiehlt man in dieser Saison Blau. (Ср.: Для женщин в этом сезоне рекомендуется голубой цвет.)

Распространенным случаем на уровне речи является транспозиция лица. Известно, что на уровне узуса адекватными формами обращения в немецкой речи являются *du-Form*, *ihr-Form* и *Sie-Form*. В симметричных ситуациях общения они являются действительными указателями адресата. В нетипичных ситуациях имеют место отклонения от узуса. Прежде всего, это наблюдается в обращениях к неодушевленным предметам, Богу, в риторических вопросах. Здесь чаще всего употребляется *du-Form* (вместо *Sie-Form*), что обусловлено, как нам представляется, прагматическим оттенком близости и доверительности этой формы.

Функциональными сдвигами являются также обращения к собеседнику в форме вопроса через третье лицо: Was wünscht der junge Mann? (Н. Jobst), употребление местоимений *wir* и *man* вместо *du*, особенно в общении с ребенком: Wollen wir nicht essen? Will man Mutti keinen Kuss geben?

Распространенным случаем асимметрии в морфологии является транспозиция временных форм глагола, например:

* исторический презент (*Präsens historicum*) выступает в функции *Präteritum*: «...Als ich an einer Straßenkreuzung kam, da kommt plötzlich ein Radfahrer von rechts und fährt gegen meinen Wagen. Ich halt sofort und sehe, dass er Gott sei Dank unverletzt ist. Danach setze ich meinen Wagen fort.» (S. Lenz);

* *Präsens* и *Perfekt* — в функции *Futurum*: -Wann kommst du zu Besuch? — Nachdem ich alles gemacht habe.

* *Präsens* и *Futurum I* — в императив-

ном значении: Wolzow, Sie übernehmen den Trupp! (D. Noll); Du wirst den Apfel schießen vom Kopf des Knaben! (Fr. Schiller).

Синтаксическая транспозиция представляет собой переход предложения в коммуникативную среду, типичную для другого функционального типа предложения, например, переход повествовательного по форме предложения в побудительное: Sie bleiben hier! (Н. Jobst), вопросительного — в побудительное: Willst du endlich das Fenster schließen? Основные виды синтаксической транспозиции описаны в вышеупомянутой работе Л.М. Михайлова [Михайлов 1994: 121 — 131], поэтому мы не будем останавливаться на них подробно.

Прагматическая транспозиция связана с модификацией интенций говорящего. Представляется, что косвенные речевые акты с модальными глаголами и глаголом „werden“ в конъюнктиве типа „Möchtest du nicht die Tür schließen? Könntest du mir die Wahrheit sagen? Würden Sie mir den Weg zum Bahnhof zeigen?“ можно рассматривать как своеобразную *прагматическую транспозицию*, т.к. в таком употреблении имеют место сдвиги в семантике глаголов, а сами косвенные речевые акты связаны с прагматической стороной высказывания — вежливое, смягченное выражение побудительной семантики.

Стилистическая транспозиция предполагает функциональный сдвиг, который несет стилистический эффект за счет того, что словарные единицы переносятся в несвойственное им стилистическое окружение. Возникает контраст между общепринятым, ожидаемым в данном контексте и неожиданным. Например, перенос слова из возвышенного стиля в обиходный (или наоборот), перенос коллоквиализмов из разговорной речи в научный стиль, употребление научных терминов, профессионализмов, арготизмов в разговорной или публицистической речи и т. п. ведет к функциональному сдвигу. Контрастируя с несвойственным ему окружением, обрастая различными коннотациями — оценочными, эмоциональными и др., — слово становится

ярким, броским, производит определенный стилистический эффект: *Ich haue dir eins in dein Antlitz!* (Ср.: *Ich haue dir eins in die Fresse!*)

Таким образом, первичная транспозиция на формальном уровне ведет к се-

мантическому сдвигу, обуславливая семантическую транспозицию, которая, в свою очередь, порождает функциональный сдвиг. Очевидно, в таких случаях можно говорить о комплексной транспозиции.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.

2. Кручинкина Н.Д. Синтагматически обусловленная семантическая транспозиция // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы международной научной конференции. Вып. 1. — Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. — С. 315-316.

3. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка: учеб. для ин-тов и фактов иностр. яз. — М.: Высшая школа, 1994. — 256 с.

4. Соколова Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных. — М.: Высшая школа, 1973. — 175 с.

5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988. — 656 с.

6. ЯБЭС — Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. — 668 с.

7. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. — Bibliographisches Institut Leipzig, 1975. — 286 S.

Иллюстративные источники

1. Der SPIEGEL. — 36 / 2006.

2. Jobst, Herbert. Der Findling. Verlag der Nation Berlin, 1965.

3. Lenz, Siegfried. Die Brüder Lautensack. — Verlag München, 1943.

4. Noll, Dieter. Die Abenteuer des Werner Holt. Aufbauverlag Berlin und Weimar, 1969.

5. Schiller, Friedrich. Schillers Werke in fünf Bänden. — Bd. 5. — Aufbauverlag Berlin und Weimar, 1967.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Савченко В.А., канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (ХГУ им. Н.Ф. Катанова)
Служ. тел.: 22-60-21

V. Savchenko, Candidate of Philology, Associate Professor, German Language Department, Institute of Philology, Khakass State University named after N.F. Katanov

Научные интересы: лексическая и грамматическая семантика, отклонения от норм в синтаксисе (принцип асимметрии), эмоционально-экспрессивный синтаксис, стилистический аспект грамматических явлений и словообразования

Areas of expertise: lexical and grammatical semantics; departure from the norm in syntax (the principle of asymmetry); emotional-expressive syntax; stylistic aspect of grammatical phenomena and of word formation

УДК 811.1

Тармаева Виктория Ивановна
Victoria Tarmaeva

РАВНОВЕСНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА

BALANCABILITY OF NARRATIVE DISCOURSE REPRESENTATION

Рассматривается репрезентация повествовательного дискурса как определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, опыта (памяти) и элементарных перцептивных механизмов

This article deals with the narrative discourse representation as balancibility of all the structures formed on the basis of understanding, experience (memory) and perception

Ключевые слова: репрезентация, нарративный дискурс, разъединение, интеграция, равновесность, взаимосвязи

Key words: representation, narrative discourse, separation, integration, balancability, interactions

Повествовательная форма обладает возможностями двоякого рода. Во-первых, она способна разъединять знаки по ходу сюжета, а во-вторых — заполнять образовавшиеся промежутки непредсказуемыми элементами. На первый взгляд обе эти возможности кажутся проявлением повествовательной свободы. Однако на самом деле суть нарративного дискурса состоит как раз в том, что указанные сдвиги предусмотрены самой языковой системой. «В формальном отношении роман похож на сон; и тот, и другой можно определить через одну любопытную особенность: все их сдвиги принадлежат им самим» [1; С. 67].

Разъединение знаков, диастаксия [2], существует и в естественном языке. Так, знаки, образующие некоторое сообщение, могут перестать следовать друг за другом в обычном порядке. Например, во французской фразе *elle ne vous a jamais pardonne* «она нас так никогда и не простила» части одного знака в пределах сообщения отделены друг от друга другими знаками.

В нарративных дискурсах наблюдается точно такое же явление. Хотя элементы,

составляющие сюжетную последовательность, образуют единое целое, тем не менее, они могут оказаться отделенными друг от друга в том случае, если между ними вклиниваются единицы, принадлежащие иным последовательностям. В ментальной репрезентации нарративного дискурса — сценарии все эти элементы репрезентируются упорядоченно и последовательно.

Язык повествовательных текстов отличается высокой степенью синтетичности в силу наличия в нем приемов охвата и включения; каждая точка рассказа задает одновременно несколько смысловых координат. Так, когда Джеймс Бонд, герой романа Я. Флеминга «Голдфингер» в ожидании самолета заказывает себе порцию виски, мы имеем дело с полисемическим признаком, со своеобразным символическим узлом, вбирающим сразу несколько означаемых — современность обстановки, атмосфера достатка, праздности. Однако в качестве функциональной единицы заказ виски должен постепенно включаться во все более широкие контексты — заказанный напиток, ожидание, отъезд — до тех

пор, пока не обретет своего окончательного смысла. Именно таким образом любая единица «входит» в целостность нарративного дискурса, хотя вместе с тем такой дискурс «держится» лишь благодаря разъединению и интеграции составляющих его единиц.

Принцип разъединения основан на существовании отношений, — нередко весьма отдаленных, — между различными элементами и тем самым предполагает доверие к человеческому рассудку и памяти, он предстает как сугубо логическое явление и на место простых и чистых копий изображаемых событий ставит их смысл. Так, маловероятно, чтобы в «жизни» при встрече двух людей за приглашением садиться немедленно не последовало бы ответное действие. Зато в повествовательном произведении эти две смежные единицы могут быть разделены длинной цепочкой перебивающих элементов, принадлежащих к совершенно иным функциональным последовательностям. Так возникает своеобразное логическое время, имеющее отдаленное отношение к реальному времени, поскольку внешне разбросанные единицы скреплены жесткой логикой, связывающей ядерные функции в последовательности в повествовательном сценарии.

Данный прием разъединения [3] позволяет оставить сюжетную последовательность открытой, прямо выполняя эмфатическую функцию: наблюдатель предощущает будущее с тревогой и удовольствием, тем большим, что в конечном счете сюжет всякий раз восстанавливает свою логику.

Прием разъединения как бы играет с повествовательной структурой, подвергая ее риску лишь затем, чтобы укрепить еще более. В плане смыслового восприятия сюжета он выполняет функцию настоящего захватывающего, волнующего момента. Разъединение словно бы воплощает принципиальную особенность самого языка, где все эмоциональное является в то же время и интеллектуальным: он оказывает воздействие благодаря своей функции, а не благодаря своему наполнению.

Всегда, когда можно разделить, можно и заполнить. В промежутке между функциональными ядрами возникает пространство, которое можно заполнять почти до бесконечности. Так, сюда вмещается большое число катализаторов. Но катализаторы сами дают основания для построения новой типологии: свобода катализации может проистекать из содержания самих функций. Некоторые из них, например *ожидание*, поддаются катализации лучше, чем другие. С логической же точки зрения *ожидание* располагает только тремя ядерными функциями сценария:

- 1 — начало ожидания;
- 2 — процесс ожидания (ожидать);
- 3 — конец ожидания (дождаться/не дожидаться).

Письменный язык в гораздо большей степени поддается катализации, чем, скажем, язык кино. Намного проще «расчленил» некоторое движение при повествовании о нем, нежели при его визуальном изображении. Возможность катализировать нарративный дискурс создает возможность и для его эллипсиса.

С одной стороны, всякая функция, к примеру, «он плотно пообедал» позволяет обойтись без всех тех виртуальных катализаторов, которые она предполагает, а именно — подробности обеда. С другой стороны, любую последовательность можно свести к ее ядерным функциям, а иерархию последовательностей — к единицам высшего уровня, не нарушая при этом смысла сюжета. Сюжет узнается даже в том случае, когда его синтагматика ужата настолько, что состоит из одних только актантов и наиболее крупных функций — тех, которые возникают в результате последовательной интеграции остальных функциональных единиц [4].

Второй важный процесс — это интеграция. Явление, разъятое на известном уровне, например, та или иная последовательность, чаще всего воссоединяется на следующем уровне. Таковы последовательности более высокого иерархического ранга, совокупные означаемые нескольких

разрозненных признаков, действия определенного класса персонажей — актантов.

Механизм интеграции в самых разнообразных своих формах позволяет упорядочить всю сложную и на первый взгляд неподдающуюся охвату совокупность единиц того или иного уровня. Он позволяет определенным образом организовать наше понимание разъединенных, оказавшихся по соседству или просто гетерогенных элементов метатекста.

Если, вслед за Греймасом, назвать изотопией некоторое смысловое единство, например, такое, которое пропитывает знак и его контекст [5], то можно будет сказать, что интеграция — это фактор изотопии: каждый интегративный уровень передает свою изотопию единицам нижележащего уровня и тем самым не позволяет смыслу «плясать», что и происходит в повествовательном сценарии.

Интеграция представляет собой процесс, напоминающий стройное архитектурное сооружение, возникающее в результате симметричного складывания бесконечно множества простых элементов в некое сложное целое. Нередко одна и та же единица имеет сразу два коррелята. Первый — на одном уровне: такова, например, функция, входящая в последовательность. А второй — на другом: таков признак, отсылающий к актанту.

Репрезентация предстает как последовательность элементов, непосредственно или опосредованно связанных друг с другом и все время взаимно наслаивающихся. Механизм разъединения организует «горизонтальное» чтение текста, а механизм интеграции дополняет его «вертикальным» чтением. Непрестанно играя различными потенциальными возможностями, структура как бы «прихрамывает» и в зависимости от реализации этих возможностей придает повествованию его специфический «тонус», его энергию. Каждая единица предстает как в своем линейном, так и в своем глубинном измерении, и повествование «движется» следующим образом: благодаря взаимодействию двух указанных механизмов

структура ветвится, расширяется, размыкается, а затем вновь замыкается на самой себе. Появление любого нового элемента заранее предусмотрено этой структурой. Творческая зона внутри метатекста распространяется в пространстве между двумя кодами — лингвистическим и транслингвистическим. Вот почему можно сказать, что искусство, в «романтическом» смысле слова, сводится к умению подбирать детали, между тем, как воображение позволяет овладеть самим кодом.

Необходимо критически взглянуть на так называемую значимость. Когда в помещении, где дежурит Бонд, раздается телефонный звонок, герой, по словам автора, «думает»: «Связь с Гонконгом всегда работает очень скверно, и оттуда бывает нелегко дозвониться». Так вот, ни «мысли» Бонда, ни плохое качество телефонной связи не составляют подлинной информации; возможно, что эти детали и придают эпизоду больше «жизненности», но подлинная информация, которая станет понятна только позднее, заключается в локализации телефонного звонка, а именно в том, чтобы привязать его к Гонконгу.

Значимость той или иной метасюжетной последовательности заключается вовсе не в том, что она якобы воспроизводит известные события в их «естественном» следовании друг за другом, но в той логике, которая организует указанную последовательность.

Люди постоянно проецируют в репрезентацию нарративного дискурса все, что они пережили, все, что они видели, т.е. из опыта. Однако они проецируют это в такую форму, которая утвердила модель становящегося бытия. Суть рассказывания не в том, чтобы сделать события зримыми. «Волнение, которое мы способны испытать при чтении романа, — это не волнение, вызванное «зримостью» соответствующих образов, т.к. при рассказывании мы не «зрим» ровным счетом ничего; это волнение, внушаемое нам смыслом, т.е. некоей высшей реляционной упорядоченностью, для которой также характерны свои переживания,

надежды, опасности и победы: с точки зрения референции-реальности «то, что происходит» в рассказе, есть в буквальном смысле слова ничто; а то, что в рассказе «случается», так это <...> приключение языка, появлению которого мы все время радуемся» [1; С.124].

Другими словами, к изменениям в поведнительном дискурсе наблюдатель приспосабливается посредством контроля информации. Сопровождается этот процесс специфическими состояниями активности нервной системы, т.е. репрезентациями, которые находятся в отношении каузальной связи с этими изменениями. Таким образом, языковые знаки оказываются знаками не компонентов нарративного дискурса, а репрезентаций, в нашем случае — ментальных сценариев, которые сами являются знаками по определению. Итак, наблюдатель имеет дело с языком, представляющим собой систему, подобласть когнитивной области взаимодействий, состоящую «из знаков» [6].

И в связи с этим всякое адаптивное поведение предполагает как аспект энергетический, или аффективный, так и структурный, или когнитивный. Все чувства выступают или как регуляторы внутренней энергии («фундаментальные чувства» у П. Жане, «интерес» у Кларпеда), или как факторы, регулирующие у субъекта обмен энергией с внешней средой (всякого рода реальные или фиктивные «ценности», затем «желаемости», связанные с «целостным полем» К. Левина, «валентности» С. Рассела, вплоть до межиндивидуальных или социальных ценностей).

Но если во всяком, без исключения, поведении заложена «энергетика», представляющая его аффективный аспект, то вызываемые этой «энергетикой» обмены со средой необходимо предполагают существование некой формы или структуры, определяющей те возможные пути, по которым проходит связь субъекта с объектом. Именно в таком структурировании поведения и состоит его когнитивный аспект. Восприятие, акт понимания, память, рассуждение

и т.д. — все это сводится к тому, чтобы тем или иным образом, в той или иной степени структурировать отношения между средой (репрезентациями) и организмом. Именно на этом основании все они объединяются в когнитивной сфере поведения и противостоят явлениям аффективной сферы [7].

Аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, оставаясь в то же время различными. Они неразделимы, поскольку всякий взаимообмен со средой предполагает одновременно и наложение структуры, и создание ценностей (структуризацию и валоризацию); но от этого они не становятся менее различными между собой. Вот почему даже в области чистой математики невозможно рассуждать, не испытывая никаких чувств, и наоборот, невозможно существование каких бы то ни было чувств без известного минимума понимания или различения. Акт ментальных репрезентаций предполагает сам по себе известную энергетическую регуляцию как внутреннюю, например, интерес, усилие, легкость и т.п., так и внешнюю, к примеру, ценность изыскиваемых решений и объектов, на которые направлен поиск, которые обе по своей природе аффективны и сопоставимы со всеми другими регуляциями подобного рода. И наоборот, никакая из интеллектуальных или перцептивных реакций не представляет такого интереса для когнитивной жизни человека, как те моменты восприятия или репрезентаций, которые обнаруживаются во всех проявлениях эмоциональной жизни. Способности, противостоящие одна другой, есть две разновидности поведения, одна из которых направлена на людей, а другая — на идеи или вещи. При этом каждая из этих разновидностей, в свою очередь, обнаруживает и когнитивный, и аффективный аспекты действия, аспекты, всегда объединенные в действительной жизни и ни в какой степени не являющиеся самостоятельными способностями [7].

Таким образом, репрезентация — это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующи-

еся на базе восприятия, опыта (памяти) и элементарных перцептивных механизмов. Если репрезентация не является способностью, то это отрицание влечет за собой необходимость некоей непрерывной функциональной связи между высшими формами мышления и всей совокупностью низших разновидностей когнитивных и перцептивных адаптаций. И тогда репрезентация будет пониматься как форма равновесия, к которой тяготеют все эти адаптации. Это не означает ни того, что рассуждение состоит в согласовании перцептивных структур, ни того, что восприятие может быть сведено к бессознательному рассуждению, т.к. непрерывный функциональный ряд не исключает ни различия, ни даже гетерогенности входящих в него структур. Каждую структуру следует понимать как особую форму равновесия. Эти структуры, расположенные последовательно одна над другой, следует рассматривать как ряд, строящийся по законам эволюции таким образом, что каждая структура обеспечивает более устойчивое и более широко распространяющееся равновесие тех процессов, которые возникли еще в недрах предшествующей структуры. Репрезентация — это не более чем родовое имя,

обозначающее высшие формы организации или равновесия когнитивного структурирования.

Репрезентация играет главную роль не только в психике человека, но и вообще в его жизни. Гибкое, одновременно устойчивое структурное равновесие поведения — вот что такое система репрезентаций, являющаяся по своему существу системой наиболее жизненных и активных операций. Будучи самой совершенной из психических адаптаций, система репрезентаций служит необходимым и наиболее эффективным орудием во взаимодействиях субъекта с окружающим миром, взаимодействиях, которые реализуются сложнейшими путями и выходят далеко за пределы непосредственных и одномоментных контактов для того, чтобы достичь заранее установленных и устойчивых отношений [8]. Таким образом, ментальные сценарии, которые по сути одни и те же для восприятия перцептивной деятельности и репрезентации событий, являются постоянно существующими формами равновесия, независимыми от развития психики и призванные адаптировать организм, поддержать его жизнеспособность.

Литература

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. — М.: МГУ, 1987. — 456 с.
2. Bally Ch. *Le langage et la vie* // (troisième édition 1977) Esterhill, F., Interlingua Institute: A history, Interlingua Institute, 2000. — 385 p.
3. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. — М.: Прогресс, 1974. — 474 с.
4. Bremon Cl. *Le message narratif* // *Communication*. — 1964. — № 4. — P. 4-32.
5. Греймас А.Ж. Размышления об актантных моделях // *Вестник МГУ. Сер. «Филология»*, 1996. — № 1. — С. 118-135.
6. Peirce C.S. *Elements of logic* // *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. — Vol. 2
7. Прист С. *Теории сознания: пер. с англ.* — М.: Идея Пресс, 2000. — 312 с.
8. Матурана У. *Биология познания: пер. с англ.* Ю.М. Мешенина / *Язык и интеллект: сб., сост. и вступ. ст. В.В. Петрова*. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — С. 95-142.

Коротко об авторе

Тармаева В.И., канд. филол. наук, доцент, декан гуманитарного факультета, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА)
vtarmaeva@yandex.ru

Научные интересы: процессы самоорганизации в языке

Briefly about the author

V. Tarmaeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Buryat State Academy of Agriculture

Areas of expertise: processes of самоорганизации are in a language

---

УДК 417.3

Ушникова Эмилия Александровна
Emiliya Ushnikova

Ушникова Ольга Валентиновна
Olga Ushnikova

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В НАРРАТИВЕ

CATEGORY OF TIME FUNCTIONING PECULIARITIES IN NARRATIVE

Рассматриваются точки зрения ведущих лингвистов и литературоведов на категорию времени, одну из важнейших нарративных категорий. Она представляет особый интерес, т.к. именно временная ориентация произведений определяет характер языковых средств, используемых авторами

The article examines leading linguists' and literary critics' points of view on one of the most important narrative categories, the category of time. It is of great interest as it is the time orientation that defines language means choice by the authors in their works

Ключевые слова: нарратив, категория времени, точка отсчета, континуум, проспекция, ретроспекция

Key words: narrative, the category of time, the point of reference, continuum (duration), flash forward, retropection (flash back)

По мнению исследователей, нарратив является одним из наиболее универсальных видов речевого взаимодействия. Нарратив в культурной практике рассматривается не только как социальное явление, когнитивный феномен, обладающий коммуникативной и ориентирующей функциями, но и как культурный феномен, определенный способ кодирования имеющейся реальности (Алещанова). Нарратив является значимой философской, культурологической и лингвистической категорией, научный интерес к которой не ослабевает. Давая определение нарративу, исследователи выделяют такие его особенности как передача информации о событиях, происходящих во временной последовательности (К.А. Андреева, В.А. Андреева), в определенном хронологическом порядке (Магнес). В нарративе имеет место передача прошлого опыта с использованием после-

довательности предложений в прошедшем времени (Лабов). Среди основных функций нарратива отмечают его способность открывать природу вещей и помогать в исследовании смысла человеческой жизни (Miller). Основные свойства нарратива и особенности его структуры наиболее ярко проявляются через социально-психологические и нарративно-образующие категории нарратива, такие как нарратор, адресат, сюжет, модальность, дейксис (Алещанова), интертекстуальность, окружение (Ван-Дейк), экспозиция (Клаус), а также через категорию времени, исследованию которой и посвящена настоящая статья.

Интерес литературоведов и лингвистов к категории времени особенно характерен для последних десятилетий XXI в. (Andrews, Squire, Tamboukou, Ricoeur, Genette, Андреева, Падучева, Тураева, Золотова и др.). Он отражает особенности этой

литературы, которой свойственны процессы особого осмысления времени, сложное переплетение разных временных пластов, вторжение в их последовательность, нарушения в повествовании. Важность категории времени проявляется в том, что именно временная ориентация произведения определяет характер языковых средств, используемых автором в его произведении (Тураева; С. 13).

Прежде чем перейти к основным понятиям категории времени как категории нарратива, необходимо определить разницу между грамматическим и художественным временем.

По мнению З.Я. Тураевой, «художественное и грамматическое время — различные временные формы. И та, и другая форма времени синтезируют и по-своему преломляют свойства объективного, перцептуального и индивидуального времени. Однозначного соответствия между художественным временем и грамматическими средствами его выражения не существует. Инвентарь средств, участвующих в моделировании временных отношений, в художественном произведении богат. В него включаются средства различных уровней, образная система языка, композиция произведения и т.д. Одни и те же видо-временные формы в зависимости от всех этих факторов принимают участие в выражении различных по своей структуре временных отношений» (Тураева; С. 210). Далее З.Я. Тураева отмечает, что определенная иерархия существует между художественным и грамматическим временем, но последнее подчиняется первому, т.к. художественное время — это категория более высокого ранга (Тураева; С. 209-211).

Вслед за З.Я. Тураевой большое значение художественному времени придает К.А. Андреева, которая рассматривает его как время тех событий, которые составляют сюжет (Андреева, 1996; С. 15). Такая трактовка вписывается в широкое понимание «вселенной нарратива» как особой художественной действительности, представляемой в рассказе. Нарратив, по мнению

К.А. Андреевой, соотносится с фабулой, где действует лишь хронологическое время, отражающее ход событий в их реальной последовательности (Андреева, 1996; С. 76).

Что касается грамматического времени, интересные данные о его специфике в тексте мы находим в работе Е.В. Падучевой «Семантические исследования». По ее мнению, язык, на котором создается текст, имеет свои особенности, обусловленные контекстом и особым коммуникативным режимом функционирования языка. Это происходит из-за неполноценности коммуникативной ситуации, в которой оказывается читатель. Несмотря на то, что язык нарратива состоит из тех же слов и выражений, которыми пользуется разговорный язык, не все элементы последнего допустимы в нарративе. Неполноценность коммуникативной ситуации проявляется также и в отделении автора от его высказывания. Как следствие этого, автор не является для читателя пространственно-временным ориентиром, отсутствует также и синхронный адресат. В коммуникативной ситуации нарратива читатель имеет дело с образом автора — повествователя, который в то же самое время является субъектом речи. Отсутствие синхронного адресата приводит к тому, что основным временем для нарратива является прошедшее время (Падучева; С. 199-201, 210).

Так как нарративный текст отделен от автора и в момент восприятия текста читатель не имеет прямого контакта с автором, то он, как считает Е.В. Падучева, не должен быть интерпретирован относительно точки отсчета (понятие точки отсчета (point of reference) было введено Г. Рейхенбахом в 1947 г.), в качестве которой принимается текущий момент текстового времени. Таким моментом может быть первое предложение, фиксирующее текстовое время. Если в нарративе употребляется настоящее время, то его называют настоящим историческим или настоящим повествовательным, т.к. оно используется в повествовании о прошлом. Его использование создает эффект, что действие происходит как будто

бы на глазах у говорящего (автора), более того, настоящее нарративное время как бы порождает псевдополноценную коммуникативную ситуацию контакта читателя с автором, создавая этим элемент экспрессии (Падучева; С. 285-290).

Рассматривая особенности функционирования категории времени, следует привести точку зрения Г.А. Золотовой, которая разграничивает два типа употребления глагольных форм времени: зависимое от точки отсчета времени и независимое от неё. Употребление первого типа имеет в своей основе грамматическое значение форм времени, которое выражает значения предшествования, одновременности и следования для форм прошедшего, настоящего и будущего времени соответственно по отношению к точке отсчета. Но, как отмечает автор, точка отсчета – понятие подвижное, поэтому роль автора важна при ее выборе. Автор может рассматривать событие, находясь как бы напротив точки отсчета, а может видеть его в прошлом, как бы со стороны.

Реальное расстояние во времени между моментом речи, с одной стороны, и “сейчас”, “сегодня”, “вчера”, с другой стороны, не имеет грамматического значения. Бытовое представление о делении прошедшего-настоящего-будущего на “вчера” – “сегодня” – “завтра” не совпадает с грамматическим представлением. Поэтому Г.А. Золотова считает рассуждения о настоящем историческом времени наивными, т.к. читателю известно, что речь идет о событиях прошлого. «В любом авторском повествовании совпадение времени событий с реальным моментом речи исключается» (Золотова; С. 173). Автор передвигает точку отсчета в соответствии со своим замыслом. По определению Г.А. Золотовой, «за точку отсчета принимается избираемый говорящим воображаемый момент восприятия событий и воспроизведения их в речи по отношению к самим событиями» (Золотова; С. 170-175).

Употребление независимого от точки отсчета времени имеет место, когда другое дей-

ствие, а не момент восприятия действия автором, принимается за точку отсчета. Автор может представлять действие как явление единичное, конкретное, обычное, повторяющееся или, наоборот, обобщенное, абстрагированное, на уровне наблюдения, знания, умозаключения (Золотова; С. 172-181).

Е.В. Падучева обращает внимание еще на одну функцию настоящего нарративного времени, а именно: создание некоторого элемента напряжения. Это время служит фоном для описания будущих событий, которые читатель предвосхищает. Однако эти два времени могут использоваться и в неопределенной последовательности: события будущего, только что описываемые в нарративе, через мгновение уходят в прошлое (Падучева; С. 285-290).

По мнению исследователей, существуют три режима интерпретации временных форм в нарративе:

- 1) дейктический, где прошедшее время выражает предшествование моменту речи;
- 2) нарративный, где прошедшее время может совпадать с настоящим;
- 3) синтаксический режим, где время и последовательность действий определяются в зависимости от грамматических форм по грамматическим правилам (Падучева; С. 291-293).

Исследователь нарратива Ж. Женетт, рассматривая функционирование времени в нарративе, прежде всего обращает внимание на отношения между временным порядком событий и псевдовременным порядком нарратива, затем – на отношения между длительностью событий и длительностью нарратива и, наконец, он рассматривает отношения частотности повторений между событиями и нарративом, между историей и повествованием (Genette; С. 25). Длительность событий или континуум отражает отношения между тем, как события представлены в тексте, и их реальной протяженностью.

Порядок имеет три варианта представления событий:

- 1) хронологический порядок: одновременность или следование;

2) антиципация: взгляд в будущее, представление событий, которые, по мнению говорящего, произойдут;

3) ретроспекция: события, предшествующие прошедшему времени, при условии, если само повествование идет в прошедшем.

Ретроспекция часто представлена в тексте в форме воспоминаний о прошлом периоде жизни. Этой же точки зрения придерживается и К.А. Андреева (Андреева, 1996; С. 77).

И.Р. Гальперин выделяет описанные варианты порядка следования событий в нарративе в отдельные категории текста. Категория ретроспекции отсылает читателей к предшествующей информации, а категория проспекции — к той информации, о которой речь будет идти далее. Если автор возвращает читателей к каким-либо фактам текста, значит они имеют определенное значение. Ретроспекция используется, если нужно восстановить в памяти читателей сведения, необходимые для дальнейшего понимания текста, дать возможность переосмыслить какую-то информацию или же актуализировать ту или иную часть нарратива. Все это способствует более глубокому пониманию читателями временной связи между событиями и эпизодами. Что касается категории проспекции или антиципации, то с ее помощью, как уже упоминалось, внимание читателей фокусируется на будущих событиях (Гальперин; С. 106-112). Категории проспекции и ретроспекции вы-

полняют связующую функцию. Как формы континуума они действуют на уровне всего текста и реализуются с помощью лингвистических средств.

И.Р. Гальперин уделяет особое внимание континууму как особой категории текста, которая непосредственно связана с понятиями времени и пространства. Континуум можно представить в виде определенной последовательности фактов и событий, развивающихся во времени и пространстве и вызывающих у читателей ощущение движения. В нарративе континуум разбивается на отдельные эпизоды, но, благодаря когезии, он воспринимается как процесс. Континуум обеспечивает возможность повторной акцентации отдельных деталей, увеличивает конкретность и реалистичность описания. Он является действенным средством, вызывающим у читателей ощущение движения и приближения к событию (Гальперин; С. 87-93).

Таким образом, важнейшую роль в понимании и толковании нарратива играет категория времени, которая не только позволяет читателю глубже осмыслить временные связи между событиями и эпизодами, но и определяет характер языковых средств, используемых авторами в их произведениях. Нарратив является одним из наиболее универсальных видов речевого взаимодействия, помогающим в исследовании смысла жизни и представляет огромный интерес для дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

Литература

1. Алещанова И.В. Нарратив как культурная модель // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — Т. 4. — Вып. 1. — С. 38-43.
2. Андреева В.А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива: автореф. дис. д-ра филол. наук. — СПб.: РГПУ, 2009. — 35 с.
3. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива: монография. — Тюмень: ТГУ, 1996. — 192 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1979. — 352 с.

6. Магнес Н.О. Структура устного бытового повествования и специфика ее гендерной реализации: автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 22 с.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
8. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
9. Andrews M., Squire C., Tamboukou M. Doing Narrative Research. – Social Science. – Sage Publications. – 2008. – 159 p.
10. Cortazzi M. Narrative Analysis (Social Research And Educational Studies series). – Palmer Press. – 1993. – 172 p.
11. Genette G. Order, Duration, and Frequency // Narrative Dynamics: essays on time, plot, closure, and frames. Edited by B. Richardson. – Printed by Thomson-Shore. – 2002. – P. 25-34.
12. Miller, J.H. Narrative // Critical terms for Literary Study – The University of Chicago Press. – P. 66-79.
13. Ricoeur P. Narrative // Narrative Dynamics: essays on time, plot, closure, and frames. Edited by B. Richardson. – Printed by Thomson-Shore. – 2002. – P. 35-46.
14. Van Dijk, Teun A. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – Longman, London-NY. – 1980. – 261 p.

Коротко об авторах ————— **Briefly about the authors**

Ушникова Э.А., доцент кафедры иностранных языков ИСПС, Читинский государственный университет (ЧитГУ) раб. тел. 35-39-53 Научные интересы: нарратология, лингвистика текста	E. Ushnikova, associate professor of foreign languages department Areas of expertise: narratology, text categories
Ушникова О.В., канд. филол. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ) дом. тел.: 32-46-11	O. Ushnikova, PhD (Philology), associate professor of foreign countries language studies and culture department
Научные интересы: лингвистика текста, методика преподавания иностранных языков	Areas of expertise: text linguistics, methodology of foreign languages teaching

Юридические науки

УДК 327

Брицкая Галина Николаевна
Galina Britskaya

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

BASIC TENDENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION STATE POLICY IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

Статья посвящена исследованию основных тенденций государственной образовательной политики Российской Федерации

The article considers basic tendencies of the Russian Federation state education policy

Ключевые слова: государственная образовательная политика, национальная безопасность, глобализация, новая образовательная концепция, новые информационные технологии, трансформация образовательного процесса, социальный институт высшего образования

Key words: state educational policy, national security, globalization, new educational concept, new information technologies, transformation of the educational process, social institution of higher education

В условиях современной глобализации, стремительных и разнообразных интеграционных процессов соотношение достаточно развитой системы образования и отсталой социально-производственной сферы, и как следствие – низкого уровня жизни, становится фактором, напрямую ослабляющим национальную безопасность государства через непрерывную утечку значительной части подготовленных в стране квалифицированных кадров в развитые и «благополучные» регионы мира.

Хотя политика в сфере образования и представляет собой важную компоненту в системе организационно-управленческой деятельности государства по обеспечению национальной безопасности страны, однако центральной задачей в сфере государственного управления современной Россией является приведение всех ее основных направлений (т.е. социально-экономической, культурной, образовательной политики) в

соответствие между собой и с национальными интересами страны.

Изучая и анализируя образовательные процессы, образовательную политику государственных органов, российские политики выделяют три основные тенденции в развитии современного образования: во-первых, мировую тенденцию смены основной парадигмы образования (кризис классической модели и системы образования, разработка новых педагогических фундаментальных идей в философии и социологии образования, в гуманитарной науке, создание экспериментальных и альтернативных школ); во-вторых, отечественное движение образования в направлении интеграции в мировую культуру; в-третьих, тенденция – восстановление и дальнейшее развитие традиций русской школы и образования [1].

Один из идеологов реформы высшей школы в России, профессор В.М. Розин пи-

шет: «В качестве одной из главных мегатенденций в сфере образования можно считать необходимость решать проблемы образования, учитывая не только местные и региональные тенденции, но и национальные, государственные, и даже мировые».

Обязательно учитывать глобальные процессы в области образования и корректировать образовательную политику в России с учетом их предлагают многие российские исследователи [2, 3].

В конце XX в. в России вышли в свет первые работы, посвященные роли государства в развитии высшего образования. Главное в этих работах – попытка сформулировать подходы к решению как новых проблем, так и традиционных вопросов образования, связанные с глобализацией, новыми образовательными и информационными технологиями. В последние годы в среде российских политологов все чаще обсуждаются такие проблемы, как модернизация высшего образования и ее возможные перспективы; престиж высшего образования; образование и мобильность; карьера молодежи; образование и рынок; конфликты в сфере образования и др.

В начале XXI в. в Российской Федерации проводятся социологические исследования, направленные на изучение проблем в области образования и государственной политики [4, 5]. На основе социологического анализа (анкетирования и интервьюирования) были подготовлены первые диссертационные работы С.Б. Суворова, Н.В. Щипачевой, И.Г. Малинского, И.Л. Лялина, Н.В. Телеревой, Н.Г. Ревякина и др. [2, 6], которые позволяют глубже понять проблемы развития российской системы образования и ее модернизации на современном этапе, уяснить факторы и механизмы формирования ценностных ориентаций студентов, вопросы гуманизации и гуманитаризации системы образования и другие актуальные проблемы, возникшие в системе образования в последние годы.

Политологи отмечают, что без соответствующей стратегии в области образования образовательная политика не даст необхо-

димого эффекта. Экономическое развитие, борьба с бедностью, ухудшение здоровья общества, охрана окружающей среды и обогащение мировой культуры невозможно при снижении уровня образованности населения. Исторический опыт свидетельствует о том, что именно образовательная сфера является важнейшим источником обновления всех составляющих жизнедеятельности общества.

Необходимость же обновления самой системы образования диктуется изменениями в ее функционировании как социального института. Рассматривая образование с позиции концепции социальных институтов профессора Я. Щепаньского [7], мы можем представить его как:

- 1) общность людей, объединенных целью получения или «отдачи» знаний, умений и навыков;
- 2) образовательный процесс как форма передачи знаний, умений и навыков от обучающих к обучающимся;
- 3) совокупность образовательных учреждений и средств, необходимых для осуществления функций образования;
- 4) социальные роли участников образовательного процесса: обучающийся нацелен на приобретение знаний, умений и навыков, необходимых обществу от данного субъекта, целью же обучающего является предоставление таких знаний.

По мнению Я. Щепаньского, в образовании следует учитывать следующие тенденции:

- трансформация образовательного процесса – изменение и обновление систем образования в целях адаптации к современной социально-экономической ситуации в мире;
- глобализация – формирование единого рынка образовательных услуг;
- стандартизация – создание единых образовательных критериев и программ подготовки специалистов;
- компьютеризация и виртуализация – изменение форм трансляции знаний и переход к дистанционным формам этой трансляции.

Данные тенденции определяют роли и функции института образования в современном обществе.

Коренная переоценка социальных ценностей наряду с глубоким социально-экономическим кризисом в России, новый порядок общественного развития на рубеже XX-XXI вв. предъявляют качественно новые требования к целям, характеру и методам образовательного процесса, статусу образования в системе социальных институтов. В связи с этим в системе образования можно заметить существенные институциональные изменения.

Так, по мере становления информационного общества потребности в знаниях возрастают, контроль над их деятельностью и распределением уменьшается, в данной связи традиционные (пассивные) формы обучения оказываются недостаточными. Процесс доместикации («одомашнивания») [8] образования приводит к тому, что студент становится более зависимым от учреждений, обеспечивающих формальное образование. Так, распространение в России, как и во всем мире, дистанционных технологий образования приводит к изменению «облика» обучающихся, а также значительно увеличило аудиторию обучающихся, обеспечивая при этом реализацию принципа доступности и непрерывности образования.

Использование Интернета позволяет сохранить индивидуальный контакт преподавателя с каждым обучающимся, но на более масштабном уровне, увеличив количество «учителей» и «учеников», таким образом, воплощая принцип классического образования. Также это позволяет реализовать принцип самообучения, обеспечивая доступность и облегчая поиск информации. Модульный принцип программ дистанционного обучения позволяет из набора отдельных учебных курсов-модулей форматировать учебную программу, отвечающую индивидуальным или групповым потребностям.

В «Программе стратегического развития России на 2001-2010 гг.» прави-

тельством было запланировано обеспечить компьютерами с выходом в Интернет все учебные заведения профессионального образования и не менее 60 % общеобразовательных школ. Эта программа успешно завершается.

Появление дистанционного образования свидетельствует об изменении организационных форм образовательной деятельности. Возрастание информационных потоков в современном обществе оказало значительное влияние на образовательные процессы, стремление к мировым образовательным стандартам способствовало появлению новых технологий и программ обучения.

Новые требования общества к обучающимся и, соответственно, к обучающим, изменяя организационную структуру образовательного процесса, приводят к возникновению новых типов образовательных учреждений, развитию их альтернативности. Так, как разрешение проблем несоответствия спроса и предложения на новые престижные специальности в начале 90-х гг. XX в. возникло негосударственное (платное) образование. Импульсом к его становлению явились новые возможности в определении содержания образования, организации учебного процесса и т.д. В структуре образования в целях удовлетворения потребности в узкой ранней специализации молодежи, ранней профориентации и углубленном изучении фундаментальных наук возникли такие элементы, как гимназии и лицеи. Наряду с частными и государственными школами появляются школы, имеющие конфессиональную и национальную направленность.

Исследование феномена современного высшего образования как социального института выявили существенные институциональные изменения. В начале XXI в. формируется новая образовательная система, включающая новые образовательные технологии, позволяющие значительно расширить общность людей, включенных в образовательный процесс; новые методы и приемы преподавания и обучения; но-

вые организационные структуры в области образования. В процессе управления системой высшего образования в России в данной ситуации изменилась роль различных социальных институтов, в том числе самих образовательных учреждений и обучающихся. Однако данные изменения не означают необходимость разрушения и кардинального обновления прежней образовательной системы, а требуют определенной корректировки.

Российское высшее образование сохранило свою социальную составляющую, с динамичными преобразованиями общества его роль в социально-экономической сфере усилилась. Благодаря всеобщности и демократичности российского высшего образования, его относительной независимости его содержания от колебаний политической и экономической конъюнктуры оно по-прежнему является стержнем, вокруг которого существует система общественного самосознания. Образовательные учреждения являются поликультурным пространством, местом встречи различных возрастов, национальностей, культурных идентичностей. В последнее время высшее образование вновь

приобретает функцию организации культурного пространства.

Все более становится очевидным, что резкая смена пути общественного развития по западному образцу не является оптимальным решением российских образовательных проблем. Высшее образование, как и вся система образования в современной России, должно стать преемственным советскому образованию и сохранить свою самостоятельность.

Большинство российских политологов единодушны в том, что решение проблем развития высшего образования должно строиться как на общегосударственном уровне, так и на международном. Что государственная образовательная политика правительства должна быть направлена, прежде всего, на развитие образования, базирующегося на внутренних потребностях и ресурсах российского общества. Только тогда процесс модернизации образования будет иметь фундаментальные основания и логику. Следовательно, изменения в образовательной системе России в начале XXI в. являются своевременными и адекватными институциональным проблемам образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2004. – 899 с.
2. Ляпин И.Л. Профессиональное образование как компонент образовательной деятельности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. канд. полит. наук. – М., 2004.
3. Тимерева Н.В. Региональная образовательная политика: совершенствование, взаимодействие общего и профессионального образования в современных российских условиях: автореф. дис. кан. соц. наук. – Саратов, 2005.
4. Дидковская Я.В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. – 2001. – № 7.
5. Калачева Т.Г., Абросимова Л.В. Установки выпускников школ на получение высшего образования // Социологические исследования, 2005. – № 5.
6. Ревякина Н.Г. Образовательная система и технологии в процессе формирования региональной и местной административной элиты современной России: автореф. дис. канд. полит. наук. – Ростов-н/Д., 2005.
7. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. – М., 1969.
8. Демиденко Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – 85 с.

9. Российская Федерация. Законы. Об образовании: закон РФ: [№ 3266-1, принят 10 июля 1992 г. ред. от 17.07.2009]. — М.: Российская газета. — № 172. — 1992.

10. Российская Федерация. Законы. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: фед. закон: [№ 125-ФЗ, принят Государственной Думой 19 июля 1996 г., одобрен Советом Федерации 7 августа 1996 г. ред. от 02.08.2009]. — М.: Российская газета. — № 164. — 1996.

11. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Приморском крае: Закон Приморского края: [№ 125-ФЗ, Принят Законодательным Собранием Приморского края 22.12.2004 ред. от 06.07.2009]. — Влад.: Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. — № 83. — 2004.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Брицкая Г.Н., ст. преподаватель, директор филиала Тихоокеанского государственного экономического университета, г. Арсеньев

G. Britskaya, Senior Lecturer, Director of Arseniev Branch of Pacific State University of Economics

Научные интересы: региональные аспекты государственной образовательной политики в сфере высшего профессионального образования

Areas of expertise: regional aspects of the state educational policy in the sphere of higher education

Педагогические науки

УДК 330

Лана Елена Альбертовна
Elena Lara

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

GENESIS OF «BUSINESS ACTIVITY» CONCEPT

Приведен генезис понятия «предпринимательская деятельность». Родовым понятием по отношению к понятию «предпринимательская деятельность» является категория «предприимчивость» и «предпринимательство». Вопросы предпринимательской деятельности являются предметом исследования широкого спектра научного знания, в том числе в области философии, экономики, психологии, педагогики. Данная область знаний включает широкий спектр базовых понятий. В настоящее время в научной литературе нет общепринятого толкования содержания этих понятий

Ключевые слова: предприимчивость, предпринимательство, предпринимательская деятельность, образование

This article considers genesis of the «business activity» concept. Notion associated with the concept of «business activity» is a category of «enterprise» and «business». The questions concerning business activity are the subject for the research in different spheres of science, including philosophy, economics, psychology, pedagogics. This sphere of science includes wide variety of basic notions. Today there is no general understanding of these notions in science literature

Key words: enterprise, business, business activity, education

В процессе перехода к рыночной экономике возрастает интерес к теоретическому осмыслению предпринимательства. Можно выделить крупные работы зарубежных ученых, в которых освещаются теоретико-методологические проблемы исследования предпринимательства и его роли в социально-экономической жизни общества. К ним следует отнести исследования М. Вебера, Б. Найта, Ф. Хайека, Й. Шумпетера и других ученых [2; 10; 19; 21]. В частности, Й. Шумпетер уделял основное внимание инновационной стороне предпринимательства; Б. Найтом рассматривался риск как ключевой момент предпринимательской функции; Ф. Хайеком обоснована роль предпринимателя в рыночных отношениях как регулятора экономической сис-

темы; М. Вебер большое внимание уделял рассмотрению целей и ценностных ориентаций предпринимательства.

В России анализ предпринимательской деятельности и ее субъектов в настоящее время приобретает свою значимость в силу перехода к этапу активной практики аналогичной формы хозяйствования и соответственно каких-либо серьезных исследований в этой области. Активизация процесса изучения отечественными учеными феномена предпринимательства вообще и особенностей его становления в России, в частности началась одновременно с формированием рыночных отношений и связанного с этим процессом легализации предпринимательской деятельности. За сравнительно короткий период отечественной наукой накоплен

довольно значительный материал по данной тематике.

Для понимания сути предпринимательской деятельности рассмотрим генезис понятий «предприимчивость», «предпринимательство», «предпринимательская деятельность». Данные термины в учебниках и учебных пособиях, научных статьях и исследованиях по педагогике, в материалах системы образования программного характера стали появляться в последние двадцать лет. Однако их точное содержание не определено до настоящего времени. Большинство толкований предпринимательства и предпринимательской деятельности, которые предлагаются отечественными учеными, основаны на компиляции более ранних дефиниций, из их поля зрения ускользает тот факт, что предприниматель значительное время посвящает проектированию предстоящей деятельности, моделированию в идеальном плане. Это с одной стороны, а с другой – на первый план выдвигаются сугубо утилитарные цели: «добиться высокого уровня дохода», «добиться престижного положения в обществе» и т.п. Зарубежные и отечественные ученые трактуют эти понятия весьма неоднозначно. Приведем несколько наиболее характерных примеров.

По определению «Толкового словаря» Даля, «предприимчивый человек – тот, кто способен к принятию решений, новому делу» [3; С. 456]. Даль характеризует предприимчивого человека как «склонного, способного к крупным оборотам, смелого, решительно-го, отважного на дела этого рода».

В психолого-педагогических исследованиях предприимчивость рассматривается как напряженная деятельность, направленная на реализацию поставленных задач. Это форма самовыражения и самоутверждения личности, обусловленная не внешней, принудительной необходимостью, а осознанно принятым решением приобретать знания, умения и навыки ради становления бизнесменом, предпринимателем или просто, чтобы выжить в стране с рыночной экономикой [14; С. 20].

Психолог Б.А. Сосновский рассматривает предприимчивость как цель, как средство всестороннего развития личности. Предприимчивость может проявляться во всех видах деятельности, она способствует проявлению трудового энтузиазма, новаторства, инициативы и активности [15].

В.В. Томилов понимает предприимчивость как умение выбирать правильную тактику достижения цели. В структуре предприимчивости он выделяет такие группы качеств, как способность извлечь из каждой ситуации выгоду, способность к риску, деловую хватку. В свою очередь, эти группы состоят из первичных качеств [16].

Умение извлечь из каждой ситуации выгоду включает практичность, находчивость, бережливость, умение постоянно учитывать изменяющиеся условия (гибкость), ориентированность на результат, наличие здравого смысла, умение увязать планы с реальными условиями.

Авторы энциклопедического словаря «Управление организацией» в структуре предприимчивости в качестве ее компонентов выделяют проявление трудовой и хозяйственной активности, энергичных усилий, находчивость и практическую смекалку [17].

А.М. Омаров считает, что предприимчивость включает экономический, правовой, социальный, психологический и педагогический аспекты [11]. Важна, прежде всего, ее оценка как явления экономического, ориентированного на реализацию некоего экономического интереса. Но, чтобы гарантировать соблюдение этого интереса, его следует облечь в законченную форму. С точки зрения психологического аспекта необходимо учитывать, что предприимчивость во многом обуславливается характером и темпераментом, а также уровнем культуры и общего развития личности. Скажем, духовно не развитый человек, скорее всего, будет чувствовать себя в тисках предписаний, регламентирующих каждый его шаг, удобно или даже комфортно, в то время как человека духовно зрелого не может не угне-

тать сама мысль о невозможности проявить предприимчивость.

В ряде исследований выделяются различные характеристики предпринимательских качеств, в том числе базовых, составляющие предприимчивость. В качестве таковых С.Б. Данилов называет активность, самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, инициативность [4].

Н.С. Мурадова рассматривает следующие два вида проявления предприимчивости. Первый – исполнители и соисполнители предпринимательских идей; второй – авторы и соавторы предпринимательских идей [9; С. 44].

Первый может проявляться в осмысленном участии человека в производственной или другой сфере деятельности, которая определяется интеллектуальной и профессиональной квалификацией и связанным с ней уровнем заработной платы. Этот вид отмечается стремлением как можно дороже продать свой труд работодателю и, вместе с тем, будучи соисполнителем идей предпринимателя, быть заинтересованным в рентабельности и расцвете производства, учреждения, в котором работает. Позиция соисполнителя приближена к позиции совладельца собственности.

Второй вид предприимчивости проявляется в авторстве предпринимательских идей, в организации их осуществления, получения положительных результатов в виде прибыли, расширения производства либо в организации другой, новой деятельности. Исходя из предложенной классификации видов предприимчивости, строится воспитательная деятельность. Ведь не все могут быть носителями предпринимательских идей и предпринимателями-организаторами, хотя многие мечтают стать ими. Должны быть и предприниматели-соискатели, и исполнители предпринимательских замыслов. Формирование тех и других – процесс сложный и длительный. Порой носитель предпринимательских замыслов и их исполнитель может быть в одном лице. Не исключено, что при определенных обстоятельствах соисполнитель и исполнитель

предпринимательских замыслов станет в последующем творцом и организатором новых предпринимательских идей.

Вместе с тем, оба вида предприимчивости могут проявляться во всех видах практической деятельности, существующих в человеческом обществе и обусловленных наличием общественного разделения труда.

Следовательно, можно говорить о реализации предприимчивости в трудовой, познавательной, научной, художественной, спортивной, общественно-политической, издательской, коммерческой деятельности.

И.А. Федорова определяет предприимчивость как качество личности, проявляющееся в способности к риску, в стремлении и готовности к активной деятельности, умении формулировать ее цель, выбирать правильную тактику достижения этой цели, извлекать выгоду из складывающейся ситуации, предпринимать что-либо в нужный момент, находчивости и практической смекалке [18; С. 20]. Таким образом, наиболее существенными составляющими этого качества являются способность к риску; стремление и готовность к активной деятельности; умение формулировать цель и выбирать правильную тактику ее достижения; извлекать выгоду из складывающейся ситуации; предпринять что-либо в нужный момент; находчивость; практическая смекалка.

Предприимчивость предполагает наличие экономического образа мышления у человека. Экономическое мышление – процесс развития, познавательного достижения экономической мысли, который завершается формированием определенной идеи, знаний, представлений, взгляда на современную действительность. В социально-экономическом аспекте экономическое мышление можно рассматривать как практический процесс и результат общественно-психологического отражения экономических отношений в форме эмоций, настроения, социальных чувств, потребностей и интересов.

Основными чертами экономического мышления являются правильное понима-

ние уровня социально-экономических отношений в обществе; отражение диалектики развития современных производительных сил и производственных отношений; критический анализ накопленного опыта в сфере форм и методов хозяйствования; критический подход к решению экономических задач; реалистичность; творческий характер; многовариативный подход; стратегичность, ориентация в будущее [1].

Предприимчивость проявляется в творческой, преобразующей, созидательной, профессионально-трудовой деятельности.

Таким образом, предприимчивость — это свойство человеческой личности, включающее активность, самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, ориентированность на инициативность и результат, умение извлечь выгоду, характеризующееся наличием экономического мышления.

Природе человека присуща предприимчивость, выступающая как способность к действиям. Сознание превращает эту способность в действенную силу целенаправленного преобразования окружающей среды и самого себя.

В контексте данного исследования необходимо также рассмотреть понятие «предпринимательство», толкований которого довольно большое количество. В широком значении слова — это действия, в результате которых находятся новые, более эффективные способы использования ресурсов.

В трактовке американских специалистов Р. Хизрича и М. Питерса, «предпринимательство — процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью, а предприниматель — человек, который затрачивает на это все силы, берет на себя весь... риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым» [20; С. 31]. У Мескона «предприниматель — человек, который берет на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или разработкой новой идеи, новой продукции или нового вида услуг, предлагаемых обществу» [7; С. 44].

Предпринимательство в самом широ-

ком смысле относится к инновационным и созидательным действиям, независимо от того, проявляется ли их результат в организации нового бизнеса, реорганизации существующих предприятий, создании новых технологий или решении некоторых политических или социальных проблем [22].

«Предпринимательство — форма деятельности в сфере производства товаров и предоставления услуг с целью получения возможно большей прибыли», — утверждает А.В. Леонтьев [6; С. 115].

«Всякий индивид, чье поведение отличается поисковым стилем, есть потенциальный предприниматель», — считает И. Шумпетер [13; С. 202].

Таким образом, предпринимательство — это инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и т.д.

Предпринимательская деятельность (предпринимательство) — это инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений в целях получения прибыли [12; С. 32].

Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова определяют предпринимательскую деятельность как инновационную, хозяйственную активность человека по созданию новых товаров и услуг в результате актуализации собственного личностного потенциала [5; С. 44].

М.И. Мелихова под предпринимательской деятельностью понимает проектно-практическую деятельность человека, направленную на преобразование социально-экономической жизни [8; С. 25].

Следует отметить, что до сих пор отсутствует общепринятая позиция о том, какими качествами необходимо обладать субъекту предпринимательской деятельности, что нужно знать и уметь для успешной ее реализации, что составляет один из аспектов нашей исследовательской деятельности.

Литература

1. Ахмедханова Г.Р. Подготовка студентов педвуза к осуществлению гражданского воспитания: дис. канд. пед. наук. — Казань: КГУ, 2003. — 186 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — 804 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. — М.: АСТ: Астрель, 2001. — Т. 3. — 921 с.
4. Данилов С.Б. Этнопедагогический потенциал в формировании предпринимательских качеств у старшеклассников национальной школы: дисс канд. пед. наук. — Чебоксары, 2004. — 199 с.
5. Зеер Э.Ф., Павлова А.М. Профессионально-личностный потенциал субъекта предпринимательской деятельности // Образование и наука. — 2008. — № 7 (55). — С. 42-49.
6. Леонтьев А.В. Технология и предпринимательство. — М.: ДРОФА, 2000. — 189 с.
7. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — 1992. — С. 691.
8. Мелихова М.И. Подготовка будущего учителя технологии и предпринимательства к учебно-предпринимательской деятельности: дис. пед. наук. — Брянск, 2004. — С. 196.
9. Мурадова Н.С. Предпринимателями не рождаются (проблемы совершенствования экономического образования учащихся общеобразовательных школ) // Педагогика. — 2001. — № 2. — С. 43-46.
10. Найт Б. Некоторые приемы обучения учителей контролю устных речевых умений: сокр. пер. с англ. яз. ст., опубли. в журн. «ELT Journal» (1992. — July. — Vol. 46/3) / Пер. А.Я. Коменского // Иностранные языки в школе. — 1995. — № 6. — С. 61-65.
11. Омаров А.М. Предприимчивость руководителя. — М.: Политиздат, 1990. — 76 с.
12. Основы предпринимательской деятельности. Экономическая теория. Маркетинг. Финансовый менеджмент / под ред. В.М. Власовой. — М.: Финансы и статистика, 1995. — 496 с.
13. Парамонов А., Быков В. Экономические предпосылки предпринимательской подготовки подростков и молодежи // Народное образование. — 2001. — № 5. — С. 202-204.
14. Поляков В.А., Сасова И.А. Непрерывное экономическое образование и моделирование // Педагогика. — 1994. — № 4. — С. 19-24.
15. Сосновский Б.А. Психология человека в условиях социальной нестабильности. — М.: Магистр, 1994. — 174 с.
16. Томилов В.В. Культура предпринимательства. — СПб.: Питер, 2000. — 368 с.
17. Управление организацией: энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 822 с.
18. Федорова А.И. Подготовка будущих учителей технологии и предпринимательства к формированию предприимчивости у школьников: дис. канд. пед. наук. — Чебоксары. — 2005. — 186 с.
19. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. — М.: РГБ, 2004.
20. Хорохордин О.Л., Остроухов А.В. Государство и МП: проблемы становления и формирования кадрового потенциала. — М., 2003.
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995. — 539 с.
22. Economics and Entrepreneurship. Teaching strategies / NY.: NCEE, 1993. P.X.

Коротко об авторе ————— **Briefly about the author**

Lana E.A., доцент кафедры прикладной информатики и математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
lenalapa@inbox.ru

E. Lapa, Associated Professor, Department of Applied Informatics and Mathematics, Chita State University

Научные интересы: педагогика профессионального образования

Areas of expertise: pedagogics of trade education

УДК 378.1

Сергеева Наталья Юрьевна
Natalia Sergejeva

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АРТ-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

THEORETICAL BASICS OF ART AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF FUTURE TEACHER TRAINING

Рассматриваются теоретические основы арт-педагогического сопровождения профессиональной подготовки будущего учителя, включающие принципы арт-педагогической деятельности, модель арт-педагогического сопровождения, критерии результативности её реализации

This article discusses the theoretical basics of art and pedagogical support of future teacher training, which the author defines as a set of pedagogical actions to implement the plans and professional goals through the arts. There are fundamental principles of art and educational activities that integrate art and pedagogy in the educational process. The article contains the model, principles, efficiency criteria of art and pedagogical support of future teacher training

Ключевые слова: арт-педагогика, арт-педагогическое сопровождение, подготовка учителя

Key words: art-pedagogics, art and pedagogical support, teacher training

---

По материалам исследования в рамках научно-исследовательского проекта «Арт-педагогическое сопровождение профессиональной подготовки будущего учителя», финансируемого РГНФ (проект № 08-06-00051а).

Успешность реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» во многом зависит от качества профессиональной подготовки педагогов. Новой школе требуется новый учитель, умеющий слушать, слышать и понимать современных детей, способный целостно воспринимать педагогическую реальность и быть готовым к открытому созидательному диалогу со всеми участниками образовательного процесса. Вместе с тем, анализ материалов исследований, связанных с подготовкой будущих учителей в педагогических вузах страны (Е.И. Исаев, С.В.

Кутняк, А.А. Орлов, И.М. Туревский, И.Л. Федотенко и др. [3; С. 4]), обнаруживает ряд тревожных тенденций. Прежде всего, это проблема низкой мотивации к будущей профессии, отсутствие интереса к дисциплинам педагогического профиля, пассивность студентов на занятиях. Информационная и теоретическая перенасыщенность содержания образования, в частности, дисциплины «Педагогика», академический характер взаимодействия в системе «преподаватель – студент» не обеспечивают должного осмысления феномена детства, феномена становления человека, не раскрывают ценностных оснований педагогической деятельности. Сама система подготовки будущего учителя нуждается в преобразовании, в усилении творческой составляющей образовательного процесса, увеличении возможностей для профессионально-личностного самовыражения и самореализа-

ции студентов в соответствии с сущностью педагогической профессии.

Эффективным средством решения обозначенных проблем может стать искусство с его ведущей функцией «очеловечивания» (М.С. Каган [1]) и способностью всесторонне влиять на сложноорганизованную телесно-душевно-духовную природу человека.

Подготовка учителя, включающая формирование профессиональной позиции специалиста, безусловно, не может ограничиваться использованием сугубо рационально-логических форм освоения содержания педагогического образования. Теоретические знания, предлагаемые студентам, далеко не всегда способны обеспечить сопереживание глубоким духовным процессам становления человека, эмоциональную причастность к жизненной проблематике учащихся, вызвать личностное отношение к будущей профессиональной деятельности. В связи с этим комплексное исследование возможностей привлечения потенциала искусства к процессу профессиональной подготовки будущего учителя становится актуальной задачей педагогической науки. В качестве серьёзной предпосылки её решения на инновационном уровне можно рассматривать интенсивное развитие нового научного направления, изучающего природу, закономерности, принципы, механизмы привлечения искусства к решению многообразных педагогических задач, названного *арт-педагогикой* (Л.А. Аметова-Давыдовская, О.С. Булатова, Ж.С. Валеева, М.В. Гузева, Э.В. Заурова, И.В. Мищерина, В.Н. Соколова, Е.В. Таранова, Н.Ю. Шумакова). Междисциплинарный, практикоориентированный характер арт-педагогики, объединяющей потенциал искусства, педагогики, психологии, в полной мере отражает тенденцию к интеграции знаний, свойственную современной гуманитарной науке, что может стать продуктивным в деле модернизации подготовки специалистов для социально-педагогической сферы (учителей, воспитателей, социальных педагогов и др.).

Анализ психолого-педагогической литературы позволил сделать вывод о том, что вопрос системного привлечения различных видов искусства для создания благоприятных условий профессиональной подготовки будущего учителя на сегодняшний день остаётся малоизученным. Одним из вариантов такого применения возможностей искусства, по нашим представлениям, может стать *арт-педагогическое сопровождение*, позволяющее целенаправленно и органично модернизировать образовательный процесс педагогического вуза, обогащая его в ценностно-смысловом, эмоциональном, коммуникативном и деятельностном отношениях. Исследовательское внимание к сопровождению как педагогическому феномену продиктовано его гуманитарной сущностью, гибкостью, ненасильственным характером, комплементарностью по отношению к образовательному процессу, способностью непосредственно соотноситься с потребностями и интересами его участников.

Анализ существующих в отечественной науке подходов к организации педагогического образования (профессиографический, функционально-ролевой, контекстный, компетентностный, культурологический, субъектный, индивидуально-креативный) позволил сделать вывод о том, что арт-педагогическое сопровождение достаточно органично вписывается в русло любого подхода, содержательно и процессуально обогащая, дополняя сложившиеся приоритеты на уровне ценностей, смыслов, эмоционально-субъективированных переживаний.

Соотнесение объективных педагогических возможностей искусства с задачами профессиональной подготовки учителя позволило выявить и обосновать функции арт-педагогического сопровождения:

1) *функция гуманитаризации профессиональной подготовки учителя* обусловлена возможностью с помощью искусства вносить гуманитарные ориентиры в процесс подготовки будущего учителя на уровне содержания той или иной предметной области; качества педагогического вза-

имодействия участников образовательного процесса; организации образовательной среды, адекватной гуманитарной природе педагогического процесса;

2) *функция оптимизации профессиональной подготовки учителя* выражается в способности арт-педагогического сопровождения обновлять и оптимизировать традиционные формы подготовки учителя за счёт персонализации учебного содержания, обогащения образовательного процесса современным культурным контекстом, обеспечения психофизиологической комфортности обучения, мотивационной, эмоциональной включенности студентов;

3) *функция обеспечения индивидуально-личностного развития и творческой самореализации участников образовательного процесса* раскрывает арт-педагогическое сопровождение как ресурс активизации творческих сил его участников, стимулирования личностного роста, укрепления веры в профессионально-личностные возможности у будущих учителей.

В рамках построения теоретико-методологических основ арт-педагогического сопровождения подготовки учителя продуктивным является использование ряда взаимодополняющих подходов, а именно:

– *системно-целостного* (целостность человека и целостность влияния на него искусства);

– *синергетического* (открытость, нелинейность системы арт-педагогического сопровождения, высокая степень внутреннего разнообразия, многовариантность структурирования, сопряжение абстрактно-логического и образно-интуитивного способов мышления в познании действительности);

– *герменевтического* (прояснение смысла реалий профессии через проникновение в сущность изучаемых явлений);

– *аксиологического* (внимание к ценностям педагогической профессии);

– *экзистенциального* (поиск личностного смысла учебного содержания, эмоционально-личностная насыщенность занятий);

– *проектного* (системное моделирование и проектирование арт-педагогического сопровождения).

Анализ и обобщение ключевых гуманитарных позиций, представленных на уровне различных отечественных концепций профессионально-педагогической компетентности, позволяют выделить содержательно-смысловые доминанты подготовки учителя, на создание и поддержку которых может быть направлено арт-педагогическое сопровождение:

– формирование личностно ориентированных, гуманитарных профессиональных установок;

– осознание множественности мира и необходимости целостного восприятия педагогической реальности;

– профессионально-ценностное самоопределение участников образовательного процесса;

– осмысление педагогической теории и практики через понимание сущности явлений;

– развитие у студентов профессионально значимых общепедагогических умений;

– приобретение опыта гуманного педагогического взаимодействия;

– освоение студентами основ арт-педагогической деятельности.

Если научные подходы стратегически определяют построение всей линии арт-педагогического сопровождения в целом, то для регулирования практической деятельности преподавателя по реализации профессиональных замыслов и целей средствами искусства требуется выделение специфических принципов. Под принципами арт-педагогической деятельности понимаются общие руководящие положения, регулятивы её осуществления, обеспечивающие арт-педагогическую природу взаимодействия участников образовательного процесса. Ключевыми среди них являются:

– принцип интеграции педагогического и художественного потенциала в деятельности преподавателя;

– принцип художественно-образного предъявления педагогического содержания;

- принцип спонтанности самовыражения средствами искусства;
- принцип творческого события участников образовательного процесса;
- принцип единства сознательного и бессознательного, рационального и иррационального в арт-педагогическом взаимодействии;
- принцип свободы интерпретаций художественной продукции в рамках арт-педагогического взаимодействия;
- принцип созвучия профессиональных действий педагога арт-педагогическому дискурсу занятия [5].

Научно-педагогическое представление о последовательности и содержании системы действий преподавателя, разворачивающихся в пространстве педагогического вуза и направленных на создание благоприятных условий подготовки учителя средствами искусства, можно представить в виде теоретической модели арт-педагогического сопровождения профессиональной подготовки учителя. В её структуру входят связанные между собой компоненты, циклично повторяющиеся в процессе обучения в логике выявленных этапов арт-педагогического сопровождения. Содержание действий преподавателя в рамках каждого компонента модели предполагает:

- *целевой компонент* (прогнозирование идеального результата деятельности по арт-педагогическому сопровождению подготовки учителя);
- *поисково-диагностический компонент* (анализ условий педагогического взаимодействия с точки зрения его реальных участников, содержания учебных программ по определённой дисциплине, ресурсов образовательного учреждения; осуществление поиска оптимальных арт-педагогических средств);
- *содержательный компонент* (планирование и составление программ аудиторных и внеаудиторных форм арт-педагогического сопровождения с учётом выделенных в концепции содержательно-смысловых доминант);
- *организационный компонент* (обес-

печение вариативных организационных форм реализации арт-педагогического сопровождения, выбор их целесообразного и оптимального сочетания);

- *технологический компонент* (грамотное выстраивание последовательности методов в сочетании с целесообразным структурированием арт-педагогического занятия; отбор и соотнесение арт-педагогических средств, форм взаимодействия, позиций участников, технологических приёмов с задачами арт-педагогического сопровождения);

- *деятельностно-ориентировочный компонент* (реализация различных форм арт-педагогического взаимодействия, организация обратной связи с участниками и своевременной корректировки содержания работы);

- *оценочно-результативный компонент* (осуществление оценки качества реализации арт-педагогического сопровождения по критериям и показателям его результативности).

Этапы арт-педагогического сопровождения определяются в соответствии с учебным планом конкретной дисциплины с учётом выделенных содержательно-смысловых доминант арт-педагогического сопровождения. Покажем логику введения арт-педагогических средств и форм работы в заданную структуру профессиональной подготовки учителя на примере цикла педагогических дисциплин.

На *первом этапе* (1-2 семестры) с помощью средств искусства осуществляется своеобразное «погружение» студентов в мир человека и сущность профессии учителя как созидание Человека в человеке. В связи с этим данный этап метафорически назван «арт-педагогическое погружение».

На *втором этапе* (3-5 семестры) средства искусства используются, главным образом, для оптимизации освоения педагогической теории и прояснения смысла ведущих понятий («воспитание», «обучение», «развитие», «педагогическое взаимодействие» и др.), для осмысления истоков многообразия педагогической реальности,

динамики жизненных ценностей в ретроспективе, актуальных проблем современности, с которыми предстоит столкнуться педагогу. Поскольку содержательные акценты второго этапа арт-педагогического сопровождения связаны с разъяснением сущности педагогических явлений, он назван «арт-педагогическое разъяснение».

Третий этап (6-7 семестры) арт-педагогического сопровождения включает теоретическое и практическое овладение студентами инструментарием арт-педагогической деятельности, отсюда его название «арт-педагогический тренинг». В рамках внеаудиторных факультативных занятий или в ходе реализации спецкурсов студенты изучают основы арт-педагогики.

Четвёртый этап (8-9 семестры) арт-педагогического сопровождения приходится на время осуществления педагогической практики по учебному плану специалиста подготовки учителя в вузе. В ходе этого этапа студенты имеют возможность реализовывать собственные замыслы арт-педагогических занятий, привлекать средства искусства для решения задач обучения, воспитания, поддержки школьников. Данный этап получил название «арт-педагогический креатив».

Предметом выпускной квалификационной работы может стать исследование, посвященное арт-педагогике, в связи с этим заключительный *пятый этап* (10 семестр) арт-педагогического сопровождения условно был назван «арт-педагогическое исследование».

Критериями и показателями результативности арт-педагогического сопровождения выступают:

– *гуманитаризация профессиональной подготовки в цикле педагогических дисциплин* (приоритет человеческого начала над узкопредметной направленностью занятия; ценностно-смысловое качество освоения педагогического содержания; диалоговый уровень взаимодействия; профессионально-личностная значимость занятий);

– *оптимизация педагогического взаимодействия* (познавательный интерес к

предметам психолого-педагогического цикла и сфере человекознания; психофизиологическая и психологическая комфортность обучения; включенность участников в ход занятия; позитивная эмоциональная атмосфера в группе);

– *индивидуально-личностное развитие и творческая самореализация при освоении дисциплин педагогического цикла* (активность творческого самовыражения; расширение репертуара ролевых возможностей в ходе занятия; пробуждение профессионального интереса к себе, к другому человеку и к педагогической деятельности; личностный рост участников).

Целесообразность и результативность введения арт-педагогического сопровождения в систему вузовской подготовки учителя определяется рядом условий. Ключевым при этом является качество профессионально-педагогической позиции преподавателя, осуществляющего арт-педагогическое сопровождение. Специалисты определяют профессиональную педагогическую позицию как устойчивую систему отношений к педагогической действительности, являющейся источником активности педагога и определяющей его поведение (И.А. Колесникова, Е.В. Титова [2; С. 181]).

Сравнение арт-педагогической деятельности различных специалистов позволяет утверждать, что определяющим условием результативности арт-педагогического сопровождения является наличие у преподавателя гуманитарной профессиональной позиции, которая проявляется в его *готовности* строить арт-педагогический процесс на основе диалога, креативности, рефлексии, событийности. Аксиоматическими нормами арт-педагогической деятельности становятся признание ценностно-смыслового равенства участников арт-педагогического процесса; принятие факта множественности вариантов прочтения художественного текста, вариативности видения мира; профессиональное стремление понять Другого, проявить толерантность и внимание к любой точке зрения; уважение субъектных прав участников; умение работать в ситуа-

циях неопределенности (специфика искусства).

Важнейшим условием введения в образовательный процесс вуза системы арт-педагогического сопровождения является личная положительная мотивация преподавателя на использование средств искусства в собственной деятельности в сочетании с пониманием закономерностей и механизмов интеграции педагогики и искусства, логики развития арт-педагогического процесса.

При всей инновационности и результативности арт-педагогического сопровождения данный подход не является единственной возможностью достижения результативной подготовки будущего учителя. Поэтому побуждением к применению арт-педагогических средств для преподавателя должно стать личностное осознание преимуществ привлечения потенциала искусства для решения актуальных задач профессиональной подготовки будущего учителя.

Литература

1. Каган М.С. Философия культуры. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. — 414 с.
2. Колесникова И.А. Педагогическая праксеология. — М.: Академия, 2005. — 256 с.
3. Кутняк С.В. Студент педагогического вуза: отношение к профессиональной карьере // Педагогическое образование и наука. — 2008. — № 8. — С. 81-84.
4. Орлов А.А. Динамика личностного и профессионального роста студента педвуза // Педагогика. — 2004. — № 3. — С. 53-60.
5. Сергеева Н.Ю. О принципах арт-педагогической деятельности // Вестник университета РАО. — 2008. — № 4. — С. 87-89.

Коротко об авторе

Сергеева Н.Ю., канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики, докторантка, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
nsergeeva@mail.ru

Научные интересы: арт-педагогика, арт-педагогическая деятельность, арт-педагогическое сопровождение образовательного процесса, подготовка учителя

Briefly about the author

N. Sergeeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer, Doctoral Candidate, Chuvash State Pedagogical University

Areas of expertise: art-pedagogics, art and pedagogical activity, art and pedagogical support, teacher training

УДК 376.5

Юсова Валентина Ивановна
Valentina Yusova

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

THEORETICAL APPROACHES TO THE COMPREHENSION OF THE CONCEPTION «THE VALUE SELF-DETERMINATION OF A PERSONALITY»

Рассмотрены теоретические подходы к осмыслению понятия «ценностное самоопределение личности». Излагается понимание самоопределения с учётом его многоаспектности в различных отраслях научного знания. В связи с этим в статье рассмотрено множество подходов к понятию «самоопределение», выделено несколько позиций в вопросе доминанты процесса самоопределения. Понятия «ценность» и «ценностные ориентации» рассматриваются как основа ценностного самоопределения личности

The article deals with the analysis of theoretical approaches to the comprehension of the conception «the value self-determination of a personality». The self-determination is considered as a multy-aspect conception in different spheres of science. According to it, many approaches to the «self-determination» conception are represented in the article. Some positions in the problem of the dominating idea in the process of self-determination are also stressed here. Conceptions «the value» and «the value orientations» are considered as a base of the value self-determination of a personality

Ключевые слова: ценность, самоопределение, ценностное самоопределение, ценностные ориентации

Key words: value, self-determination, value self-determination, value orientations

---

Социально-экономические процессы, происходящие в стране, вызвали ряд изменений, которые отчетливее всего проявились в изменении вектора самоопределения молодого поколения. Последние актуализировали потребность общества в специалистах, обладающих способами освоения новых знаний, умениями гибко реагировать в быстро меняющейся ситуации, активно осваивающих ценностные ориентации личностного и профессионального саморазвития.

Актуальность определения теоретических основ процесса самоопределения личности объективирована рядом проблем:

– первая из них – это нарастание тенденции прагматизации ценностного сознания молодого поколения и повышение

значения таких ценностей, как богатство (деньги), материальные блага и удовольствия, квартира, дорогие вещи, денежная работа (любая), престижный вуз, карьера и успех любой ценой;

– вторая проблема – этатизация, определяющая заданный нормативный характер обучения.

Современный характер этатизации отличается отсутствием научно-педагогических основ овладения личностью процессом самоопределения. Жесткая идеологизация (опыт советского образования) и чрезмерная либерализация (образование в период перестройки) меняют и даже искажают процессы самоопределения личности;

– третья проблема нами определяется как стандартизация, которая обусловле-

на заданностью нормативных положений построения образовательного процесса. Необходимость приведения образования к единым базисным основаниям (государственный образовательный стандарт, учебный план и т.д.) привела к формализации содержания образования (отчужденный характер образовательного процесса, направленность его на воспроизводство знания и т.д.) и ориентации результатов среднего профессионального образования в большей степени на формальные (количественные) показатели (процент успеваемости, процент качества обучения, продолжение трудоустройства и т.д.);

– четвёртая проблема заключается в недостаточном научно-методическом обеспечении процесса ценностного самоопределения личности;

– пятая проблема связана с неготовностью преподавателей осуществлять педагогическое сопровождение ценностного самоопределения.

Перечисленные проблемы актуальны. Их осмысление позволит выстроить теоретические основы самоопределения личности.

Учитывая многоаспектность понятия «ценностное самоопределение» в различных отраслях научного знания, необходимо очертить его границы. Исследуем данное понятие путем подведения под родовое понятие «самоопределение» и, определяя сущностные признаки понятия «ценностное самоопределение», через содержательное наполнение, уточнение и конкретизацию понятия, объективированного логикой того гуманитарного знания (философия, психология, педагогика и т.д.), в рамках которого оно кристаллизуется; определяя методологические подходы, позволяющие адекватно и полно рассмотреть содержательное поле данного понятия.

Изучение теоретической разработки вопросов, касающихся природы феномена «самоопределение», позволило выявить множество подходов. Их объединяет безусловное признание процесса самоопределения как исходного, базисного элемента в формировании, развитии личности человека. Различие же состоит в том, что исследователями выделены разные доминанты процесса самоопределения (см. таблицу).

Сравнительная характеристика подходов к понятию «самоопределение»

№ п/п	Автор	Определение	Доминанта процесса самоопределения
1	С.Л. Рубинштейн	Свободное избрание человеком своей судьбы, механизмом этого процесса является интеллектуальная работа по рефлексии жизненной ситуации	Рефлексия
2	К.А. Абульханова-Славская	Осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений	О с о з н а н и е собственной позиции
3	М.Р. Гинзбург	Содержательное конструирование человеком своего жизненного поля, включающего как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и пространство реального действия	Конструирование жизненного пространства
4	А.В. Мудрик, Г.П. Ников, В.Ф. Сафин	Относительно самостоятельный этап социализации, сущность которого заключается в формировании у индивида осознания цели и смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотношения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества	Готовность к жизнедеятельности

Окончание таблицы

№ п/п	Автор	Определение	Доминанта процесса самоопределения
5	Л.И. Божович	Личностное новообразование старшего школьного возраста, связанное с формированием позиции взрослого человека, с осознанием себя как члена общества, с необходимостью решать проблемы своего будущего	Формирование позиции взрослого человека
6	И.В. Дубровина	Зрелость личности, заключающаяся в том, что у старшеклассника сформированы психологические образования и механизмы, обеспечивающие ему психологическую готовность непрерывного роста его личности сейчас и в будущем	Готовность непрерывного роста
7	Л.Н. Куликова	Выявление индивидом своего реального и желаемого, осознание и реализация своих притязаний и ожиданий, выстраивание определенной стратегии своей жизни, согласно своим идеалам, ценностям	Выстраивание жизненной стратегии согласно идеалам и ценностям
8	Е.А. Климов	Активный поиск возможностей развития, формирование себя как полноценного участника сообщества «делателей» полезного	Поиск возможностей развития
9	Е.А. Латуха	Процесс формирования внутренней позиции личности по отношению к людям и ценностям, соотнесение своих жизненных планов, самооценки с этой позицией	Жизненные планы, самооценка
10	Р.С. Немов	Самостоятельный выбор человеком своего жизненного пути, целей, ценностей, нравственных норм, будущей профессии или условий жизни	Самостоятельный выбор
11	С.Н. Чистякова	Процесс определения человеком своего места в мире, обществе, процесс, развивающийся в двух аспектах: ценностно-смысловом и деятельностном	Определение человеком места в мире, обществе
12	Н.Н. Лебедева	Деятельность, осуществляемая с целью создания образа жизни на основе выбора и созидания ценностей в аксиологических личностно и социально значимых ситуациях	Создание образа жизни
13	В.Д. Повзун	Процесс обретения смысла, целей и ресурсов собственной жизни в процессе образования	Процесс обретения смысла
14	А.Н. Леонтьев	Глубокое индивидуальное преломление норм и ценностей окружающей действительности	Преломление норм, ценностей
15	А.В. Кирьякова	Способность к самостоятельному построению своей жизни к осмыслению и регулированию жизнедеятельности в соответствии с ценностными ориентациями	Построение, регулирование жизнедеятельности на основе ценностных ориентаций

Исходя из изложенного, нами выделено несколько позиций в вопросе доминанты самоопределения, а также самого понятия. Так, представители первой позиции в ка-

честве системообразующего в самоопределении делают упор на процессы рефлексии, осознания ситуации (системы координат действия), жизненных целей и смыслов,

себя в обществе (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, Е.А. Латуха и др.).

Представители другой позиции доминантой процесса самоопределения называют умение человека видеть и строить жизненное пространство и перспективу (М.Р. Гинзбург, Л.Н. Куликова, Н.Н. Лебедева, С.Н. Чистякова и др.).

Третьи утверждают, что основой самоопределения является готовность к деятельности, росту, выбору (И.В. Дубровина, Е.Т. Конюхова, А.В. Мудрик, Р.С. Немов, Г.П. Ников, В.Ф. Сафин и др.).

В рамках нашего исследования интерес представляет позиция Е.А. Климова, В.Д. Повзун, которые определяют осевую точку самоопределения как активный поиск возможностей развития, как обретение жизненных ресурсов.

Таким образом, самоопределение трактуется как порождаемая окружающей действительностью, вплетаемая в изменчивое многообразие жизни, позволяющая связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее), задавать систему приоритетов, норм, ценностей, критериев оценки деятельности личности, направленная на преобразование самой себя. Контекст данных рассуждений подвел нас к пониманию того, что результатом процесса самоопределения является система доминирующих ценностных ориентаций, умение проектировать и находить точки личностного роста.

Определение границ понятия «ценностное самоопределение» обусловило выяснение роли и значимости термина «ценностное». Основные различия в подходах к описанию сущности понятий «самоопределение» в целом и «ценностное самоопределение» связаны с составом функций и масштабом их применения.

Для рассмотрения данного понятия должны быть определены понятия «ценность» и «ценностные ориентации», которые нами рассматриваются как основа ценностного самоопределения личности.

По мнению Н.Э. Чавчавадзе, «цен-

ность, в первую очередь, является тем, что дает идеальной (т.е. реально еще не осуществлённой) цели силу воздействия на способ и характер человеческой деятельности, побудительную силу» [6; С. 35]. Этой причиной являются ценности, которые лежат в основе целеполагания: «...целевая детерминация человеческой деятельности — это ценностная детерминация. Цели могут воздействовать на человеческую деятельность не реально — каузально, но как идеальные ценности, реализацию которых человек считает своей насущной потребностью или долгом» [6; С. 35].

Следовательно, представление о собственном будущем у человека связано как с ценностями, которые позволяют преодолевать конечность (временность) человеческого существования, так и с представлением о смысле жизни, которое является одновременно и основанием развития личности, и его результатом. Ценности же задают ориентацию на будущее. Ценность, как вневременная категория, задавая человеку представление о будущем, соотносит его с временной осью, с хронологией, ибо это иная размерность — размерность «смыслового будущего» (М.М. Бахтин). Временное будущее — более или менее точное планирование своей жизни во времени (жизненный план, понимаемый как система целей), появляется на уровне социального самоопределения (М.Р. Гинзбург).

В настоящее время в научной литературе существуют следующие подходы к пониманию ценностей:

— во-первых, ценности понимаются как обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт, существующие в сознании человека ориентиры, с которыми индивид и социальная группа соотносят свои действия. На основе этих ориентиров складываются конкретные типы поведения. Одной из форм существования ценностей являются общественные идеалы, выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сфе-

рах общественной жизни. Наличие ценностного единства в профессиональной группе является основой успешности ее функционирования и мерой сплоченности (Л.Н. Куликова, Р.С. Немов и др.);

– во-вторых, рядом учёных общие ценности рассматриваются как идеальные представления о хорошем, желательном, должном, обобщающие опыт совместной жизнедеятельности всех членов группы (М.С. Каган, В. Франкл и др.). Принимая взгляды окружающих на нечто как на ценность, человек закладывает в себе новые регуляторы поведения, независимые от потребностей (А.В. Кирьякова, К.С. Сарингулян). Изменение общественных отношений приводит к переоценке ценностей, обесцениванию традиционных и появлению новых. Превращение социальной ценности в личную произойдет только тогда, когда человек вместе с группой включается в практическую реализацию этой общей ценности, принимая ее как свою;

– в-третьих, с точки зрения концепции смысловой организации личности (Д.А. Леонтьев), духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни (Б.С. Братусь, Б.В. Пичипоров), психологии переживания (Ф.Е. Василюк), концепции диалога (А. Хараш), психологии личности и сущности человека (А. Орлов) – ценностные аспекты жизни человека рассматриваются с позиций его нравственного строя, способности руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной жизни, следовать идеалам истины, добра, красоты (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев).

Обобщая указанные подходы, отмечаем, что именно ориентация личности на ценности представляет собой основу ее ценностного самоопределения, «ось сознания личности». Ценности позволяют простираивать систему отношений в социуме, конституируют процессы самоопределения.

Значимым для нашего исследования является раскрытие содержания понятия «ценностная ориентация». Анализ лите-

ратуры показал, что существуют два основных подхода к пониманию ценностных ориентаций как процесса и результата.

Ориентация как процесс – это проективные действия от замысла до результата: точный выбор цели, средств ее достижения, оценка действия в сопоставлении поступка с общей направленностью, планами, жизненными ценностями.

Ориентация как результат определяется свободным владением широким кругом знаний в определенной области и одновременно подразумевает, что приобретенный человеком уровень – это своеобразный фундамент для постоянного поиска, развития, совершенствования имеющихся представлений.

Феноменологическое поле понятия «ценностное самоопределение» будет неполным без выявления роли ценностных ориентаций в общей структуре личности. По мнению Б.Г. Ананьева, направленность личности на те или иные ценности определяет «стратегическую» линию поведения, функцию «интегратора» различных форм деятельности человека [1; С. 17]. Ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры личности, в них как бы резюмируется весь жизненный опыт, накопленный ею в процессе индивидуального развития. Это компонент структуры личности, представляющий собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы, чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др.).

Не менее важным для нашего исследования является утверждение, что ценностная ориентация личности также выступает как «смыслообразующая, иерархически организованная и динамически изменчивая мировоззренческая система эмоциональных и интеллектуальных позиций человека как субъекта по отношению к миру объектов и к другим субъектам» (М.С. Каган) [3; С. 48].

Несмотря на известное своеобразие взглядов, у всех авторов проявляется об-

щая тенденция видения в ценностях и ценностных ориентациях структурного «ядра» ценностного самоопределения, воплощающего в себе объективные и субъективные, материальные и идеальные, реальные и прогнозируемые стороны социальной жизни человека.

Для уточнения понятия «ценностное самоопределение» рассмотрены понятия «профессиональное самоопределение», «жизненное самоопределение» и «личностное самоопределение», выделены различные типы и уровни самоопределения. При выделении типа самоопределения использован критерий свободы выбора, диапазон маневра человека в рамках выполняемой и осваиваемой деятельности, сфера жизнедеятельности.

Поскольку профессиональное самоопределение часто является наиболее значимым для многих людей, необходимо понимать, что оно реализуется в определенном контексте жизни. Наиболее близким, с позиции нашего исследования, является следующее представление о сущности профессионального самоопределения: «поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения» (Н.С. Пряжников) [4; С. 10].

Следуя этой логике, главная цель профессионального самоопределения заключается в постепенном формировании у

человека «готовности рассматривать себя развивающимся, в рамках определенного времени, пространства и смысла, постоянно расширять свои возможности и максимально их реализовывать» [4; С. 19].

Более сложным типом является личностное самоопределение. Это высший тип жизненного самоопределения, когда человеку удастся действительно стать хозяином ситуации и всей своей жизни. «Личностное самоопределение является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения» (М.Р. Гинзбург) [2; С. 27]. Личностное самоопределение выступает основанием собственного развития. Изменения в ценностном сознании человека являются закономерным результатом человеческой жизни и составляют основное содержание процесса переопределения личности. Жизнь человека — это «история актуализации одних ценностей и низвержение других» (С.Л. Рубинштейн) [5; С. 370]. Незавершенность процесса самоопределения подтверждается постоянной переоценкой ценностей, которая происходит на протяжении всей жизни человека. Именно это позволяет утверждать, что ценностное самоопределение личности, самоопределение относительно ценностей, является генетически исходным, определяющим развитие всех других видов самоопределения на протяжении всей жизни человека.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — СПб.: Питер, 2001. — 288 с.
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. — 1994. — № 3. — С. 18-25.
3. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1997. — 205 с.
4. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. — М.: Прогресс, 1996. — 198 с.
5. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973. — 381 с.
6. Чавчавадзе Н.Э. Культура и ценности. — Тбилиси, 1984. — 180 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Юсова В.И., преподаватель педагогики, учитель-методист, ГОУ СПО «Педагогический колледж г. Баяля», Забайкальский край

V. Yusova, teacher – methodologist, State Teachers' Training College, Baley, the Transbaikalian Region

Научные интересы: ценностное самоопределение студента в культуросообразном образовательном процессе педагогического колледжа

Areas of expertise: value self-determination of the student in educational process of the teachers' training college

---

Политология

УДК 321

Арсентьева Ирина Ильинична
Irina Arsentyeva

**НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КАТЕГОРИИ
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»:
ДЕФИНИЦИИ, СТРУКТУРА, МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ**

**SCIENTIFIC DISCOURSE OF «POLITICAL SPACE»
CATEGORY: DEFINITIONS, STRUCTURE,
MECHANISMS OF ORGANIZATION**

Исследуется взаимосвязь пространства и политики. Автор приходит к заключению, что категория «политическое пространство» имеет теоретико-методологическую и практическую значимость для анализа политических процессов и явлений, в том числе проблем пространственной организации и обеспечения национальной безопасности России

In the article the author examines the correlation of space and politics. The author draws the conclusion that the category of “political space” has theory-methodological and practical significance for analysis of political processes and events, including problems of spatial organization and national security of Russia

Ключевые слова: пространство, социальное пространство, политика, политическое пространство, субъекты политической деятельности, ресурсы пространства, национальная безопасность

Key words: space, social space, politics, political space, subjects of political activity, spatial re-sources, national security

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Федеральным агентством по науке и инновациям (государственный контракт № 02.740.11.0363).

Взаимодействие пространственных и политических процессов требует изучения как особая системная целостность, поскольку политическая жизнь протекает в пространственном измерении. Пространственные процессы, имеющие собственные законы зарождения и развития, оказывают значительное воздействие на политику, вызывая в ней качественные изменения и, тем самым, становясь частью последней. Способность политики изменять пространство еще более очевидна. Следовательно, категория «политическое пространство» имеет

теоретико-методологическую и практическую значимость для анализа политических процессов и явлений.

Сущность политического пространства невозможно уяснить без рассмотрения более общей категории – «социальное пространство». Социологическая традиция исследования пространства наметилась в конце XIX столетия, что диктовалось потребностью объяснить особенности жизнедеятельности социума. Исследователи, зарубежные (Э. Богардус, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Кастельс, Р. Маккензи, Р. Парк, П. Штомпка и др.) и отечественные (А.М. Бекарев, В.И. Добренков, Г.Е. Зборовский, А.И. Кравченко, А.Ф. Филиппов, В.Г. Черников и др.), разрабатывают либо отдельные аспек-

ты указанной проблематики, либо делают попытки ее всесторонней концептуальной характеристики. Анализ их работ позволяет определить социальное пространство как особым образом организованную и воспринимаемую общественным сознанием среду, в пределах которой совершается жизнедеятельность социума, т.е. как совокупность социальных процессов, отношений и взаимозависимостей социальных субъектов в экономической, политической, информационной, социокультурной и прочих сферах.

Политическое пространство вследствие структурной сложности и многоаспектности трактуется учеными по-разному. Традиционным является геополитический подход, когда политическое (политико-географическое, или геополитическое) пространство выделяют в результате наложения политических процессов на параметры физического пространства. Другими словами, политическое пространство в данном случае представляет собой синтез географического пространства с политическим процессом, многообразие географических объектов, которые выступают в качестве элементов пространственных политических систем.

Недооценивать роль географических факторов в политике, безусловно, не стоит, поскольку географическое пространство является естественной границей и основой существования политической системы любого государства. Связь природы и политики многозначна и многопланова. Климатические условия, ландшафт, флора, фауна и т.д. существенно влияют на социальное (в том числе политическое) бытие человека. Особенно важным является определение таких физико-географических параметров государства, как выходы к морю, наличие внутренних труднопреодолимых барьеров, преобладающие ландшафты и их свойства, водные пути, соотношение гор и равнин, физические особенности границ, островное положение, наличие островных эксклавов (труднодоступные регионы всегда будут первыми кандидатами на отделение). Удачное географическое расположение позволя-

ет государству экономить энергию, уменьшает возможность стихийных бедствий, дает необходимые природные ресурсы.

На этих положениях базируется концепция географического детерминизма, представители которого — Ж. Боден, Г.Т. Бокль, Ш. Монтескье и др. — объясняли явления общественной жизни природными условиями и географическим положением страны. Географический детерминизм стал основой для возникновения геополитики, которая, согласно определению Л.О. Терновой и С.В. Фокина, представляет собой науку о политических особенностях развития пространства и практику контроля над ним субъектов мировой политики [8; С. 14].

Анализ концепций таких геополитиков, как Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, Поль Видаль де ла Бланш, Х. Маккиндер, Р. Коллинз и др., позволяет сделать вывод о том, что с геополитической точки зрения главная задача государства — установление контроля над пространством. При этом пространства, которые контролирует или стремится контролировать государство (группа государств), различаются по степени близости и освоенности центром. Поэтому в геополитике используется понятие «геополитическое поле» — часть контролируемого государством пространства, различающаяся по данному критерию.

К.В. Плешаков разработал подробную классификацию геополитических полей [4; С. 32-34]:

— эндемическое поле — пространство, контролируемое государством длительное время, несомненную принадлежность которого данной национальной общности признают соседи;

— пограничное поле — находящееся под контролем данного государства, но не освоенное в должной мере (демографически, экономически, политически) пространство, зачастую заселенное национальными меньшинствами. Соседи могут ставить под сомнение государственную принадлежность этого пространства, но все же не рассматривают его как свое;

— перекрестное поле — пространство,

на которое претендуют несколько сопредельных государств;

– тотальное поле – непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности;

– геополитическая опорная точка – находящаяся вне тотального поля территория, контролируемая каким-либо государством, но коммуникации к этой территории контролируются другим или другими государствами;

– метаполе – пространство, осваиваемое одновременно несколькими государствами (как правило, в условиях геополитического давления извне).

Для анализа категории «политическое пространство» методологическую значимость представляет также внутренняя (прикладная) геополитика, разработкой которой занимаются французские исследователи И. Лакост, М. Коренманн, Поль-Мари де ла Горс и др. По их мнению, в основе территориальных конфликтов (т.е. борьбы за пространство) лежат региональные явления, а не государство в целом. Следовательно, необходим анализ конкретных локальных ситуаций. Геополитические модели в данном случае служат объяснением властных устремлений относительно определенных территорий. «Внутренняя геополитика» (*la geopolitique interne*) И. Лакоста, отмечает А.Г. Дугин, как бы деглобализирует геополитику, отказываясь от глобальных парадигм, существенно сужая и конкретизируя предмет исследования. То есть предметом изучения выступает уже не формальная зависимость внешнеполитической стратегии государства от его месторасположения, ресурсной базы и иных географических условий и не вопросы глобального миропорядка, а скорее методы государственного регулирования на собственной территории и формы регионального взаимодействия на уровне межгосударственных взаимоотношений [3; С. 133].

Однако для понимания политического пространства недостаточно геополитического подхода, поскольку в этом случае внимание акцентируется на природно-физичес-

ких (географических) характеристиках. На самом деле физическое пространство проявляет себя по отношению к политическому опосредованно, влияя в определенной степени на политические процессы в целом либо на отдельные их характеристики. Политическое пространство – не простая совокупность общественно-политических структур на определенной территории, это, в первую очередь, политически оформленная форма бытия человека, деятельность и отношения политических субъектов. Другими словами, политическое пространство – это не пространство физических тел, в котором осуществляется политическая деятельность, а сама деятельность политических субъектов, организованная на единой нормативно-ценностной основе, связанная с осуществлением власти и управлением обществом. Соответственно, методологически важно выделение основных субъектов политической деятельности.

Согласно определению «Политической энциклопедии», субъекты политики – конкретно-политические носители многообразной политической деятельности, направленной на завоевание, защиту или использование власти с целью реализации своих коренных интересов. В их роли могут выступать как индивиды, так и социальные общности, которые самостоятельно вырабатывают и реализуют программы действия, направленные на достижение определенных политических целей посредством сознательной деятельности. К субъектам политики относятся также и социально-политические институты как непосредственные носители властных функций в обществе. Основными субъектами политики всегда являются большие социальные общности – классы, народы, нации; существенными – средние и малые группы, объединяющие людей по демографическому, территориальному, образовательному, производственному, профессиональному или корпоративному признаку. К последним относятся политические элиты и бюрократия, а также представители теневой экономики и группы социального риска. Любая об-

пность становится совокупным субъектом политики, когда, самоорганизуясь и осознавая свои интересы, она не только оказывается в противостоянии с другими социальными группами или же в позитивном взаимодействии с некоторыми из них, но и вступает и в конфликт или сотрудничество с существующей политической властью. К категории совокупных субъектов политики относятся также и социально-политические институты, которые обеспечивают возможность как отдельным гражданам, так и социальным общностям упорядоченно удовлетворять свои интересы в сфере политики. Они стабилизируют отношения, регулируют поведение индивидов и групп, обеспечивая согласованность, интегрированность их действий [5].

Основным политическим субъектом выступает государство, которое формирует структуру своего внутреннего пространства и, обладая статусом субъекта системы международных отношений, влияет на организацию мирового (глобального) пространства. Соответственно, политическое пространство можно рассматривать как национальное пространство. Однако любое национальное пространство имеет сложно-организованную внутреннюю структуру, формирующуюся в результате деятельности социальных (в частности, политических) субъектов – индивидов, общностей и институтов. Другими словами, национальное политическое пространство объединяет различные взаимоотношения властвующих и подвластных (управляющих и управляемых), обобщает деятельность и взаимосвязи политических институтов, общностей и индивидов, а также идеолого-политические ценности и нормы, регулирующие политическую жизнь членов данного общества. Выделяется несколько взаимосвязанных уровней политического пространства: национальный (государственный); внутригосударственный (региональный); индивидуальный. При этом первые два являются основными, поскольку именно на них принимаются решения, обладающие легитимностью и обязательностью к исполнению

для всех членов национального сообщества.

Политическое пространство, ограниченное территорией государства, не неподвижно: оно может изменяться, становиться больше, меньше, плотнее, насыщеннее, концентрированнее, дискретнее и т.д. Кроме того, необходимо учитывать, что пространство имманентно связано со временем, формируя пространственно-временной континуум. Их неразрывное единство образует основу существования общества и объективирования политики, объединяет политическое, социальное и природное. Соотношение экономических, социокультурных, этнических, конфессиональных и прочих условий, отличающих данное национальное пространство от остальных, а также географическое положение (границы, протяженность, соседство, контактность, изолированность, климатические условия и т.д.) значительно влияют на политическую специфику.

А.Б. Венгеров выделил три политических измерения пространства [2].

Пространство как предпосылка. Это измерение, в первую очередь, включает территориальные размеры государства – той особой политической организации, в форме которой существует и в случае необходимости защищается народ. Также важно расположение государства в исторически сложившихся цивилизационных координатах и, конечно, его ландшафтные, в том числе почвенные, климатические особенности.

Пространство как цель. Данное измерение известно под названием «геополитика». По мнению А.Б. Венгерова, если в первой ипостаси пространство выступает как статика (данность), определяющая особенности политико-правовой организации общества, то во второй оно становится целью политики, связываясь с необходимостью приобретать и обеспечивать определенные национальные интересы.

Пространство как среда. Эта ипостась политического пространства достаточно хорошо изучена: речь идет о политической

системе, ее элементах, связях между этими элементами, характере этих связей и т.д. В данном случае предметом политологического анализа становятся государство, партии, политические движения, иные общественные организации и объединения, церковь, средства массовой информации, трудовые коллективы, политические нормы и нравы, властные или договорные связи, конфронтации, конфликты, сотрудничество, автономность, подчиненность и т.д.

Каждое пространство обладает определенными качественными характеристиками – ресурсным потенциалом. Долгое время понятие «ресурсы» применялось по отношению к природным ресурсам (лесным, минерально-сырьевым, водным, рекреационным и др.). В этом случае ресурсный потенциал пространства (лат. *potentia* – сила, резервы, запасы) выступает как совокупность природных ресурсов, которые могут использоваться в экономическом хозяйстве с учетом достижений научно-технического прогресса. Однако, помимо природных ресурсов, особым (интегральным) ресурсом является само пространство. Соответственно, в качестве его составляющих можно выделить политические, экономические, технологические, инфраструктурные, научные, образовательные, инновационные, информационные, демографические, культурные и прочие ресурсы, которые наряду с природными являются неотъемлемой частью совокупного ресурсного потенциала и формируют различные сферы социального пространства.

Политические ресурсы пространства можно трактовать как совокупность средств, использование которых обеспечивает политическому субъекту власть, доминирование над другими субъектами или объектами, в частности, контроль над пространством. Существуют разные подходы к классификации политических ресурсов, в том числе по сферам общественной жизни, содержащим соответствующие ресурсы: экономические, информационные, социокультурные, демографические и др. Это связано с тем, что политическая систе-

ма существует лишь постольку, поскольку общество поставляет ей свои ресурсы. При этом политические субъекты стремятся установить контроль над пространством тем активнее, чем большее количество ресурсов там сосредоточено.

К.А. Аксенов политические ресурсы условно делит на природно-экономические, социальные, чисто территориальные и идеологические [1].

1. Природно-экономические ресурсы пространства способны служить источником изменения стратегического положения политических субъектов, материальным средством реализации их интересов, поддержания власти. Природно-ресурсный и экономический потенциал пространства во многом определяет его внешний политический статус, внутреннюю организацию и политическую стабильность. Некоторые исследователи полагают, что существует прямая связь между уровнем экономического развития государства и формой его политической организации.

2. Социальные ресурсы пространства описываются в общем виде потенциальной или действительной массовой базой того или иного политического явления. На всех уровнях политических отношений задача «сбора» необходимого количества сторонников является критически значимой. Это касается, например, требования к кандидату на выборную должность набрать на определенной территории нужное число голосов. На макроуровне единицами социальных ресурсов могут становиться целые государства и их группы – такие сторонники требуются различным международным альянсам и пр.

3. Чисто территориальные ресурсы – это физические свойства пространства, имеющие политическое значение: протяженность, конфигурация границ, физико-географические характеристики, взаиморасположение и т.д.

4. Пространство может обладать идеологическим потенциалом, зачастую не менее важным в политике, чем все остальные ресурсы. Пространство при этом выступает

как символ, воплощение идеи. В качестве примера можно привести то, чем был Иерусалим для средневековых крестоносцев, какую роль он играет в современном арабо-израильском конфликте.

Расположение и соотношение ресурсов формирует различные сферы пространства. «Наложение этих пространств создает дифференциацию интегрального геопространства – социально-экономических и природных условий политической деятельности: специализации и структуры хозяйства, уровня и образа жизни, наконец, политической культуры» [7; С. 27]. Сформированное таким образом единое пространство определяет не только особенности проявления экономических, социальных, этнических и прочих ресурсов, действующих в обществе, но и формирует специфическую модель их сочетания, обуславливающую степень и результаты влияния на политику.

Как уже отмечалось, политическое пространство следует преимущественно понимать как пространство государства. При этом главной целевой установкой деятельности государства как политического субъекта является обеспечение собственной безопасности. Следовательно, категория «политическое пространство» тесно связана с понятием «национальная безопасность».

Национальная безопасность в научных исследованиях рассматривается с разных точек зрения, однако до настоящего времени нет единства мнений относительно сущности этого сложного феномена. Во-первых, ее трактуют, исходя из масштабов обеспечения, как разновидность международной безопасности (наряду с региональной). Национальная безопасность (в границах одного государства) органически связана с региональной (в границах какого-либо региона мира) и международной (глобальной) безопасностью. Во-вторых, национальная безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Следовательно, она зависима от со-

держания национальных интересов. В-третьих, национальная безопасность характеризует положение страны, при котором ей не угрожает опасность войны либо других посягательств на суверенное развитие. В-четвертых, национальная безопасность – состояние государства, при котором сохраняется его целостность и возможность быть самостоятельным субъектом системы международных отношений.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. дается комплексное определение: национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [6].

Проблемы, связанные с обеспечением национальной безопасности России, в значительной степени обуславливаются такими особенностями ее пространства, как протяженность, контрастность, дискретность, слабая заселенность и т.д. Следовательно, организация этого пространства – соединение его многочисленных, неоднородных частей в сбалансированную государственную систему – является актуальной научно-теоретической и практической проблемой. От эффективности ее решения зависит не только стабильное развитие, но и территориальная, экономическая, социокультурная целостность страны.

Итак, взаимодействие пространственных и политических явлений и процессов требует системного научного анализа, поскольку политическая жизнь протекает в пространственном измерении. В этой связи категория «политическое пространство» имеет важное методологическое значение для выработки научных концепций пространственной организации отдельных государств, мира в целом, обеспечения безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Литература

1. Аксенов К.А. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области. – СПб.: Петрополис, 1993. – 150 с.
2. Венгеров А.Б. Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. – 1992. – № 6. – С. 49-63.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
4. Плешаков К.В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 30-39.
5. Семигин Г.Ю. Субъекты политики // Политическая энциклопедия: в 2-х т. – М.: Мысль, 1999. – Т.2. – С. 477-78.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утверждена указом президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.serf.gov.ru/documents/99.html>. – Загл. с экрана.
7. Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М.: Инфра-М, 2000. – 269 с.
8. Фокин С.В. История возникновения и развития геополитики как науки // Геополитика / под общ. ред. В.А. Михайлова. – М.: РАГС, 2007. – С. 11-30.

Коротко об авторе _____ *Briefly about the author*

Арсентьева И.И., канд. филос. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
airen1@yandex.ru

I. Arsentjeva, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chita State University

Научные интересы: национальная и региональная безопасность, национальная безопасность Российской Федерации, социальная экология

Areas of expertise: national and regional security, national security of Russian Federation, social ecology

УДК 533.3 : 533.3.078

Авдеев Павел Борисович
Paul Avdeev

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВЫБОРА ОПТИМАЛЬНОГО ВАРИАНТА ОТКРЫТОЙ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

IMPROVEMENT OF ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL OF OPTIMIZATION STUDIES FOR OPEN-CAST MINING

Выявлена эффективность обработки запасов рудных месторождений открытым способом. Во многом она зависит от правильности выбранных технологических параметров, что позволяет минимизировать основные строительные и эксплуатационные затраты

The efficiency of open-cast mining of ore deposits in many respects depends on a regularity of selected technological parameters; it allows to minimize basic building and operational costs

Ключевые слова: экономико-математическая модель, чистая дисконтированная прибыль, параметры карьера

Key words: economic-mathematical model, pure discounted profit, parameters of open cast

---

Для обоснования возможности использования упрощенных моделей для расчета удельных стоимостных показателей была исследована степень влияния главных параметров карьеров: глубины (H), среднего коэффициента вскрыши (k_v), годовой производительности по горной массе ($A_{г.м.}$) и по руде ($A_{п.л.}$), объема вскрыши (V), величины запасов полезного ископаемого (Z) и длины транспортировки горной массы (L) – на величину удельных капитальных (K_3) и эксплуатационных затрат ($\mathcal{E}_3$) по фактическим и проектным данным предприятий Забайкалья: Первомайский ГОК (Завитинский карьер, Этакинский карьер – проектные данные), Шерловогорский ГОК, Бугдаинский ГОК – проектные данные. При установлении корреляционных зависимостей, увязывающих переменные K_3 , $\mathcal{E}_3$, A , L , k_v , H , были использованы стандартные методы прямого и множественного корреляционного анализа.

На рис. 1, 2 приведены соответственно зависимости удельных капитальных затрат на строительство карьера и удельных эксплуатационных затрат на добычу руды от коэффициента вскрыши и глубины карьера.

На рис. 3, 4 показаны соответственно зависимости производительности карьера по руде от величины запасов полезного ископаемого в его контуре при заданных величинах: глубина карьера – 200 м, коэффициент вскрыши – 5 т/т и зависимость удельных эксплуатационных затрат от расстояния транспортирования горной массы.

Как видно из приведенного анализа, эффективность обработки запасов рудных месторождений открытым способом во многом зависит от правильности выбранных технологических параметров, что позволяет минимизировать основные строительные и эксплуатационные затраты.

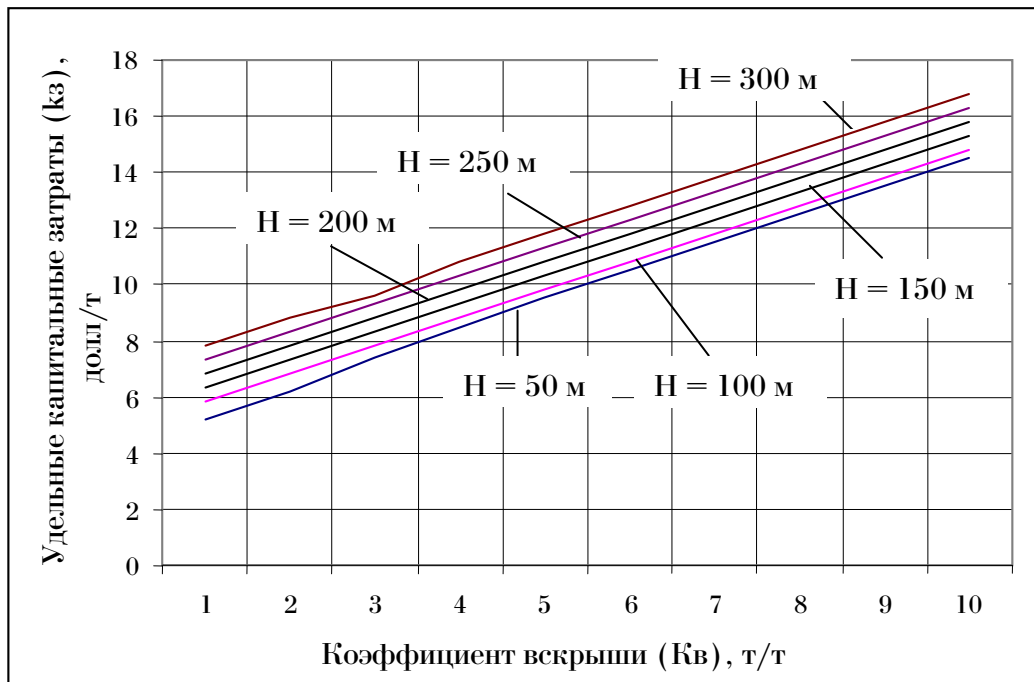

Рис. 1. Зависимость удельных капитальных затрат от коэффициента вскрыши и глубины карьера

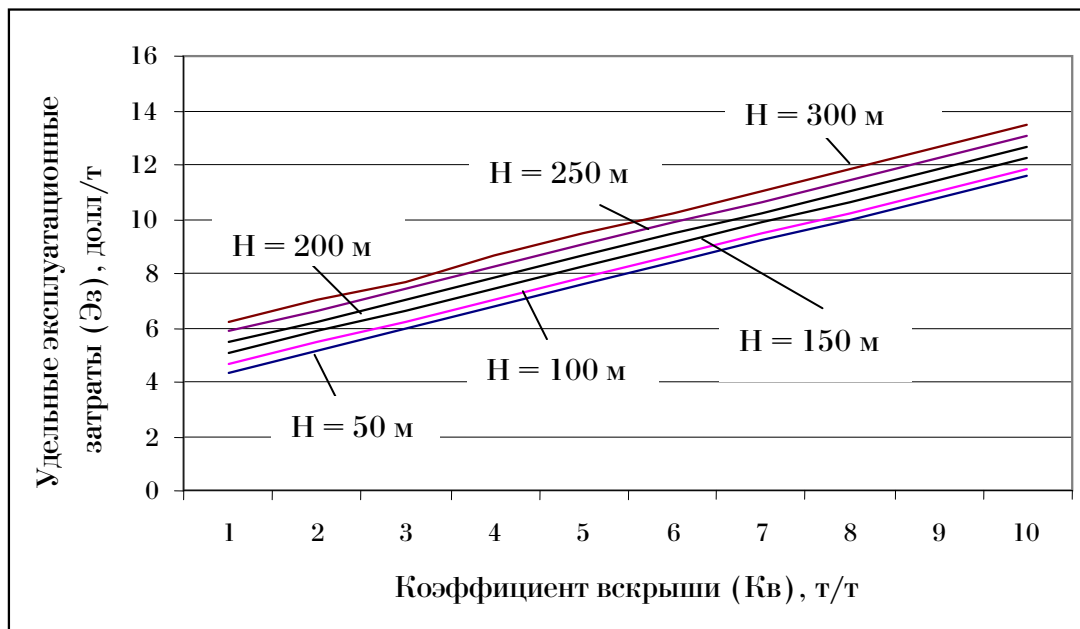

Рис. 2. Зависимость удельных эксплуатационных затрат от коэффициента вскрыши и глубины карьера

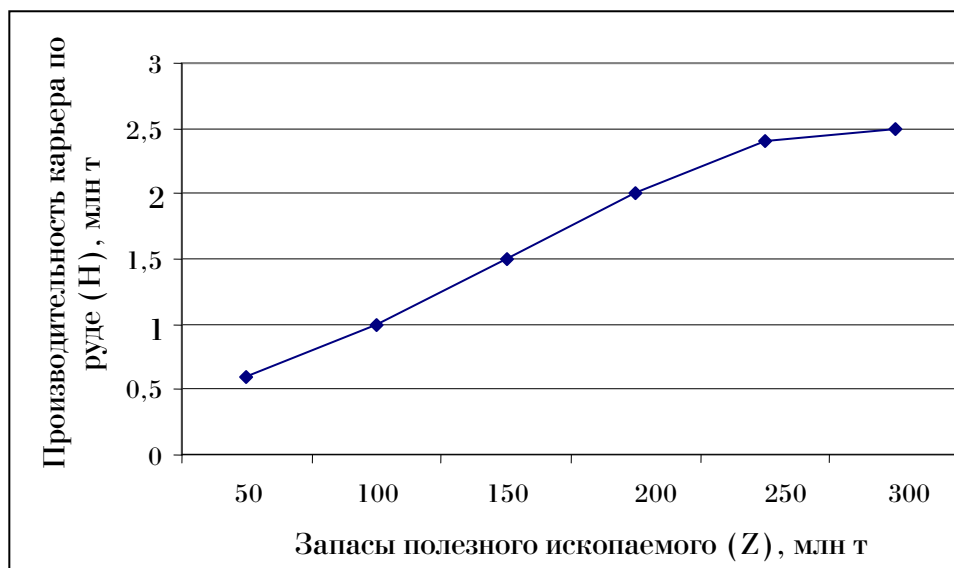

Рис. 3. Зависимость производительности карьера по руде от величины запасов полезного ископаемого в его контуре

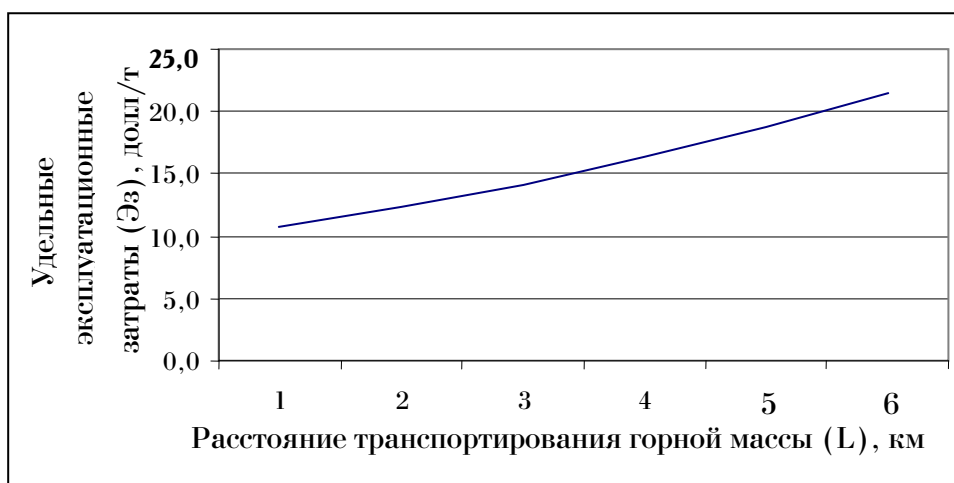

Рис. 4. Зависимость удельных эксплуатационных затрат от расстояния транспортирования горной массы

Чтобы правильно выбрать основные технологические параметры карьера, был составлен алгоритм определения комплекса оптимальных параметров карьера с использованием линейной стратегии принятия решений. Алгоритм вычислений

(расчетов) сводится к последовательному выполнению процедур, он реализуется за счет заблаговременного формирования вариантов сочетания главных параметров открытой разработки и соответствующих им календарных графиков их расчета.

Алгоритм определения комплекса оптимальных параметров карьера

За критерий оценки эффективности предлагаемых технических решений по отработке рудных месторождений открытым способом принимаем чистую дисконтиро-

ванную прибыль (ЧДП) в той трактовке, которая предлагается «Методикой стоимостной оценки запасов твердых полезных ископаемых» [1, 4]:

$$\text{ЧДП} = \sum_{t=1}^T \Pi'_t \times \frac{1}{(1+E)^t} - \sum_{t=1}^T K_t \times \frac{1}{(1+E)^t}, \text{ млн руб.}, \quad (1)$$

где Π'_t – чистая прибыль в t -м году совместно с амортизационными отчислениями;

t – базисный момент времени начала строительства горного предприятия;

K_t – капитальные вложения в t -м году;

T – количество лет от начала строительства до ликвидации горного предприятия;

E – приемлемая величина процентной ставки на капитал, вложенный в строительство горного предприятия.

В методику расчета чистой дисконтированной прибыли автор предлагает включить ранее не используемые затраты: на ох-

рану окружающей среды, рекультивацию земель, охрану труда и здоровья трудящихся и подготовку кадров, доля которых в общих производственных затратах составляет около 10 %, что позволяет сделать оценку варианта разработки социально значимой.

Используя данный алгоритм технико-экономических повариантных расчетов с варьированием параметров карьера, технологии ведения буровзрывных работ, оборудования для погрузки горнорудной массы, видов и схем ее транспортировки, можно выбрать наиболее эффективную техноло-

гию разработки рудных месторождений открытым способом.

При этом особенно важно выбрать энерго- и ресурсосберегающие технологии ведения горных работ.

Обоснование эффективности энергосберегающих технологий открытой разработки месторождений с учетом экологических ограничений и комплексного использования минерального сырья, оптимальное планирование горных работ представляют сложную процедуру из-за необходимости учитывать большое число параметров и различного рода ограничений.

Решить эту задачу практически невозможно без использования компьютерных

методов исследования операций. Вероятно, не существует такого метода оптимизации, который позволил бы согласовать все ограничения кратко- и долгосрочного планирования с учетом реальных условий ведения горных работ. Наиболее разработанным и приемлемым для обоснования энергосберегающих технологий и календарного планирования горных работ является метод линейного программирования. В рассматриваемой задаче математическая формулировка в обобщенном виде представляется следующим образом.

Целевая функция, максимизирующая прибыль от реализации товарной продукции при комплексном использовании руды:

$$Z = \sum_{i=1}^I \sum_{j=1}^J a_{i,j} C_j e_j x_i - \sum_{i=1}^I \sum_{k=1}^K e_{i,k} c_k x_i - \sum_{i=1}^I \sum_{l=1}^L m_{i,l} c_l x_i - \sum_{i=1}^I \sum_{l=1}^L m_{i,l} p_l x_i, \quad (2)$$

где x_i – производительность i -го горизонта (участка) по руде, тыс. т/месяц;

C_j – ценность j -го компонента в концентрате, р/т;

α_{ij} – среднее содержание j -го компонента на i -м горизонте, д. ед.;

ε_j – извлечение j -го компонента, д. ед.;

e_{ik} – удельные затраты k -го вида энергии на i -м горизонте, кДж/т;

c_k – стоимость использования k -го вида энергии, р/кДж;

m_{il} – удельная масса l -го загрязняющего вещества (ЗВ) в выбросах и сбросах при добыче руды с i -го горизонта, г/т;

c_l – удельные затраты на снижение выбросов и сбросов до уровня ПДК, р/г;

p_l – платежи за выбросы и сбросы l -го ЗВ, р/г.

Добыча руды на i -м горизонте не должна превышать его эксплуатационных запасов, это условие запишется в виде: $x_i \leq Z_{\text{э}i}$.

При расчетах на каждый следующий месяц определяются остаточные эксплуатационные запасы на горизонте:

$$\sum_{g=1}^G x_{i,g} \leq \sum_{g=1}^G (Z_{\text{э}i})_g,$$

где g – текущий месяц.

Суммарная добыча руды с горизонтов должна обеспечить плановую производительность фабрики $Q_{\text{оф}}$ (тыс. т/мес) и вместе с тем обеспечивать возможную производительность добычных экскаваторов:

$$\sum_{i=1}^I x_i = Q_{\text{оф}}; \quad \sum_{i=1}^I x_i \geq Q_{i\text{min}}; \quad \sum_{i=1}^I x_i \leq Q_{i\text{max}},$$

где $Q_{i\text{min}}$ и $Q_{i\text{max}}$ – соответственно минимально и максимально допустимая производительность добычного экскаватора на горизонте, тыс. т/мес.

Требование по качеству руды можно представить в виде ограничений по минимально и максимально допустимым содержанием в усредненной руде только основного компонента (частный случай) или по минимально и максимально допустимому содержанию наиболее ценных полезных компонентов:

$$a_{j\text{max}} \geq \left(\sum_i a_{i,j} x_i / \sum_i x_i \right) \geq a_{j\text{min}}.$$

Требование о соблюдении предельно допустимых выбросов и сбросов ЗВ:

$$\sum_{i=1}^I \sum_{l=1}^L m_{i,l} x_i \leq M_{\text{ПДК}},$$

где $M_{\text{пдк}}$ – предельно допустимые выбросы и сбросы ЗВ.

В общем случае целевая функция (2.1) дополняется эксплуатационными издержками без учета затрат по использованию соответствующего вида энергии, а также издержками по хранению и утилизации отходов, образующихся при использовании соответствующего вида энергии. Ограничения дополняются условиями об энергетических ресурсах. Задача решается по стандартным компьютерным про-

граммам линейного программирования, что позволяет решать её при значительном количестве переменных, выполнить анализ чувствительности целевой функции в широком диапазоне влияющих факторов, дать обоснованный прогноз и оперативно найти оптимальное решение, обеспечивающее высокую эффективность разработки месторождения при минимальных энергетических затратах и соблюдении природоохранного законодательства.

Литература

1. Методика стоимостной оценки запасов твердых полезных ископаемых. – М., 2004. – 42 с.
2. Комаров Е.И., Чигарев О.В. Экономико-математическое моделирование рациональной области применения драглайнов при вскрытии шахтных полей // Маркшейдерия и недропользование. – № 1. – 2006. – С. 30-33.
3. Экономика природопользования. Аналитические и нормативно-методические материалы. – М.: Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ. – 1994. – 471 с.
4. Методические рекомендации по составу и правилам оформления представляемых на государственную экспертизу материалов по технико-экономическим обоснованиям кондиций для подсчета запасов месторождений полезных ископаемых. – М., 2007. – 36 с.

Коротко об авторе

Авдеев П.Б., канд. техн. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Научные интересы: открытая разработка месторождений полезных ископаемых, геотехнология месторождений благородных металлов, охрана окружающей среды

Briefly about the author

P. Avdeev, Candidate of Engineering Science, Senior Lecturer, Chita State University

Areas of expertise: open-cast mining of mineral deposits, geotechnology of deposits of precious metals, environmental protection

УДК 519.86 : 553

Лементя Ольга Юрьевна
Olga Lementa

Овсейчук Василий Афанасьевич
Vasiliy Ovseychuk

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СТОИМОСТНОЙ ОЦЕНКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

IMPROVEMENT OF ECONOMICAL- MATHEMATICAL MODEL OF DEPOSIT COST ESTIMATION

Рассмотрен вопрос совершенствования экономико-математической модели стоимостной оценки месторождений твердых полезных ископаемых. Предложено в методику геолого-экономической оценки ввести дополнительные показатели затрат горного предприятия на его эксплуатацию: охрана окружающей среды, рекультивация в пределах земельного отвода, оздоровление работников предприятия и подготовка кадров, уточняющие общую стоимостную оценку

Ключевые слова: месторождение, экономико-математическая модель, эксплуатация

The article considers the question of improvement of economic and mathematical model of cost estimation of the solid mineral deposits. There is a suggestion to introduce additional parameters of operating mine costs into a technique of a geologic-economical estimation of a deposit: such as environmental protection, reclamation within the limits of mine lease, environmental sanitation of the enterprise employees and training of personnel. These parameters specify general cost estimation

Key words: a field, economic-mathematical model, maintenance

В 2007 г. утверждена «Методика стоимостной оценки запасов твердых полезных ископаемых» [1]. Отличие данной методики от ранее используемой состоит в том, что ценность месторождения определяется не критерием чистого дисконтированного дохода (ЧДД), а критерием чистой дисконтированной прибыли (ЧДП), получаемой горным предприятием в процессе эксплуатации месторождения. Расчет ЧДП, согласно предлагаемой методике, выполняется по формуле

$$\text{ЧДП} = \sum_{t=1}^T \Pi'_t \times \frac{1}{(1+E)^t} - \sum_{t=1}^T K_t \times \frac{1}{(1+E)^t},$$

млн руб., (1)

где Π'_t – чистая прибыль в t -м году совместно с амортизационными отчислениями;

t – базисный момент времени начала строительства горного предприятия;

K_t – капитальные вложения в t -м году;

T – количество лет от начала строительства до ликвидации горного предприятия;

E – приемлемая величина процентной ставки на капитал, вложенный в строительство горного предприятия.

Чтобы оценка месторождения была бюджетно-значимой, т.е. чтобы учесть интересы государства, авторы методики предложили ввести в расчеты величину налогов, разделенных на две группы:

1) *налоги, входящие в структуру эксплуатационных затрат*: налог на

добычу полезных ископаемых; единый социальный налог; за пользование землей, лесом, водой; страхование от несчастных случаев; сбор на содержание милиции, благоустройство и нужды образования; на имущество;

2) *налоги, не входящие в себестоимость*: налог на прибыль.

Из анализа структуры затрат горного предприятия и перечня показателей, учтенных данной методикой, видно, что реально предприятие несет гораздо большие расходы при эксплуатации месторождения, чем это учтено методикой.

Для достижения политических, экономических и социальных целей, стоящих перед обществом на современном этапе, необходимо последовательное осуществление крупномасштабных мероприятий по рациональному использованию, охране и расширенному воспроизводству природных ресурсов. Необходимость проведения такой политики обуславливается недостаточно продуманным использованием природных ресурсов, оказывающим заметное отрицательное влияние на состояние природной среды. Этот фактор в значительной мере влияет на темпы общественного развития.

Процесс освоения запасов сырья многоступенчат. Конечные результаты зависят от обоснованности принимаемых решений на каждом этапе. Важнейшей составляющей большинства проектов по разработке месторождений являются различные технико-экономические расчеты, от корректности выполнения которых во многом зависят принимаемые управленческие решения и будущие экономические результаты.

В этой связи важным представляется включение экологической составляющей в экономический анализ. Такой анализ направлен на повышение эффективности принимаемых проектных решений в сфере недропользования с учетом интересов граждан, проживающих в непосредственной близости от разрабатываемой территории.

Эколого-экономический мониторинг позволил получить необходимую информационную базу для разработки соответствую-

ющих моделей оптимального управления использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды.

Одним из наиболее эффективных подходов представляется включение в существующие экономико-математические модели хозяйственного планирования и прогнозирования дополнительных переменных, характеризующих действие прямых и обратных связей между общественным производством и окружающей средой.

В настоящее время, в связи с непрерывно ухудшающейся экологической ситуацией, важно определить степень влияния разработки месторождения, а также переработки полезного ископаемого на природную среду. Учет экологического аспекта при геолого-экономической оценке месторождений полезных ископаемых разработан пока слабо.

Существующая методика геолого-экономической оценки месторождений твердых полезных ископаемых не учитывает затраты на охрану окружающей среды, рекультивацию в пределах земельного отвода, оздоровление работников предприятия, затраты на социальные нужды и подготовку кадров.

Как показывает анализ ТЭП горного предприятия, данные показатели составляют около 10 % от общих эксплуатационных затрат. Исходя из этого, общая стоимостная геолого-экономическая оценка месторождения может существенно измениться при включении этих затрат в общую структуру эксплуатационных расходов горного предприятия.

Показатель «Годовые платежи за вредное воздействие на окружающую среду ($Z_{оос}$)» определяется по формуле

$$Z_{оос} = Z_{выб} + Z_{сбр} + Z_{отх} + Z_{шум} + Z_{др}, \quad (2)$$

млн руб.,

где $Z_{выб}$ — плата за выбросы загрязняющих веществ в атмосферу;

$Z_{сбр}$ — плата за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты;

$Z_{отх}$ — плата за размещение отходов;

$Z_{шум}$ — плата за шумовое загрязнение окружающей среды;

$Z_{др}$ – плата за другие виды вредного воздействия (вибрация, электромагнитные и радиационные воздействия; тепловое, бактериологическое воздействие).

Показатель «Годовые отчисления на рекультивацию земель, входящих в земельный отвод предприятия (Z_p)» определяется по формуле

$$Z_p = 0,04 * \mathcal{E}_r, \text{ млн руб.}, \quad (3)$$

где $0,04 * \mathcal{E}_r$ – 4 % от годовой себестоимости производства готовой продукции предприятия.

На городских территориях самым важным условием проживания людей является безопасность и экологичность, поэтому особое значение имеет использование медико-статистических и социально-экономических критериев при оценке экологических последствий проявления горно-геологических процессов.

Показатель «Затраты на оздоровление работников (Z_c)» определяется по формуле

$$Z_c = K_1 * \mathcal{C}_я + K_2 * \mathcal{C}_я * H, \text{ млн руб.}, \quad (4)$$

где K_1 – удельные годовые затраты на медицинское обследование, профилактическое питание и санаторно-курортное лечение 1 трудящегося, млн руб.;

$\mathcal{C}_я$ – явочная численность трудящихся предприятия, чел.;

H – нормы оздоровления работников по конкретному предприятию, %.

Одной из основных проблем на предприятиях горной промышленности Забайкальского края и, в частности, на ОАО «ППГХО» является отток молодых кадров. Для решения данной проблемы предприятию необходимо нести дополнительные затраты, связанные с дальнейшим развитием инфраструктуры и решением социальных проблем. Специалистов возможно привлечь для работы на то или иное предприятие при прочих равных условиях лишь при решении социальных вопросов и гарантии предоставления жилья специалисту и его семье. В связи с этим предлагается ввести допол-

нительный показатель, учитывающий затраты на решение социальных проблем.

Показатель «Затраты на социальные нужды (Z_c)» определяется по формуле $Z_c = K_3 * \mathcal{C}_3 + K_4 * \mathcal{C}_я * 0,4 * 0,7$, млн руб., (5) где K_3 – удельные годовые затраты на строительство жилья для 1 трудящегося, млн руб.;

$\mathcal{C}_3$ – количество трудящихся предприятия, нуждающихся в жилье (молодые работники), чел.;

K_4 – удельные годовые затраты на строительство детских дошкольных учреждений для 1 трудящегося, млн руб.; 0,4 – коэффициент, учитывающий долю молодых специалистов; 0,7 – коэффициент, учитывающий рождаемость.

Показатель «Затраты на подготовку кадров (Z_k)» определяется по формуле $Z_k = K_5 * K_{тек} * \mathcal{C} + K_6 * \mathcal{C}_6$, млн руб., (6) где K_5 – удельные годовые затраты на подготовку 1 среднестатистического трудящегося горного предприятия, млн руб.;

$K_{тек}$ – среднестатистический коэффициент текучести кадров, д. ед.;

K_6 – удельные годовые затраты на ротацию бригад на 1 трудящегося, млн руб.;

$\mathcal{C}_6$ – явочная численность трудящихся, работающих в бригадах, переводимых в другие очистные блоки, чел.

Предварительные расчеты показывают [4], что срок окупаемости капитальных вложений в природоохранные мероприятия значительно ниже нормативного срока окупаемости. По мнению экспертов ООН, выгоднее реализовать природоохранные мероприятия, нежели компенсировать экономический ущерб от загрязнения окружающей среды.

На примере отработки месторождения радиоактивных руд проведен анализ структуры расходов по дополнительным показателям, что дало возможность установить удельные расходы в расчете на 1 т добытой руды.

Литература

1. Методика стоимостной оценки запасов твердых полезных ископаемых: инструкция. – М., 2007.
2. Методика стоимостной оценки запасов твердых полезных ископаемых: инструкция. – М.: ВИМС, 1996.
3. Овсейчук В.А., Резник Ю.Н. Экономика горного производства: учеб. пособие. – Чита: ЧитГУ, 2009.
4. Ушаков К.П. Социально-экономическое развитие и природоохранная деятельность: учеб. пособие. – М.: Наука, 1983.

Коротко об авторах _____ *Briefly about the authors*

Лемента О.Ю., ст. преподаватель, горный институт, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
olgalementa@mail.ru

O. Lementa, Senior Lecturer, Mining Institute, Chita State University

Научные интересы: экономика горного производства, геолого-экономическая оценка месторождений

Areas of expertise: mining economics, geological and economical evaluation of deposits

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ведущий научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
mks3115637@yandex.ru

V. Ovseychuk, Doctor of Engineering, Professor, Chita State University, Leading Scientific Employee, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Department of Russian Science Academy

Научные интересы: поиск, разведка, технико-экономическая оценка месторождений полезных ископаемых; геотехнология разработки урановых месторождений

Areas of expertise: prospecting, exploration, feasibility study of mineral deposits, geotechnology of uranium deposits

УДК 622.272

Пирогов Геннадий Георгиевич
Gennady Pirogov

НОВАЯ РЕСУРСΟΣБЕРЕГАЮЩАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ СЛОЖНЫХ МОЩНЫХ КРУТОПАДАЮЩИХ РУДНЫХ ТЕЛ

NEW RESOURCE-SAVING MINING TECHNOLOGY FOR COMPLICATED THICK STEEPLY DIPPING ORE BODIES

Статья посвящена повышению эффективности подземной разработки сложных мощных крутопадающих рудных тел. Предложена технология разработки таких тел сплошной слоевой выемкой наклонных прирезок с комбинированной закладкой, защищенная патентом

Ключевые слова: рудное тело, слоевая выемка, наклонные прирезки, закладка

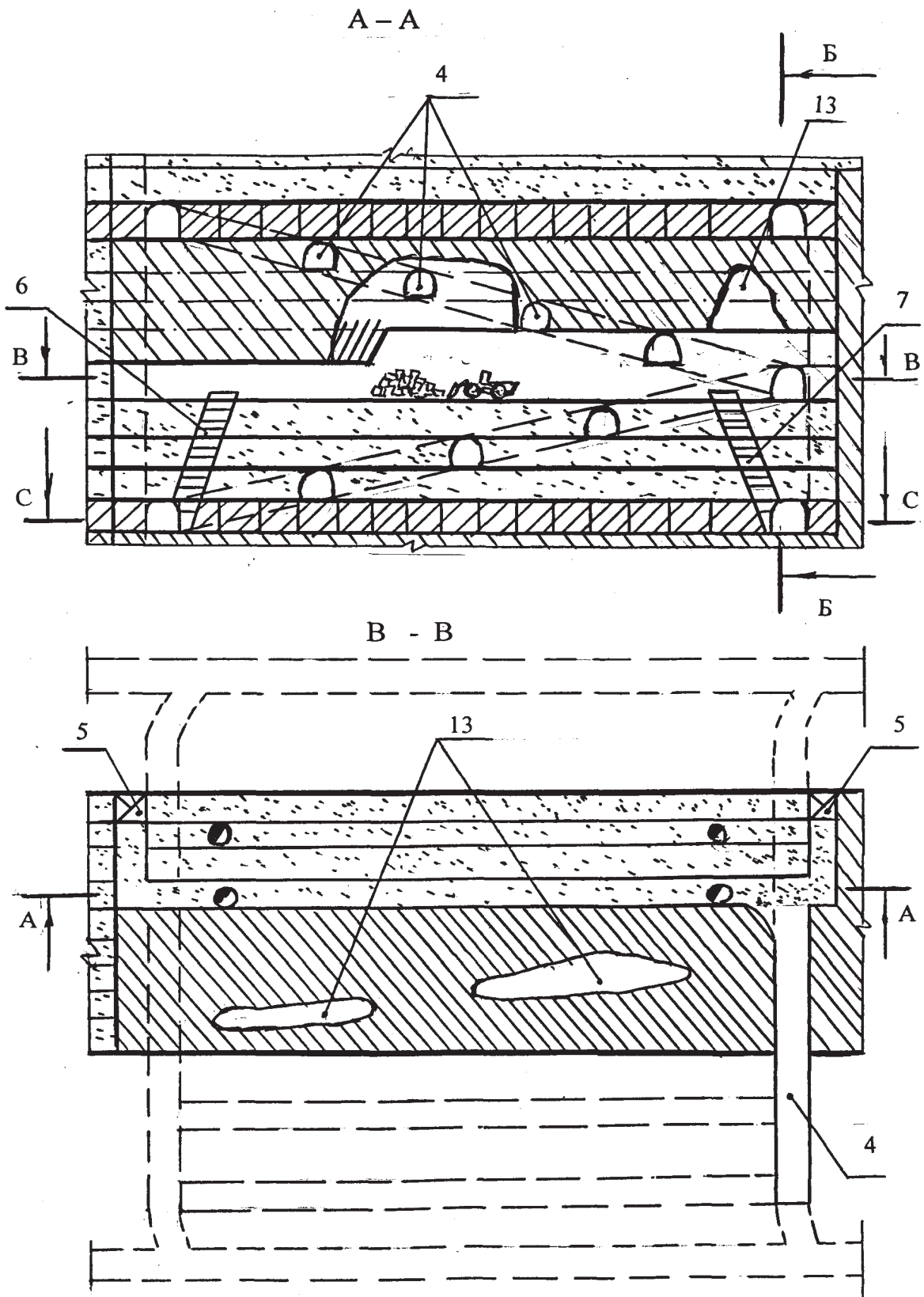
The article considers increased efficiency of underground extraction of complicated thick steeply dipping ore bodies. The patented mining technology for such bodies by continuous drift slicing of inclined cutbacks with combined backfilling is offered

Key words: ore body, drift slicing, inclined cutbacks, backfilling

В настоящее время подземная разработка рудных месторождений сталкивается с целым рядом проблем, среди которых следует выделить возрастание горного давления, связанное с переходом горных работ на более глубокие горизонты и низкое качество руд, усугубляемое наличием в структуре рудных тел мелких и крупных породных включений. Распространенной системой разработки мощных крутопадающих рудных залежей является этажно-камерная система с отбойкой руды скважинами большого диаметра. Система высокопроизводительная, однако характеризуется существенными недостатками: потери руды в целом по блоку достигают 18...20 %, которые возрастают в условиях повышенного горного давления вследствие увеличения размеров целиков, сложностью, иногда невозможностью выделения пород при отработке сложных рудных тел. Предлагаемая система разработки сплошной слоевой выемкой наклонных прирезок с закладкой

[1] частично устраняет отмеченные недостатки, а также способствует оздоровлению окружающей среды, поскольку в качестве закладочного материала-заполнителя рекомендуется использовать отвальные (текущие) хвосты обогащения.

Сущность предложенной системы разработки заключается в следующем. Рудное тело в пределах очистного блока в направлении вкрест простирания условно делится на наклонные прирезки шириной до 8 м в зависимости от устойчивости руды с углом наклона, равным углу падения тела. Каждую прирезку отрабатывают снизу вверх горизонтальными слоями толщиной 3,0...3,5 м начиная от висячего бока (рис. 1). Выработанное пространство отработанного слоя закладывают. При взрывании шпуровых зарядов в последнюю очередь взрывают заряды со стороны висячего бока, что позволяет формировать более удобный для погрузочных работ навал руды.

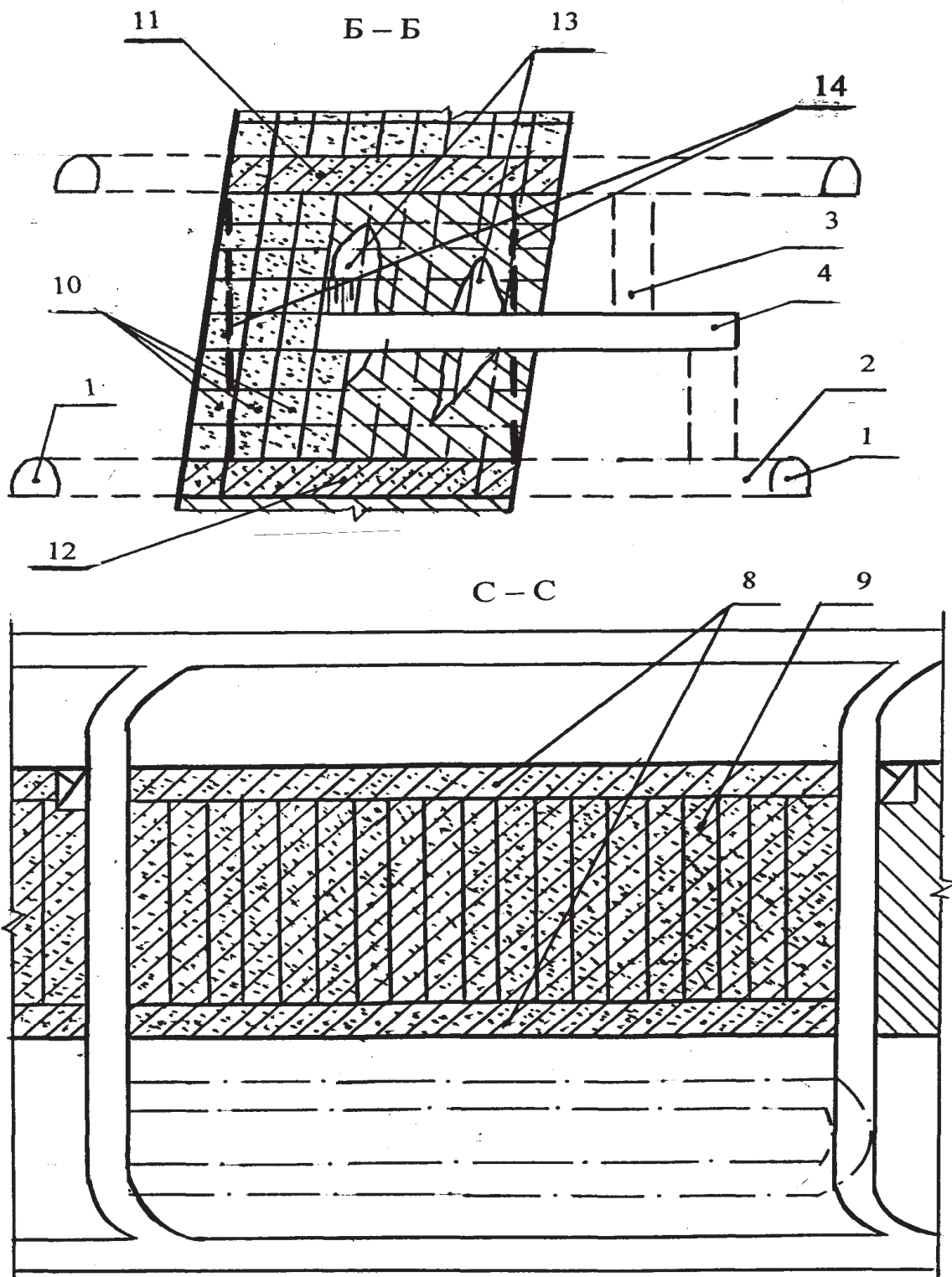

Рис. 1. Система разработки крутопадающих сложных мощных рудных тел сплошной слоевой выемкой наклонных прирезок с закладкой

Подготовка блока включает проходку полевых откаточных штреков 1 висячем и лежачем боках, полевого наклонного съезда 3 с заездами 4 на очистные слои, на флангах блока – проходку откаточных ортов 2 и блоковых восстающих 5. В процессе очистной выемки на флангах блока в выработанном пространстве выкрепляют рудоспуски 6 и породоспуски 7. Нарезные работы состоят из выемки заходками первого (нижнего) слоя толщиной 3,5...4 м на всю ширину блока. С этой целью (разрез С – С) из откаточного орта 2 у висячего и лежачего боков проходят разрезные рудные штреки 8. Из разрезного штрека у висячего бока в направлении к лежачему в определенной последовательности обрабатывают, подготавливают к закладке и заполняют твердеющей закладочной смесью заходки 9 с предварительным устройством в них объемно-пространственных арматурных решеток. После выемки и закладки всех заходов нижнего слоя образуется железобетонный щит 12, служащий искусственной потолочной 11 при обработке нижележащего блока.

При выемке прирезок породу из породных включений 13 отбивают и выдают раздельно, используя породоспуски 7.

Особенностью предлагаемой системы разработки мощных крутопадающих рудных тел является выбор типа закладки, способной сохранять свою форму и устойчивость в поперечных направлениях в случае обработки смежных слоев. Такой закладкой при использовании отвальных (текущих) хвостов обогащения может быть известная гранулированная твердеющая закладка. Существенным недостатком указанной закладки является ее повышенная стоимость, обусловленная высокой ценой цемента, имеющей тенденцию к росту вследствие увеличения в стране гражданского и промышленного строительства. Гидравлическая закладка снижает издержки на закладочные работы, но при выемке слоя ее невозможно удержать в границах смежного, уже отработанного и заложеного слоя соседней прирезки. Возможен вариант че-

редования твердеющей и гидравлической закладки: одну прирезку обрабатывать с применением твердеющей, смежную – гидравлической. Затраты снижаются, но остаются достаточно высокими. Нами предложена конструкция (рис. 2), включающая бесцементную гранулированную закладку 2 и удерживающую бетонную стенку 1 со стороны смежного слоя. Таким образом, границами отработанных слоев являются бетонные стенки, толщина которых принимается в зависимости от угла падения рудного тела, принятых ширины слоя и прочности стенки.

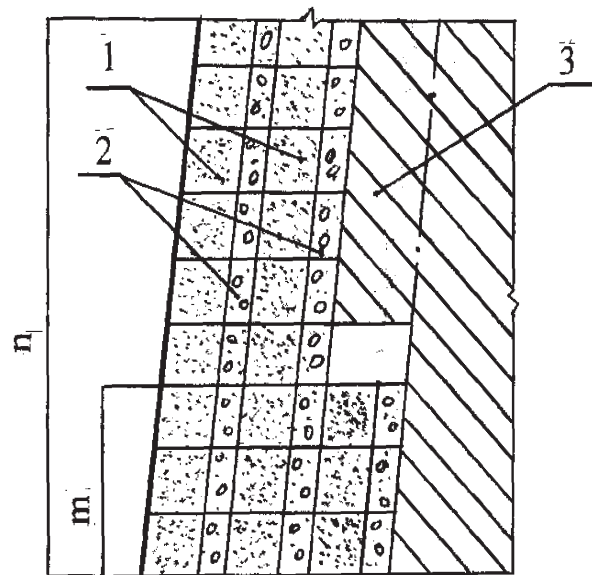

Рис. 2. Схема комбинированной закладки выработанных пространств очистных слоев при выемке наклонных прирезок: 1 – бетонные стенки; 2 – гранулированная закладка в отработанных слоях; 3 – наклонные прирезки

Достоинствами предложенной системы разработки крутопадающих мощных рудных тел сплошной слоевой выемкой наклонных прирезок с закладкой являются следующие:

– простота конструкции. В отличие от систем подэтажных штреков и этажно-камерной обработки отпадает необходи-

мость проходки рудоприемных, выпускных и доставочных выработок. Руда отбивается на подошву закладочного слоя, грузится и доставляется ПТМ до фланговых рудоспусков;

– *селективная выемка*. Месторождениям руд цветных металлов характерно сложное структурное строение, обуславливающее высокое конструктивное разубоживание. В процессе слоевой выемки наклонных прирезок породные включения извлекаются раздельно;

– *извлечение запасов из рудных тел сложной формы*. Небольшая высота отработываемых слоев в сочетании со шпуровой отбойкой позволяет «вписываться» в изменчивую конфигурацию контактов со стороны висячего и лежащего боков;

– *высокая полнота выемки*. Обеспечивается в системе отработкой блоков без оставления естественных целиков, т.к. отпадает необходимость в днище, естественная рудная потолочина заменяется искусственным целиком – потолочиной, исключается потребность в междублоковых целиках – одновременно с извлечением запасов возводится закладочный массив. Источниками потерь руды являются рудная мелочь на подошве слоя, оставление части не отбитой руды по контактам, которые могут быть сокращены в случае более качественного выполнения соответствующих производственных процессов;

– *возможность раздельной выемки сближенных крутопадающих рудных тел*. Общий порядок отработки блока – от рудного тела в висячем боку к лежащему, что обеспечивается заездами от наклонного съезда, которые проходят до висячего бока крайнего рудного тела, вскрывая при этом всю свиту тел. Породные прослои между рудными телами оформляют во внутриблоковые целики;

– *универсальность системы разработки*. Предлагаемая система разработки может применяться на верхних и нижних горизонтах рудника, в условиях небольшого и повышенного горного давления. Важным условием применения предложенной сис-

темы является достаточная устойчивость руды, поскольку очистные работы ведутся под обнаженным рудным массивом.

Основные недостатки системы связаны с трудоемкостью и затратностью закладочных работ, а также многостадийным характером извлечения запасов блока – послойной выемкой прирезок.

Применительно к горно-геологическим условиям Ново-Широкинского золото-полиметаллического месторождения, представленного рудами средней ценности, нами выполнено технико-экономическое сравнение этажно-камерной системы разработки с применением комплекса самоходных машин. В сравнительной оценке учитывались затраты на разведку месторождения, проектирование и строительство горного предприятия, налог на добычу, плата за основные фонды, затраты на подготовительно-нарезные работы, отбойку, доставку, транспортирование, подъем рудной массы и ее обогащение, складирование хвостов в хвостохранилище, закладочные работы. Затраты на перевозку рудной массы до обогатительной фабрики в сравнении не учитывались, т.к. она непосредственно примыкает к скиповому стволу Новоширокинского рудника, что является эффективным проектным решением, принятым ОАО «ЗабайкалцветметНИИпроект». Удельная экономическая эффективность предложенной системы оказалась в 2,08 раза выше. Расчетные потери и разубоживание в целом по блоку при этажно-камерной системе соответственно равны 14 и 9,7 %, в предложенной – 2,8 и 6 %. Система разработки мощных крутопадающих рудных тел сплошной слоевой выемкой наклонных прирезок с закладкой может быть внедрена на Ново-Широкинском золото-полиметаллическом месторождении, а также на Многовершинном золоторудном месторождении при отработке запасов нижних горизонтов. Но для этого необходимо спроектировать закладочные комплексы с включением в них грануляторов.

Литература

1. Патент РФ № 2327038, МПК E21C 41/22.

Пирогов Г.Г. Способ разработки сложноструктурных крутопадающих мощных и средней мощности рудных месторождений // Заявка: 2006137269/03, 20.10.2006; опубл. 20.06.2008, Бюл. № 17.

Коротко об авторе _____ *Briefly about the author*

Пирогов Г.Г., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел. : 32-29-25

G. Pirogov, Doctor of Engineering Science, Professor,
Chita State University

Научные интересы: научное обоснование и создание новых технологий разработки рудных месторождений

Areas of expertise: scientific substantiation and creation of new technologies of ore deposits mining

---

Социальная медицина

УДК 616-606

Вощенко Анатолий Владимирович
Anatoliy Voshenko

Кохан Сергей Тихонович
Sergey Kokhan

ОСОБЕННОСТИ СЕЛЕНОДЕФИЦИТНОЙ КАРДИОМИОПАТИИ У ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

PECULIARITIES OF SELENIUM DEFICIENCY CARDIOMYOPATHY OF CANCER PATIENTS

Рассмотрены особенности обмена селена при онкологических заболеваниях, которые в последующем приводят к развитию селенодефицитной кардиомиопатии. Показана закономерность повышения содержания селена в тканях опухоли вследствие перераспределения селеносодержащих активных соединений и ферментов для купирования онкологического процесса. С целью предупреждения селенодефицитной кардиомиопатии предлагается применение препаратов селена

Ключевые слова: селенодефицит, кардиомиопатия, онкология, опухоль, ферменты

In the given article peculiarities of selenium exchange of oncological diseases which lead to the development of selenium deficiency cardiomyopathy are regarded. The author shows the regularity of increase of selenium content in tumor tissue in consequence of redistribution of selenium-containing active compounds and enzymes for jugulating of oncological process. To prevent selenium deficiency cardiomyopathy the using of selenium preparations is offered

Key words: selenium deficiency, cardiomyopathy, oncology, tumor, enzymes

По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 г. в мире станет вдвое больше людей с онкологическими заболеваниями. Ежегодно в мире регистрируется 10 млн новых случаев раковых заболеваний, являющихся распространёнными причинами смертности. Количество людей, ежегодно умирающих от рака, составляет более 6 млн чел. и в ближайшее время может выйти на первое место среди причин смертности, опередив сердечно-сосудистые заболевания.

В заключительном отчёте по завершению программы «По преодолению не-

достаточности селена среди жителей Финляндии» отмечено снижение смертности у больных с онкологической патологией в 1,8 раза и снижение смертности от сердечно-сосудистой патологии в 1,7 раза. При этом продолжительность жизни у женщин увеличилась на 6 лет, у мужчин – на 8 лет. Причем непосредственно изменений в заболеваемости онкологической патологией выявлено не было [7; 13; 16]. Анализируя эти результаты программы, нами было вскрыты ранее не отмеченные особенности обмена селена при онкологической патологии. По нашему мнению, значительное увеличение

смертности у онкологических больных связано с развивающейся селенодефицитной кардиомиопатией, при которой помимо повышенной экскреции селена из организма в онкологическом процессе способствует и недостаточное поступление его с пищей (недостаточность селена в окружающей среде) [7; 8; 13]. Проведенная корреляция поступления селена в Финляндии остановила прогрессирование кардиомиопатии, тем самым предотвратила преждевременную

смерть от острой сердечной недостаточности, которая, как правило, возникает при кардиомиопатии, и увеличила продолжительность жизни.

Высокий уровень заболеваемости и смертности у онкологических больных и отсутствие научно обоснованных причин смерти дают основание считать изучение этих проблем весьма актуальным [3; 5; 6].

На рисунке представлена схема обмена селена при онкологической патологии.

Схема обмена селена при онкологической патологии

Наши исследования обмена селена у онкологических больных дали обнадеживающие результаты. Как и у многих других исследователей, установлена закономерность повышения содержания селена непосредственно в тканях опухоли 310...670 мкг/кг, при 80...170 мкг/кг в непоражённых участках [4; 15]. Это объясняется перераспределением селеносодержащих активных соединений и ферментов для сдерживания онкологического процесса [10].

Антиоксиданты способны ингибировать активацию канцерогенов путем окислительных процессов *in vivo*, стабилизируя потенциальные предшественники, такие как полиненасыщенные жирные кислоты, а также путем детоксикации.

Селеновые соединения после взаимодействия с опухолевыми клетками и фрагментами их распада направляются в почки для выведения из организма, при этом отмечается относительное повышение в плазме

ме крови и значительное в паренхиме почек.

Объективные данные обследования подтверждают наличие кардиомиопатии. Это характерные жалобы на слабость, недомогание, снижение двигательной активности, аритмию, головокружение. Артериальное давление в 76 % случаев понижено, сердечные тоны приглушены, аритмичные. При исследованиях ЭКГ практически у всех больных выявляются аритмии, нарушения атриовентрикулярной проводимости, блокады ножек пучка Гиса. Метаболические и диффузно-дистрофические изменения в миокарде при ЭКГ подтверждаются эхокардиографическими исследованиями: диффузным гипокинезом, снижением сегментарной сократимости, различными видами регургитации. Дилатационное расширение полостей сердца встречается редко, и это связано с тем, что сроки развития селеновой недостаточности небольшие и, как правило, возраст больных, при котором в организме человека наступает «возрастная стабильность» [1].

Анализируя полученные результаты, констатируем, что в тканях опухоли уровень содержания селена в 2...3 раза выше, чем в окружающей ткани, что отражает довольно высокую активность селенозависимых ферментов, аминокислот и других соединений. Высокое содержание селена в почках и моче напрямую связано с утилизацией «отработанных» фрагментов селеновых соединений. На фоне некоторого повышения содержания селена в плазме крови за счёт увеличения транспорта селена его уровень остаётся значительно ниже, чем у здоровых людей.

Закономерность экскреции селена из организма онкологического больного можно представить следующим образом. Из депо внутренних органов селенозависимые ферменты и активные селеносодержащие соединения направляются в ткань опухоли для сдерживания её развития [3; 16]. Безусловно, часть ферментов и активных соединений участвуют непосредственно в развитии опухоли. Из ткани опухоли фрагменты

и видоизменённые селеновые соединения поступают в кровеносное русло для последующего выведения, в основном, через почки. В почках часть селеновых соединений подвергается восстановлению, другая часть элиминирует [9; 14].

По нашим данным, повышенная экскреция селена с мочой выявляется практически сразу с постановкой онкологического диагноза. Допускается, что повышенная экскреция была задолго до установления диагноза, с первых дней развития опухоли.

С нарастанием клиники заболевания выведение селена увеличивается. Некоторые медицинские мероприятия способствуют дополнительному выведению: лучевая и химиотерапия, оперативное вмешательство, диагностические лучевые исследования, биопсия и т. д. [1; 11].

По нашим данным, при проведении лучевой терапии содержание селена в моче увеличивается на 20...40 %, а от химиотерапии – на 5...15 %. Эти потери усугубляют селеновую недостаточность и способствуют развитию селенодефицитных патологий: кардиомиопатии, анемии, дистрофии поджелудочной железы и печени, церебропатии [2; 12].

Проведённые патолого-анатомические вскрытия онкологических больных подтверждают, что имеющиеся изменения в миокарде характерны для селенодефицитной кардиомиопатии: низкое содержание селена в миокарде 36...81 мкг/кг, выраженный очаговый и диффузный кардиосклероз, фрагментация мышечных волокон с глыбчатым распадом, очаги цитолиза [2; 12].

Развивающаяся кардиомиопатия проявляется хронической сердечной недостаточностью, которая при определённых условиях может перейти в острую сердечную недостаточность с прекращением сердечной деятельности и смерти больного. Безусловно, эту смерть на данном этапе болезни нужно признать преждевременной, потому что причину её – недостаточность селена – легко компенсировать, назначив с установкой диагноза 300...500 микрограммов селена в день любым препаратом («Неоселеном»,

БАДами «Астрагал» и «Исинга», селеновыми сиропами и т.д.) [2; 4; 6].

Сложность диагностики селенодефицитной кардиомиопатии заключается в том, что специфических диагностических признаков недостаточно. Основными остаются низкое содержание селена в крови (ниже 60 мкг/кг) и повышенное в моче (выше 20 мкг/л).

Таким образом, наличие онкологического

заболевания в организме человека приводит к перераспределению эссенциального элемента селена и повышается его выведение, приводящее в последующем к селенодефицитной кардиомиопатии с преждевременным летальным исходом. Для предотвращения недостаточности селена и в последующем преждевременного летального исхода будет достаточным назначение селеносодержащих препаратов.

Литература

1. Вощенко А.В. Алиментарная селенодефицитная эндемическая дилатационная кардиомиопатия. — Чита, 1998. — 82 с.
2. Зубкова Л.Л., Смекалов В.П., Минина Л.А. Селенодефицитная кардиомиопатия у детей раннего возраста в Забайкалье. — Иркутск, 2003.
3. Микроэлементозы человека / А.П. Авцын [и др.]. — М.: Медицина, 1991. — 495 с.
4. Никитина Л.П., Иванов В.Н. Селен в жизни человека и животных. — М., 1995. — 242 с.
5. Селен: программа ООН по окружающей среде // Всемирная организация здравоохранения. — Женева, 1989. — 270 с.
6. Селен в организме человека: метаболизм, антиоксидантные свойства, роль в канцерогенезе / В.А. Тутельян [и др.]. — М.: РАМН, 2002. — 224 с.
7. Aro A., Alftban G. Effects of supplementation of fertilizers on human selenium status in Finland // *Analyst*. — 1995. — Vol. 120. — P. 841-843.
8. Changes in diet in Finland from 1972 to 1992. Impact on coronary heart disease risk / P. Pietinen [et al.] // *Prev. Med.* — 1996. — Vol. 25. — P. 243-250.
9. Clark L.C., Cantor K.P., Allaway W.H. Selenium in forage crops and cancer mortality in US counties // *Arch. Environ Health*. — 1991. — Vol. 46. — P. 37-42.
10. Combs G.F., Gray W.P. Chemo preventive agents: selenium // *Pharmacol. Ther.* — 1998. — Vol. 79. — P. 179-192.
11. Combs G.F., Lu L. Selenium as a cancer preventive agent. 2001. — Vol. 12. — P. 205-217.
12. Levander O.A., Morris V.C., Higgs D.J. Effects of super oxide dismutase SOD on selenium-stimulated glutathione GSH-induced swelling of rat liver mitochondria // *Fed. Proc.* — 1974. — P. 187-196.
13. Nationwide selenium supplementation in Finland. Effects on diet, blood and tissue levels, and health / P. Varo [et al.] // *Selenium in biology and human health*. — N.Y.: Springer-Verlag, 1994. — P. 198-218.
14. Plasma selenium level before diagnosis and the risk of prostate cancer development / J.D. Brooks [et al.] // *J. Urol.* — 2001. — Vol. 166. — P. 2034-2038.
15. Shamberger R.J., Tytko S.A., Willis C.E. Antioxidants and cancer. Part VI. Selenium and age-adjusted human cancer mortality // *Arch. Environ. Health*. — 1976. — Vol. 31. — P. 231-235.
16. Schrauser G.N., White D.A., Schneider C.J. Cancer mortality correlation studies. III. Statistical association with dietary selenium intakes // *Bioinorg. Chem.* — 1977. — Vol. 7. — P. 35-56.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Вощенко А. В., канд. мед. наук, доцент, профессор кафедры основ медицины, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел. 35-58-75

A. Vozhenko, Ph. D. (Medicine), Assistant Professor, Professor of Department of Medicine Basics, Chita State University

Научные интересы: изучение краевой патологии, микроэлементозов, болезни Кашина-Бека, Кешанской болезни

Areas of expertise: endemic medicine, microelement shifts, Kashin-Beka disease, Keshansky disease

Кохан С. Т., канд. мед. наук, доцент, заслуженный врач России, Республики Бурятия, заслуженный работник здравоохранения Читинской области, зав. кафедрой основ медицины, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел. 35-58-75

S. Kokhan, Ph. D. (Medicine), Assistant Professor, Honored Physician of Russia and Buryat Republic, Honored Veteran of Public Health of Chita Region, Head of Department of Medicine Basics, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: влияние экологических факторов на состояние здоровья населения Забайкалья

Areas of expertise: impact of ecological factors on health of Transbaikalian population

---

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ И ПРИЗНАКИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНУЮ ГРУППУ «ОДИНОКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

STATUS POSITIONS AND FEATURES DETERMINING «LONELY WOMEN» AS A SOCIAL GROUP

Обосновано выделение социальной группы «одинокие женщины». В основу идентификации положены две статусные позиции: брачный статус; возрастные границы, а также два существенных признака:

- 1) негативное психологическое состояние одинокой женщины;
- 2) проявление эффекта статусной рассогласованности

Ключевые слова: одинокие женщины, статусные позиции, статусная рассогласованность, брачный статус

The author describes a social group of «lonely women». Two positions (marital status and age) were used for its identification. In the article two main features of the group were singled out: negative psychological condition of a lonely woman and her status misalignment

Key words: lonely women, status positions, status misalignment, marital status

Статусные позиции разделяются на индивидуальные и групповые. Как первые, так и вторые в социальном пространстве занимают определенное место, находятся в тех или иных отношениях с другими статусными позициями. Групповая статусная позиция — это социальная группа, т.е. обособленная часть социального пространства.

В научной литературе не существует четкого определения социальной группы «одинокие женщины». Житейское, разговорно-бытовое определение понятия «одинокая женщина» предполагает женщину без семьи и, в общем-то, не делает различия между женщинами, никогда не вступавшими в брак, разведенными, разошедшимися или овдовевшими. Избежать подобных неясностей можно, если в качестве критериев

«женского одиночества» определить его существенные статусные позиции и признаки.

Анализируя социологические работы [1], касающиеся одиночества, можно выделить три основных подхода к изучению указанного явления: демографический, социологический и психологический.

В демографическом понимании термин «одиночество» (статус безбрачия, отсутствие официального жизненного партнера) объединяет следующие слои: женщин, никогда не состоявших в браке, вдов, разведенных и разошедшихся, т.е. официально не оформивших свой развод.

Демографический подход включает рассмотрение одиночества как фактора, оказывающего влияние на воспроизводство

населения (исторические типы брачности, тенденции в изменении брачности, влияние диспропорции численности полов на брачность и т.п.). Принимая во внимание то обстоятельство, что процесс брачности исторически обусловлен, в значительной мере подвержен влиянию социального устройства общества и процессов, в нем происходящих, исследователи считают, что уровень брачности различается в социальных группах, резко дифференцированных в современных условиях.

Эти условия определяют такие демографические показатели, как возраст вступления в брак основной массы каждого поколения, долю ранних браков, распространенность окончательного безбрачия. Демографические параметры последнего десятилетия показывают, что прежде доминировавшая устойчивая тенденция, ориентирующая на семейную жизнь и прочный моногамный брак, начинает ослабевать. Происходит переоценка ценности семьи как социального института, важности ее проблем, а также тех потребностей, которые необходимо и целесообразно удовлетворять в семье. От этих оценок, закрепляющихся в общественном и индивидуальном сознании, в значительной мере зависит формирование ценностного отношения к семье, составляющего основу брачной мотивации. Поэтому распространение идеологии одиночества как предпочтительной модели образа жизни подрывает сами основы функционирования института семьи.

Стремительный рост числа незамужних женщин и неженатых мужчин пришелся в СССР на начало семидесятых годов. Газеты называли тогда цифру 65 млн [2]. Цифра эта, хотя и повторенная потом в книгах, вряд ли была точной, но определенное представление о масштабах явления она все же давала. Оно было настолько неожиданным, что сначала не поддавалось какому-либо объяснению. К тому времени число мужчин и женщин в возрасте до сорока-сорока пяти лет стало равным. Это не было демографичес-

ким эхом войны, одна волна уже прошла, другую следовало ждать лет через десять-пятнадцать.

Создавшуюся ситуацию пытались объяснить несколькими причинами, с различных сторон влияющими на создание и распад семей, рост числа одиноких людей. Среди них назывались урбанизация населения, активизация миграционных процессов, лимитные наборы рабочих в различные города, старение населения и др. Так или иначе, но эта проблема выросла до уровня наиболее острых социальных проблем нашего общества и затрагивает практически все социально-демографические группы.

Женщин в России больше, чем мужчин примерно на 10 млн. Однако если посмотреть по возрастным группам, то в группе 18...30 лет (возраст максимальной брачности) мужчин больше, чем женщин (соответственно 1: 0,974). Демографический дисбаланс объясняется тем, что женщины в России живут дольше в среднем на 10...13 лет, показатель смертности у мужчин больше, чем у женщин в 20...24 года в 2,7 раза, в возрасте 25...29 лет – в 2,9 раза, т.е. молодые мужчины умирают почти в 3 раза чаще, чем молодые женщины. Свыше 70 % причин ранней мужской смертности – несчастные случаи, отравления, травмы. Это следствие опасных мужских профессий, а также неосторожности, которая более свойственна мужчинам.

Еще больше впечатляет статистика суицидов: мужчины 20...24 лет кончают жизнь самоубийством в 4 раза чаще, чем женщины, а в 25...29 лет – в 6 раз. Таким образом, потенциально готовых к браку или долговременному партнерству мужчин меньше, т.к. их, в основном, «выводят из строя» «болезни» современной цивилизации: алкоголь, наркотики, преступность, психические и сексуальные расстройства.

Уже к 35 годам женщин становится больше, чем их ровесников-мужчин, а после 40 лет этот разрыв начинает доволь-

но быстро увеличиваться (39 лет – 1010; 40 лет – 1049; 55 лет – 1289 на 1000 мужчин), формируя демографическую составляющую женского одиночества. Так что стать со временем вдовой – удел подавляющего большинства женщин. А если учесть, что мужья, как правило, несколько старше своих жен, то стаж вдовства у них составит в среднем около 15 лет.

Кроме этого, в настоящее время брачно-семейная ситуация в России характеризуется такими тревожными тенденциями, как высокая интенсивность разводов и низкая компенсация их повторными браками, возросшая доля разводящихся во второй и третий раз, высокая бракоразводная активность женщин, увеличение среди молодых и средних возрастных групп населения доли мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак.

Прослеживаются заметные изменения брачной структуры населения: практически во всех возрастных группах старше 25 лет (как мужчин, так и женщин) произошло увеличение доли лиц, не состоящих в браке.

Проблема одиночества приобрела острый социальный характер среди женщин всего фертильного возраста. Рост числа одиноких женщин в возрасте 30...39 лет сопровождается негативными изменениями в их брачном статусе: отмечается возрастание числа женщин, никогда не состоящих в браке, разведенных и разошедшихся.

Демографическая специфика Забайкалья, связанная с более значительным, чем в среднем по России, преобладанием относительно молодого мужского населения (большая численность военнослужащих, преимущественная ориентация региона на горное производство) нивелируется к сорока годам (в среднем по России к 34 годам), но затем соотношение мужчин и женщин меняется заметно более быстрыми темпами в сторону преобладания последних: к 50-ти годам (1:1,033),

к 55-ти (1:1,07), к 60-ти (1:1,176).

Демографический дисбаланс объясняется тем, что женщины в Забайкалье живут дольше мужчин в среднем на 13 лет, а показатель смертности у мужчин больше, чем у женщин в 20...24 года в 4,5 раза, в возрасте 25...29 лет – в 3,6 раза, т.е. молодые мужчины умирают почти в 4 раза чаще, чем молодые женщины, в зрелом и старших возрастах мужчины умирают чаще в три раза. Очень весомый вклад в эту статистику – около 4000 ежегодно в течение последних двух лет – дали смерти от несчастных случаев (убийств, самоубийств, отравлений алкоголем, наркотиками и пр.).

Изложенный материал позволяет установить, что для определения понятия социальной группы «одинокие женщины» *первой существенной статусной позицией* является брачный статус. Брачный статус женщины определяет состоит (замужем) или не состоит (разведена, разошлась, вдова) она в браке. Причем здесь следует, видимо, уравнивать юридическую (зарегистрированный брак) и гражданскую (незарегистрированные брачные отношения) формы брака, т.е. существенным является одно обстоятельство: имеет или не имеет женщина постоянного жизненного партнера.

К существенным статусным позициям (*второй в нашем изложении*) следует отнести и возрастные границы, характеризующие описываемую группу. Причем обсуждать здесь можно только нижнюю возрастную границу, т.к. верхняя не определена в принципе. Базой для ее выделения может служить анализ распределения брачных объявлений по возрастным группам респонденток, приведенный в нашей работе [3].

На диаграмме (рис. 1), характеризующей это распределение, выявляются два пика активности. Первый (23,5 %) приходится на самый юный возраст респонденток – до 20 лет.

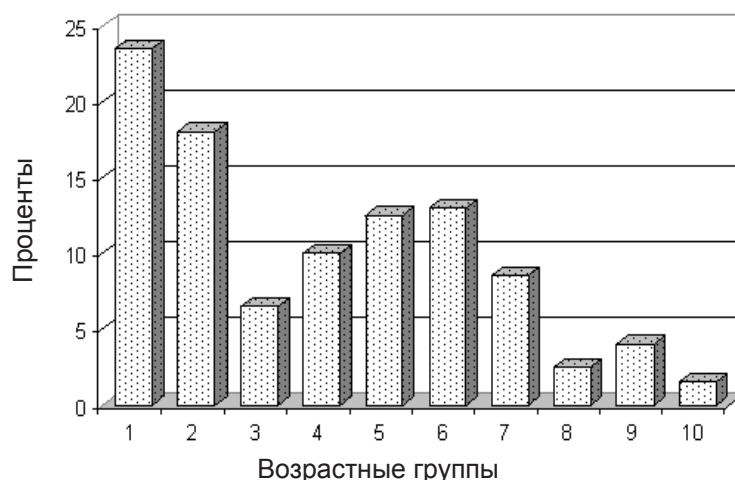

Рис. 1. Распределение брачных объявлений по возрастным группам женщин: возрастные группы: 1 – до 20 лет; 2 – 20...24; 3 – 25...29; 4 – 30...34; 5 – 35...39; 6 – 40...44; 7 – 45...49; 8 – 50...54; 9 – 55...59; 10 – 60 и более

Далее, по мере вхождения в активный брачный возраст (18...24 года), интенсивность обращения к непрямым формам знакомства снижается до 18 % и в возрастной группе 25...29 лет достигает минимума 6,5 %. Второй пик активности более растянутый, он приходится на возрастной период 35...44 года.

Таким образом, можно выделить два четко проявленных периода обращения к непрямым формам знакомства: первый – объединяющий самых юных девушек, ищущих скорее друзей, нежели партнеров

для семейной жизни, и девушек в возрасте максимальной брачности, испытывающих дефицит прямых форм общения, и второй – связанный в той или иной мере с наступившим «кризисом» любви и семейных отношений.

Выявленную на рис. 1 тенденцию однозначно подтверждает график, иллюстрирующий зависимость количества заключенных браков от возраста невесты (рис. 2): максимум заключенных браков приходится на минимум обращений в службы знакомств [4].

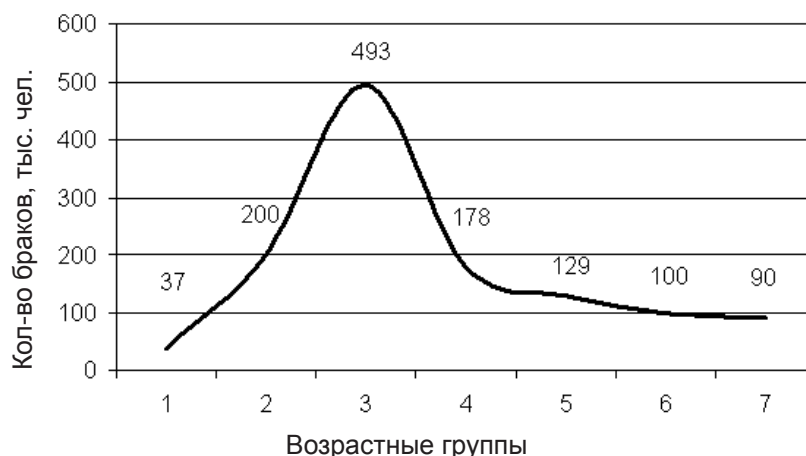

Рис. 2. Зависимость количества заключенных браков от возраста невесты: возрастные группы: 1 – до 20 лет; 2 – 20...24; 3 – 25...29; 4 – 30...34; 5 – 35...39; 6 – 40...44; 7 – 45...49

Анализ интенсивности обращения женщин к брачным объявлениям в зависимости от возраста показывает, что медиана этого возраста по женским объявлениям для различных регионов составляет 33-37 лет. Иными словами, большинство респонденток в этом возрасте вступило как бы во «второй круг жизни». Это понятие используется нами вслед за литовскими социологами [5], и мы также считаем, что оно несет некоторый элемент условности. К тем, кто проходит «первый круг», относятся девушки и юноши, вступившие в брачный возраст, но не состоящие в браке, и так называемые «молодые семьи». Ко «второму кругу» относятся немолодые и не состоящие в браке («старые девы» и «холостяки»), разведенные, разошедшиеся и вдовы.

Исходя из сказанного, начало второго интервала обращения к брачным объявлениям, следующего за возрастным периодом 25-29 лет, рассматривается нами как возрастная граница возможного качественного изменения жизни женщины (разрушение семьи, расторжение брака). Именно этот период мы принимаем за нижнюю возрастную границу социальной группы «одинокие женщины» и рассматриваем как *вторую существенную статусную позицию*. Верхняя возрастная граница, как мы упоминали ранее, не определима в принципе.

Теперь рассмотрим признаки, характеризующие социальную группу «одинокие женщины». К одному из *существенных* мы относим определенное психологическое состояние одиноких женщин, длительно сопутствующее им и превращающееся в хроническое переживание. Такое состояние способствует возникновению чувства безнадежности, подрывает способность ему противостоять. Тяжелая форма одиночества может означать беспорядок и пустоту и вызывать индивидуальное чувство неприютности, ощущение того, что «человек не на своем месте». С точки зрения личностного ощущения одиночество порождает тревогу и страх. Такое положение становится невыносимым и стимулирует изменение

структуры поведения, которое может стать пагубным для человека и общества.

Существующее мнение [6] о якобы более гибком адаптивном механизме женщин объясняется, на наш взгляд, не их лучшей приспособляемостью к социальным катаклизмам, а определенной отстраненностью от тех сфер жизни, где идет «крутая мужская игра»: переделы собственности, сфер влияния, власти, политических статусов. Исторически женщины в России в своей массе как бы изолированы от большого мира событий. Однако и тех сфер жизни, которые никак не минуют женщин, вполне «достаточно», чтобы «отстать» только в два раза от мужчин по такому показателю, как коэффициент смертности [7]. Рост смертности в России нередко объясняют ухудшением экологической обстановки. Однако мощный рост смертности женщин от самоубийств и чисто «мужской» болезни – инфаркта миокарда – практически во всех возрастных группах опровергает это мнение. Корни явления сугубо социальные: трудности поиска своего места в условиях хаотически реформирующейся среды.

Основанием, на котором зиждутся многие проблемы одиноких женщин в постсоветской России, является социальная дискриминация женщин.

В российской науке сложилось традиционное отношение к изучению социальной дискриминации женщин. Во-первых, ее рассматривали в большей мере как проблему юридическую, что обуславливало правовой подход к проблеме. Однако известно, что права, закрепленные юридическими нормами, нередко отличаются от их реального осуществления. Поэтому мировое сообщество в лице правительств 190 государств, принимавших участие в работе IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995 г.), признавая, что «неравенство между женщинами и мужчинами по-прежнему существует», подтвердило свою «приверженность к обеспечению полного осуществления прав человека, женщин и девочек в качестве неотъемлемой, составной и неделимой части всеоб-

щих прав человека и основных свобод».

Другим, также традиционным подходом к исследованиям социальной дискриминации женщин является психологический подход на уровне микросоциума: анализа семьи. Он ограничивается изучением межличностных отношений в микрогруппе, психологии подавления достоинств и свободы женщины, исходя из разных сексуальных ролей двух полов. При этом в основу анализа кладутся как биологические различия между полами («биологический пол») [8], так и разные культурные представления о поведении мужчин и женщин. Иначе говоря, гендерная идентичность и гендерные идеалы: мужественность-женственность.

И правовой, и философско-психологический подходы дают возможность изучить лишь отдельные аспекты дискриминации женщин как социального явления. Существенно увеличить степень изученности этого явления может социологический подход, позволяющий познать это явление во всей его полноте и сложности различных социальных связей и взаимозависимостей.

С позиций социологического подхода объектом социальной дискриминации являются женщины как особая социогендерная общность, обладающая конкретными демографическими характеристиками, многоуровневыми функциями и определенным социальным статусом [9].

Социологический подход исходит из того, что субъектами социальной дискриминации женщин являются: а) мужчины (если анализ ведется на уровне семейно-бытовых отношений), обладающие конкретными демографическими характеристиками, своей социальной ролью и гендерной идентичностью; б) общество как носитель определенных социальных отношений; в) государство в лице его социальных институтов, регулирующих отношения полов, способствующее или, напротив, нарушающее принципы гендерного равновесия в составе властных институтов в вопросах распределения рабочей силы в различных сферах занятости.

С позиций социологического анализа в основе социальной дискриминации женщин лежит их социальное неравенство с мужчинами. Это неравенство американский социолог Н. Смелзер определяет как «условия, при которых люди имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж» [8].

В условиях обострения конкуренции на рынке труда одинокая женщина встречается с заведомо подозрительным отношением к себе как работнику, ощущает постоянную и разнообразную по формам дискриминацию в сфере труда, прежде всего — в связи с наличием или перспективой наличия несовершеннолетних детей.

Причину женской «уступчивости» и терпимости к дискриминации следует искать не только в современных трудовых отношениях, но и в более глубинных социальных нормах и правилах. На их основе в обществе сформировалась гендерная культура, которая веками производит и воспроизводит отношения между мужчинами и женщинами как иерархические, неравные, подчиненные. Для аргументации «естественности» и «законности» такого гендерного порядка используется авторитет религии («Всякому мужу глава Христос, жене глава — муж...»), философии («Идя к женщине, не забудь плетку» — Ницше), а в последние годы еще и СМИ (рекламные ролики о домохозяйках, весь смысл жизни которых сводится к приготовлению «супчика» и отбеливанию рубашек для мужа). Образы женщин, создаваемые, транслируемые и внедряемые в общественное сознание СМИ, соответствуют традиционным гендерным стереотипам: «женщина-мать и жена», «преступница или жертва», «сексуальная приманка».

Эти образы не только затрудняют социализацию одиноких женщин и становятся барьером на пути их самореализации, но и противоречат правде жизни, которая требует от современных женщин стойкости, ответственности, уверенности и других качеств, которые помогают им справляться со сложными жизненными ситуациями как в обществе, так и в семье.

В настоящее время женская безработица приобрела черты застойного явления с элементами десоциализации и деградации попавших в это состояние людей. Как следствие возникла угроза пауперизма для женщин России, и особенно Сибири: среди них активно формируется слой пауперов-спекулянтов розничной торговли, наводнивших города и не поддающихся статистическому учету. И эта проблема острее проявляется по отношению к одиноким женщинам с их неустанной заботой о материальном обеспечении семьи. Кажущаяся эффективность и привлекательность челночного бизнеса, особенно развитого в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока, вовлекает в эту сферу многих одиноких женщин. Однако для них он часто оборачивается изматывающим и непосильным трудом, сопровождающимся повышенными нервными нагрузками, приводящими к стрессам, психическим срывам, общему ухудшению здоровья. В последние годы и этот источник доходов многих одиноких женщин значительно сокращается в связи с захватом этого рынка китайскими торговцами из приграничных с Забайкальем районов Китая.

В современной России закрепился общественный порядок, который обеспечивает успех тем, кто в большей мере обладает мужскими чертами. Чтобы адаптироваться в этих условиях, женщины должны имитировать образцы мужского ролевого поведения, и успешная адаптация к рынку предполагает для них одновременно и освоение моделей мужского поведения, иными словами, оборачивается двойной адаптацией.

Поскольку улучшить свой экономический статус, решить жизненные проблемы женщины могут не только осваивая чуждые им мужские стереотипы поведения, но и альтернативным способом — эксплуатируя свои природные качества: сейчас более ярко, чем на предыдущем историческом этапе, проявилась и утверждается коммерциализация сугубо женских, природных начал (красоты, женственности, сексуальности и пр.).

Приватизация государственного сектора экономики отрицательно сказалась на положении работающих женщин. И в условиях перехода к рынку именно государственные предприятия остаются для них основными работодателями. Условия занятости, оплаты женского труда здесь лучше (естественно, если предприятие работает). Разрыв между зарплатами мужчин и женщин в государственном секторе меньше, чем в частном.

В среднем зарплата российских тружениц в наши дни остается более чем на треть ниже, чем у мужчин. Объяснение — гендерная сегрегация в сфере труда, которая проявляется в различных оценках труда мужчин и женщин. Гендерная дискриминация в оплате труда является одной из наиболее острых проблем современного российского рынка труда. В целом по стране средняя заработная плата женщин составляла 63,3% от заработной платы мужчин. Разница в оплате труда в пользу мужчин имела место во всех отраслях и колебалась от 62,8% в промышленности (самое значительное расхождение) до 80% в образовании и управлении.

Гендерная асимметрия по оплате труда настолько велика, что прослеживается даже на уровне отраслей. Сопоставление отраслевых изменений занятости по полу с тенденциями изменений уровня заработной платы этих же отраслей позволяет сделать вывод, что за последнее десятилетие в отраслях с повышающимся уровнем заработной платы (финансы, торговля, управление, частное здравоохранение) мужчины активно и успешно конкурировали с женщинами за рабочие места, вследствие чего кадровый состав этих отраслей «маскулинизировался». А там, где зарплата имела тенденцию к понижению, мужчины покидали отрасли (образование, лесное хозяйство), оставляя рабочие места женщинам.

Низкую конкурентоспособность женщин на рынке труда предопределяет то, что большинство из них работает в дефицитных и кризисных отраслях материального производства, на должностях, не требую-

щих высокой квалификации, в основном в бюджетной сфере. По мнению социологов [10], изучающих проблему трудовой занятости женщин, основные причины такого положения следующие:

1) женщины исторически были привязаны к отраслям и секторам, сильнее всего зависевшим от государственного патернализма. Непропорционально большая доля женщин, в том числе с высшим образованием, традиционно была занята на рабочих местах с преобладанием неспециализированного и (или) рутинного труда (служащие в разного рода конторах). Труд этот, хотя и выполнялся людьми с высшим образованием (имел значение лишь сам факт диплома о высшем образовании, но никак не специальность), не требовал ни специального образования, ни специальной профессиональной подготовки и вел в лучшем случае к профессиональному застою, а чаще — к дисквалификации работника. В то же время именно те секторы экономики, которые наиболее ответственно и органично способны поглощать женскую рабочую силу (информационный, сектор услуг и т. п.), традиционно были «неприоритетными»;

2) на рынке труда женщины более пассивны, менее склонны к профессиональной мобильности, стремятся больше к социальному комфорту на рабочем месте, чем профессиональной самореализации и достижениям (из-за этого женщина придает очень большую роль неслужебным и неформальным отношениям в коллективе, почему руководители и считают женщин источником сложностей и напряженности в коллективе, скептически относятся к их профессиональным возможностям и не стремятся брать на работу);

3) женщины на протяжении десятилетий объективно больше зависели от рушащейся в условиях реформ системы социальных гарантий;

4) у женщин значительно сильнее, чем у мужчин, формальное образование (по диплому) не соответствует реальной квалификации и профессии, а реальные спе-

циальности не соответствуют фактическим потребностям на рынке труда;

5) на женщин давит «двойная занятость» — на производстве и в семье;

6) в обществе существуют сильные предубеждения насчет «должного» и «возможного» места женщин [9].

По официальным данным, примерно треть руководителей предприятий различных форм собственности признают, что предпочитают при приеме на работу мужчин, а не женщин. В частном секторе социальная дискриминация женщин имеет выраженный авторитарный характер, ставит работницу в большую зависимость от работодателя — мужчины, чем на государственных предприятиях. В целом, если оценивать распространенность социальной дискриминации женщин в производственной сфере, то она существует повсеместно, в секторах всех форм собственности. Однако на государственных предприятиях, ввиду их большой открытости, многочисленности персонала, интенсивно циркулирующей информации, факты нарушения прав женщин становятся широко известными.

Классификацию последствий социальной дискриминации женщин в сфере труда можно провести по ряду критериев [9; С. 8]:

1) по времени возникновения: последствия отдаленные и непосредственные. Среди отдаленных:

— ухудшение положения женщин в обществе, снижение их социального статуса;

— феминизация бедности; сегрегация по признаку пола в профессиональных сферах; суицидность в женской среде; «вымывание» женщин из сферы управления и властных институтов; люмпенизация женского населения; медленное развитие женского предпринимательства; усиление женской агрессивности; девиантное поведение женщин; отчуждение их от земли, кредитов, финансов.

Непосредственные последствия: унижение достоинства женщин; психологические стрессы, фрустрация; неполная занятость; усиление экономической зависимости от мужа; ограничение самореализации; по-

теря личной безопасности; недооплата труда; расширение серого (или «третичного») сектора в экономике и сфере предоставления услуг; насилие в семье; миграции женской рабочей силы;

2) по сферам проявления: дискриминация производственная и бытовая (непроизводственная);

3) по связи с социальными целями: прямые и косвенные; негативные и позитивные последствия. Среди последних можно отметить создание женских движений, неправительственных организаций по борьбе с дискриминацией и насилием в отношении россиянок; образование клубов (центров) помощи нуждающимся женщинам.

Пространство социальных угроз, которое воздействует на женский социум России и в большей мере Сибири, чрезвычайно широко и объемлет собой все сферы жизнедеятельности: экономическую, духовную, морально-правовую. Набор стрессовых обстоятельств у каждой женщины достаточно велик и складывается в среднем из 3-4 негативных факторов. Доминируют угроза нищеты, криминогенность социума, рост агрессивности в обществе, невозможность получить квалифицированную медицинскую помощь, улучшить жилищные условия. Поэтому подавляющее большинство одиноких женщин расценивают происходящее реформирование в России как социальный шок.

Наряду с названными проблемами, которые реально превращают повседневную жизнь российских женщин в постоянную борьбу за выживание, свой вклад в ухудшение их социально-психологического состояния вносят и различного рода страхи и опасения. В их числе в первую очередь [11]: страх потери здоровья (57,3 %), страх остаться без средств к существованию (44,2 %), боязнь возможных терактов или развязывания войны (30,8 %), страх превращения собственного ребенка в наркомана (30,3 %), опасения отсутствия перспектив для детей (20,8 %), боязнь остаться без работы (25,7 %), невозможности

получения самой или детьми хорошего образования (24,9 %), резкого роста жилищно-коммунальных платежей (24,5 %), неясности перспектив на будущее (21,8 %). Все остальные страхи и опасения разделялись менее чем пятой частью опрошенных женщин, включая, казалось бы, такие традиционные «женские» страхи, как измены любимого человека, боязнь не сохранить семью, страх старости и т.д.

Можно сказать, что на фоне тех опасностей и проблем, которыми изобилует сегодня жизнь российских женщин, им просто не до того, чтобы задумываться о той части их жизни, которая связана с интимно-эмоциональной сферой или взаимоотношениями мужчины и женщины. Им нужно, прежде всего, обеспечить физическое выживание своей семьи и сберечь детей, обеспечить им хотя бы минимальные шансы на нормальное будущее.

Особое внимание следует уделить страхам женщин, связанным с детьми. Если в среднем опасаются, что не смогут дать детям хорошее образование, четверть опрошенных женщин, то среди тех из них, у кого есть несовершеннолетние дети, этот показатель составляет около трети, превышая в семьях с тремя детьми и более пятидесятипроцентный рубеж.

Судя по тому, что отсутствие перспектив для детей входит в число основных страхов почти 40 % женщин, имеющих детей, достигая почти 50 % у имеющих трех детей и более, хорошее образование детей российские женщины теснейшим образом увязывают с их перспективами на будущее. А это означает, что осознаваемая значительной частью женщин невозможность дать детям необходимое образование означает для них только одно: их детям придется вести такую же непростую жизнь, как и им самим.

Более 40 % женщин, имеющих детей, независимо от их возраста, испытывают страх перед новым для России бедствием — наркоманией. А в группе тех, кто имеет детей старше 10 лет, этот страх испытывает уже свыше половины женщин.

Кроме того, почти 16 % женщин, еще

не имеющих детей, уже испытывают при этом страх превращения ребенка в наркомана. Думается, данное обстоятельство для какой-то части женщин может играть свою роль при решении вопроса о том, стоит ли вообще заводить ребенка.

Следует сказать, что с точки зрения психологического состояния российских одиноких женщин около трети из них вообще находятся, что называется, «на пределе». И хотя женщины, понимая свою ответственность перед семьей и детьми, стараются «держаться» и сохранять оптимизм, многие из них делают это буквально из последних сил (см. рис. 3).

Как видно из рис. 3, почти половина российских женщин испытывает практи-

чески постоянное ощущение несправедливости происходящего вокруг, около трети считают, что, хотя так дальше жить нельзя, но сами они не в состоянии повлиять на происходящее вокруг и при этом никого не волнует, что с ними происходит.

Результаты исследования [11] позволяют утверждать, что только 37,8 % российских женщин не испытывают часто хотя бы одного из этих чувств, при этом 19,3 % часто испытывают хотя бы одно из них, 17,4 % – два, 15,6 % – три, а 9,8 % постоянно испытывают все четыре названных выше чувства, т.е. их жизнь представляет собой с точки зрения их социально-психологического состояния сплошную беспросветность.

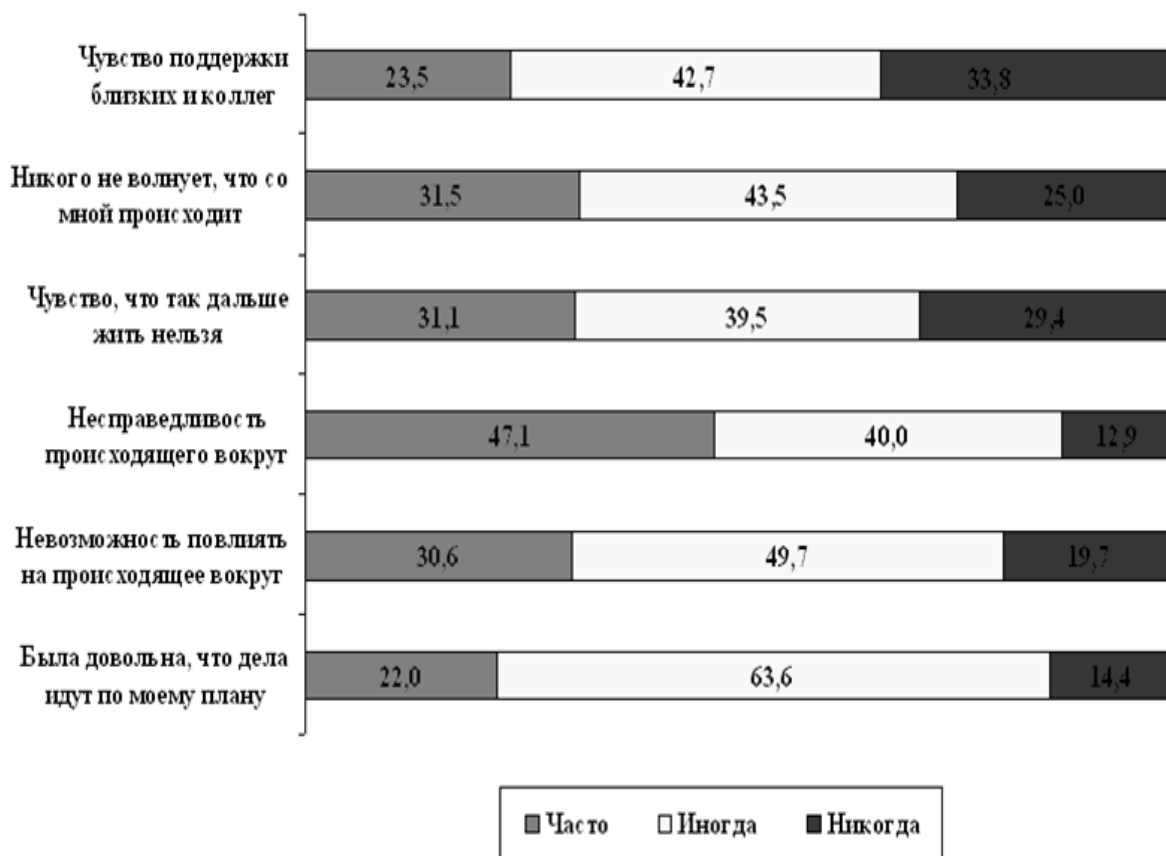

Рис. 3. Распространенность различных чувств, испытываемых российскими женщинами, % [11]

В цитируемом исследовании предпринята попытка выяснить, кто же из российских женщин находится в самом тяжелом психологическом состоянии. Наиболее значимыми из всех объективных характеристик оказались две – материальное положение и возраст (табл. 1).

Как видно из этой таблицы, среди высокообеспеченных женщин более половины (53,2 %) вообще не испытывали часто

ни одного из перечисленных выше чувств, в то время как среди бедных постоянно ощущали как минимум два из них свыше 40 %, а 14,1 % (ровно в десять раз больше, чем у высокообеспеченных) постоянно ощущали несправедливость происходящего вокруг, чувство, что так дальше жить нельзя, что сами они не в состоянии повлиять на происходящее вокруг и при этом никого не волнует, что с ними происходит.

Таблица 1

Психологическое состояние женщин в составе разных групп, %

Число негативных чувств, испытываемых «часто»	Группы женщин в зависимости от уровня их материальной обеспеченности				
	бедные	малообеспеченные	среднеобеспеченные	высокообеспеченные	
0	20,5	30,7	42,2	53,2	
1	20,5	17,5	19,0	20,1	
2	21,8	20,6	15,9	12,9	
3	23,1	17,0	14,6	12,2	
4	14,1	14,2	8,3	1,4	
Число негативных чувств, испытываемых «часто»	Группы женщин в зависимости от возраста				
	17-20 лет	21-25 лет	26-30 лет	31-40 лет	41-50 лет
0	41,5	44,5	43,8	32,5	28,3
1	19,6	19,7	19,2	18,5	19,7
2	18,5	15,0	16,3	17,1	19,7
3	12,7	14,2	14,1	16,1	20,4
4	7,7	6,6	6,5	15,8	11,8

Что касается возрастных особенностей, то надо сказать, что в младших возрастных группах социально-психологическое состояние женщин относительно лучше. Но все же 40 % женщин в возрасте до 25 лет, постоянно испытывающих два и более из указанных негативных чувств – это весьма высокий показатель.

Приведенные факты и рассуждения касаются в целом всех женщин. Для значительной части одиноких женщин «вызов среды» оказывается еще более враждеб-

ным. Не ощущая поддержки полноценной семьи с ее «буферным» эффектом по отношению к стрессовым ситуациям, они еще в большей мере выявили неготовность к новым социальным обстоятельствам.

По данным, приведенным в одной из работ английских исследователей [12], 41 % женщин, испытавших стрессовые ситуации и не имевших поддержки со стороны мужа, находились в угнетенном состоянии по сравнению со всего лишь 10 % тех женщин, кто ее имел. Высокие

адаптивные перегрузки порождают состояние социальной тревоги, формируя у одинокой женщины «синдром жертвы», комплекс неполноценности.

Даже в относительно благополучном американском обществе исследователи отмечают в целом меньшую удовлетворенность жизнью одиноких, их худшее психологическое и физиологическое состояния по сравнению с теми, кто состоит в браке. Объединяет мужчин и женщин в данном случае мучительность и болезненность переживаний состояния одиночества.

По американской статистике, одинокие женщины в 6 раз чаще умирают от пневмонии, чем замужние. На каждого семейного мужчину в больницу поступает 10 холостых, причем смертность неженатых в 3 раза выше. А общая смертность в США незамужних женщин в два раза выше, чем замужних [13].

Российские медицинские данные также свидетельствуют о том, что одинокие подвержены повышенному риску заболеваний [14].

Таким образом, изложенное позволяет сказать, что восприятие одинокими женщинами современных жизненных реалий носит ярко выраженный негативный эмоциональный характер и формирует психическое состояние одинокой женщины, связанное с ощущением своей неполноценности, обреченности и безысходности. Такое состояние отражает внутренний разлад человека с самим собой, воспринимается им как неполноценность своих отношений с миром, как «кризис ожидания», потеря всякой надежды и разочарование в личной жизни. Из сказанного следует, что именно негативное психологическое состояние одинокой женщины является тем фоном, на котором проходит вся ее жизнь.

Следующим *существенным признаком*, определяющим социальную группу «одинокие женщины», является, по наше-

му мнению, ее статусная рассогласованность. Этот признак в определенной мере является тем основанием, на котором и формируется рассмотренное нами психологическое состояние одиноких женщин.

В широком контексте под статусной рассогласованностью понимаются существенные относительные различия положения субъекта (индивида, группы) в разных фрагментах социальной структуры [15].

Применительно к рассматриваемой социальной группе ее статусная рассогласованность достаточно ярко проявляется в двух показателях общего статуса — образования и дохода. В проведенном исследовании использовался субъективный подход, при котором акцент делается на осознании носителем рассогласованных статусов своего положения в социальном пространстве, т.е. непосредственная самоидентификация одинокой женщиной статусной ситуации как рассогласованной или согласованной.

В эксперименте одиноким женщинам (N = 78) предлагалось отнести себя к одной из трех групп на основе сопоставления своего образования и дохода (табл. 2):

- 1) соответствие дохода образованию;
- 2) образование выше дохода;
- 3) образование ниже дохода.

Тем, кто отнес себя к двум последним группам (табл. 3), предлагалось оценить степень несоответствия этих статусных позиций (незначительная, средняя или сильная).

Приведенные в табл. 2 и 3 данные выявляют явную статусную рассогласованность дохода и образования со средней и сильной степенями рассогласованности. Особенная «недооплачиваемость» труда установлена для учителей средней школы, врачей и медицинских сестер. Максимальная рассогласованность выявилась у одиноких женщин с высшим образованием, а ее максимальная степень — у женщин, не имеющих профессионального образования.

Таблица 2

Распределение ответов одиноких женщин на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете соответствие своего образования и получаемого дохода?»

Образование	Предлагаемые варианты ответов, %		
	доход соответствует образованию	образование выше дохода	образование ниже дохода
Высшее профессиональное образование (N = 28)	10,71	75	14,29
Среднее профессиональное образование (N = 24)	29,17	62,5	8,33
Профессиональное образование отсутствует (N = 26)	19,2	73,1	7,7

Таблица 3

Распределение ответов одиноких женщин на вопрос анкеты «Оцените степень несоответствия своего образования и получаемого дохода»

Образование	Степень несоответствия, %		
	незначительная	средняя	сильная
Высшее профессиональное образование (N = 25)	24	48	28
Среднее профессиональное образование (N = 18)	16,7	33,3	50
Профессиональное образование отсутствует (N = 21)	14,3	28,6	57,1

Подобная рассогласованность выявлена и для других статусных позиций одиноких женщин. Так, более половины опрошенных одиноких женщин заявили о несоответствии образовательного и профессионального статусов. Выполняемая ими работа не соответствует имеющейся квалификации (24 %) или специальности по образованию (31 %). То же можно сказать об образовательном статусе и жилищных условиях.

Таким образом, на микроуровне рассогласованность рассматривается как характеристика положения одинокой женщины и отражает степень несоответствия ее позиций в различных социальных иерархиях.

Подводя итог, можно отметить следующее. Изложенный материал позволил обосновать выделение социальной группы «оди-

нокие женщины». Для ее идентификации нами предложены две статусные позиции: брачный статус, причем существенным является не формальная регистрация брака, а наличие или отсутствие у женщины постоянного жизненного партнера, и возрастные границы, а также два существенных признака: негативное психологическое состояние одинокой женщины, являющееся фоном, на котором проходит вся ее жизнь, и разнообразные проявления эффекта статусной рассогласованности, отражающие степень несоответствия ее позиций в различных социальных иерархиях.

Наличие выделенных статусных позиций и существенных признаков вкуче и определяет, по нашему мнению, социальную группу «одинокие женщины».

Литература

1. Поливаева Н.П., Красова Е.Ю. Социально-психологические проблемы российской семьи. – Воронеж, 1999. – 95 с.; Рыбцова Л.Л. Российская женщина: пять лет спустя... – Екатеринбург, 1998; Шинелева Н.Т. Женщины и общество. – М., 1990.
2. Рубинов А.З. Семья, одиночество, любовь... – М.: Сов. Россия, 1986. – 162 с.
3. Романова Н.П. Поло-ролевые модели женщин на брачном рынке Читинской области // Вест. ЧитГУ. Вып. 6. – С. 146-166.
4. Демографический ежегодник России: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 386 с.
5. Гайдис В.А., Раппопорт С.С., Турейките Д.П. Брачные объявления: некоторые результаты эксперимента журнала «Шейма» // Социс. – 1985. – № 4. – С. 65-75; Гайдис В.А., Раппопорт С.С., Турейките Д.П. Объект анализа-письма участников эксперимента в редакцию журнала «Шейма» // Социс. – 1986. – № 1.
6. Мангейм К. Человек и общество в век преобразования. – М.: ИНИОН, 1991.
7. Корель Л.В. Женщины на крутых виражах реформ: факторы риска и ступени адаптации. – ЭКО. – 1995. – № 6. – С. 143.
8. Смелзер Н. Социология. – М., 1994. – С. 330-333.
9. Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социс. – 1997. – № 12. – С. 112-120.
10. Силласте Г.Г. Итоги экспресс-опроса участников всероссийского женского конгресса // Всероссийский женский конгресс «Труд. Занятость. Безработица». – М., 1995. – С. 163.
11. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Рук. исследования М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М., 2002.
12. Glenn N.D. and Weaver C.N. A multivariate, multisurvey study of marital happiness. *Journal of Marriage and the Family*. – 1978. – № 40. – 82 с.
13. Lyuch J.J. *The Broken Heart*. New York: Basic Books, 1977.
14. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. – М.: Медицина, 1972. – 335 с.
15. Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социс. – 2000. – № 1-2.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Full Professor,
Chita State University (ChSU)

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Areas of expertise: philosophy of loneliness, gender research, business communications

Книгоград

Буров В.Ю. Теневая деятельность субъектов малого предпринимательства и пути ее легализации: монография / В.Ю. Буров. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 216 с.

В работе представлены основные теоретические проблемы, отражающие содержание теневых экономических отношений субъектов малого предпринимательства (МП). Рассмотрены причины и последствия от их деятельности в теневом секторе экономики. Предложена структура теневой экономики. Определены оригинальные подходы к количественному анализу величины издержек функционирования деятельности МП в теневом секторе экономики, а также бюджетных потерь. Разработана структура организационно-экономического механизма противодействия теневой экономике сектора МП.

Исследование рассчитано на слушателей и преподавателей широкого круга специальностей экономического профиля вузов, а также научных работников, проявляющих интерес к проблемам теневой экономики, развития малого предпринимательства и деятельности государства в вопросах противодействия теневым экономическим отношениям

Жамсаранова Р.Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингвистическое исследование: монография / Р.Г. Жамсаранова. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 228 с.

Монография посвящена одной из наиболее сложных проблем бурятской ономастики – проблеме этимологического анализа родоплеменных названий хори-бурят. В качестве подтверждения и обоснования языковой стратиграфии генонимов привлечены документальные данные XVIII-XIX вв., а также полевые материалы этнографического и лингвистического характера. В предлагаемом научном издании впервые вводится в научный оборот свод языческих имен хори-бурят. Монография адресована ономастам, лингвистам-бурятоведам, а также всем, кто интересуется историей, этнографией, культурой монголоязычных народов

Юбилейные даты

Поздравляем преподавателей
Читинского государственного
университета

**Вахитов
Энвер
Жигангирович**

доцент кафедры технологии
деревообработки и сопротивления
материалов

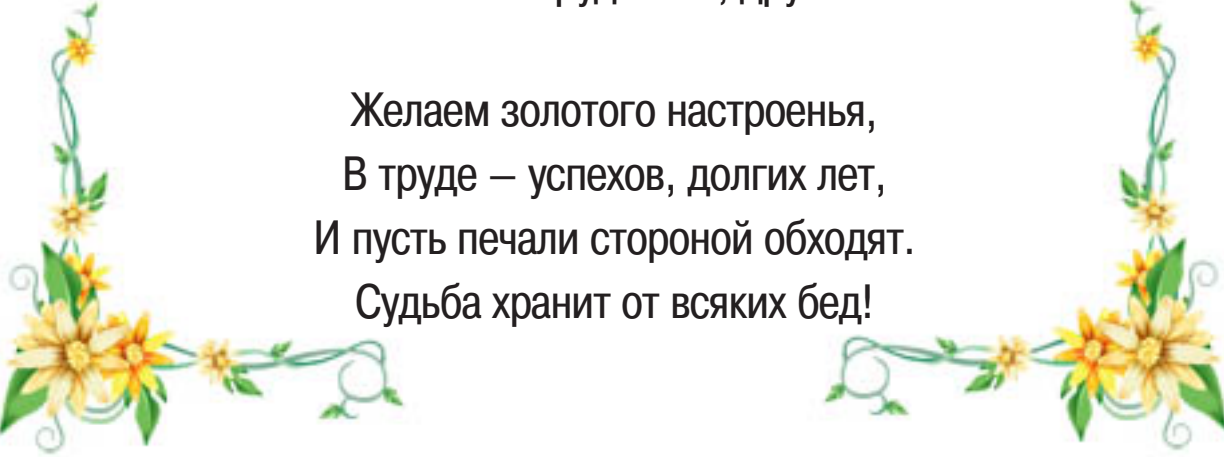
**Вощенко
Анатолий
Владимирович**

канд. мед. наук, доцент,
профессор кафедры основ
медицины,

И вот настал ваш день рожденья,
Не просто день, а юбилей.
Примите наши поздравленья
От всех сотрудников, друзей!

Желаем золотого настроенья,
В труде – успехов, долгих лет,
И пусть печали стороной обходят.
Судьба хранит от всяких бед!

СОДЕРЖАНИЕ

Философские науки

Бурмистров С.Л. Философия как практика и поиск реальности в историко-философской концепции С. Дасгупты S. Burmistrov Philosophy as Practice and Search for Reality in Historical and Philosophical Conception Developed by S. Dasgupta	3
Буянов К.С. Энергетические параметры глоболизирующегося китайского регионализма в контексте стратегического партнерства России и Китая как фактор обеспечения региональной стабильности и безопасности K. Buyanov Energy Parameters of Globalizing Chinese Regionalism Within the Context of Strategic Cooperation Between Russia and China as a Factor Providing Regional Stability and Security	10
Грешилова И.А. Феномен образования в контексте онтологии человеческого бытия I. Greshilova Phenomenon of Education Within the Context of Human Life Ontology	16
Жуков А.В. Вероучения деобандийского ислама на территории Забайкалья: социальный аспект A. Zhukov Social Aspects of Dogma Neomoslem Islam in the Territory of the Transbaikalian Region	23
Озорнина А.С. Процесс внутренней регионализации КНР как интерпретация гармонизации китайского социума A. Ozornina Local Regionalization in PRC as An Interpretation of Chinese Society Harmonization	31

Филологические науки

Матуева А.Б. Организация художественного пространства в лирике Д. Улзытуева A. Matueva The Organization of Artistic Space in D. Ulzituev's Poetry	37
Пекарская И.В. Выявление специфики русской языковой картины мира через репрезентацию концепта «язык» в паремнологической сфере: к постановке проблемы I. Pekarskaya Specificity of Russian Language Worldview Through Representation of the «Language» Concept in Paremiological Sphere	41
Савченко В.А. Транспозиция как межуровневое явление языка и речи V. Savchenko Transposition as an Interlevel Phenomenon of Language and Speech	48
Тармаева В.И. Равновесность репрезентации нарративного дискурса V. Tarmaeva Balancability of Narrative Discourse representation	53
Ушникова Э.А., Ушникова О.В. Особенности функционирования категории времени в нарративе E. Ushnikova, O. Ushnikova Category of Time Functioning Peculiarities in Narrative	59

Юридические науки

Брицкая Г.Н. Основные тенденции государственной политики Российской Федерации в сфере образования	
--	--

G. Britskaya Basic Tendencies of the Russian Federation State Policy in the Sphere of Higher Education	64
---	----

Педагогические науки

Лапа Е.А. Генезис понятия «предпринимательская деятельность» E. Lapa Genesis of «Business Activity» Concept	69
--	----

Сергеева Н.Ю. Теоретические основы арт-педагогического сопровождения профессиональной подготовки будущего учителя N. Sergeeva Theoretical Basics of art and Pedagogical Support of Future Teacher Training	74
---	----

Юсова В.И. Теоретические подходы к осмыслению понятия «ценностное самоопределение личности» V. Yusova Theoretical Approaches to The comprehension of the Conception «the Value Self-Determination of a Personality»	80
--	----

Политология

Арсентьева И.И. Научный дискурс категории «политическое пространство»: дефиниции, структура, механизмы формирования I. Arsenyeva Scientific Discourse of «Political Space» Category: Definitions, Structure, Mechanisms of Organization	87
--	----

Науки о Земле

Авдеев П.Б. Совершенствование экономико-математической модели выбора оптимального варианта открытой разработки месторождений P. Avdeev Improvement of Economic-Mathematical model of Optimization Studies For open-Cast Mining	94
--	----

Лемента О.Ю., Овсейчук В.А. Совершенствование экономико-математической модели стоимостной оценки месторождений O. Lementa, V. Ovseychuk Improvement of Economical-Mathematical Model of Deposit Cost Estimation	100
--	-----

Пирогов Г.Г. Новая ресурсосберегающая технология разработки сложных мощных крутопадающих рудных тел G. Pirogov New Resource-Saving Mining Technology for Complicated Thick Steeply Dipping Ore Bodies	104
--	-----

Социальная медицина

Вощенко А.В., Кохан С.Т. Особенности селенодефицитной кардиомиопатии у онкологических больных A. Voshenko, S. Kokhan Peculiarities of Selenium Deficiency Cardiomyopathy of Cancer Patients	110
--	-----

Социология

Романова Н.П. Статусные позиции и признаки, определяющие социальную группу «одинокие женщины» N. Romanova Status Positions and Features Determining «Lonely Women» as a Social Group	115
---	-----

Книгоград	129
Юбилейные даты	130

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (61)

2010

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.06.2010

Сдано в производство 27.06.2010

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 108

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
